

Асад Дилмурадov

ТАИНСТВЕННЫЕ СТУПЕНИ

Перевод Э. Амига

Ответ: /Сборник/: Пер. с узб.— Т.: Изд-во лит. и искусства, 1987.— 448 с.

Асад Дилмурадov родился в 1947 году.

Окончив Ташкентский университет, работал в редакциях областных и республиканских газет.

Первая книга А. Дилмурадова «Кусок неба» вышла в свет в 1978 году. За нею последовали сборник очерков «Жемчужина Самарканда» (совместно с Н. Кабулом), повесть «Таинственные ступени» (1981), сборники повестей и рассказов «Тишина Афросиаба» (1983), «Каменный сокол» (1985), историческая повесть «Шердор» (1986).

За цикл рассказов, посвященных актуальным проблемам реставрации исторических памятников Самарканда, А. Дилмурадov удостоен премии Союза журналистов Узбекистана.

Издали, из глубины узкой, полого спускающейся к низу улочки они увидели на рыжем склоне одного из обжаренных солнцем холмов кем-то оброненное ожерелье из бирюзы. На его гранях играло солнце. А улочка уползала все вниз, вниз, и постепенно приходилось задира́ть голову, чтобы не потерять из виду ожерелье, которое, как по волшебству, на глазах превращалось в череду голубых куполов. Лазурная цепочка древних усыпальниц, перекинувшись через оплывший гребень крепостного вала, опускалась к подножию холмов. Но вот кроны придорожных шелковиц, похуже на огромные тучи, заслонили их. Слева и чуть поодаль, за приземистыми ветхими домами, виднелось поросшее травой взгорье; наверху, за решетчатой ржавой изгородью, серели надмогильные плиты старого кладбища, едва ли не тысяча лет было ему.

Девчата, увлекшись разговором и то и дело чему-то смеясь, шли впереди, а он приотстал. Он задышался от жары, покрылся испариной, хотя шелковицы укрыли улицу зеленоватой прохладной тенью. Вспомнив о нем, девчата остановились.

— Шерали-ака, это правда, что в Шахи-Зинда похоронен двоюродный брат самого Мухаммеда?— спросила Дильбар.

— Нет, это всего лишь легенда. Придумали ее священнослужители, чтобы привлечь побольше правоверных на поклонение,— ответил Шерали как можно более спокойно, опасаясь, что по его виду они догадаются, как отвратительно он себя чувствует.

Вскоре деревья расступились, и перед ними предстал центральный портал мавзолея Шади Муль-ака со ступеньками, ведущими к резным, будто из кружева, воротам. Галя подошла к стене и с восхищением стала рассматривать причудливые орнаменты и мозаичный узор

из фигурных майоликовых плиток, прикасаясь к ним руками.

Сколько бы ни бывал здесь Шерали, всякий раз, когда он окидывал взглядом сверкающие под лучами солнца и переливающиеся радугой стены старинных зданий, устремившиеся ввысь купола, в груди у него возникало трепетное чувство. А сейчас, едва задрал голову, потемнело в глазах, пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть. К счастью, девчата, кажется, ничего не заметили. Дильбар что-то увлеченно рассказывала Гале, показывая рукой на покрытую разноцветными узорами стену.

— Тайна этих красок до сих пор полностью не раскрыта,— как сквозь вату доносился урывками ее голос.— Столько веков сжигает их солнце, омывают дожди, а они ничуть не поблекли...

Шерали положил на нижнюю ступеньку газету и сел, чтобы перевести дух. Он с закрытыми глазами может пройти вдоль всего Шахи-Зинда, где ему знакомы каждый поворот, каждая ступень, полумрак и прохлада склепов. Но сегодня он, судя по всему, будет для девчат плохим экскурсоводом...

Шахи-Зинда... Поразительный комплекс архитектурных памятников. Ни одна из больших и малых гробниц, расположенных на склоне холма и соединенных друг с другом убегающими ввысь ступенями, ни в чем не повторяют друг друга. Здесь, под землей, под тяжелыми плитами, в безмолвной тишине спит множество прославленных и некогда высокопочтимых людей Востока. Имена большинства из них мало что говорят нашему современнику, хотя и выбиты тут в камне. Но эти удивительные памятники, вопреки разрушительным силам столетий и всяких стихий, служат надежным шитом духам предков. У порога этого святилища человек невольно отбрасывает прочь все черные мысли, оставляет их у себя за спиной, и переступает его просветленный... Может, поэтому Шахи-Зинда издревле считалось одним из наиболее почитаемых святых мест, куда совершали паломничество верующие из самых дальних стран. Однако еще недавно это прекрасное творение народного гения было окутано тайной. Вход в гробницы для иноверцев был под запретом. Только внешняя сторона покрытых глазурью зданий поражала глаз европейца, на пути которого стояли ревнивые и строгие стражи — муллы и шейхи. А сейчас подкатывают битком набитые туристами автобу-

сы, нескончаемым потоком идут сюда люди — чтобы вспомнить предков, восхититься их мастерством, усладить взор свой красками и орнаментом вечных стен, по сей день хранящих тепло сердец тех, кто их создавал.

Мимо Шерали шли люди, переговариваясь, шаркая ногами. Он не сразу заметил Дильбар, присевшую напротив него на корточки. Она коснулась его плеча рукой и, озабоченно вглядываясь в лицо, спросила:

— Шерали-ака, вам плохо, да?.. Извините... Если бы я знала... Я думала, вы уже совсем выздоровели...

— Ничего, ничего, Дильбар,— заставил он себя улыбнуться.— Я просто немножко устал...

— Конечно, вы бы Гале рассказали все лучше меня... Хотите, подождите нас здесь. Мы быстренько обежим вокруг и вернемся.

— Идите, идите, я потихоньку нагоню вас,— сказал он, медленно поднимаясь с места.

Вековые ступени ведут все вверх-вверх, все выше-выше. Они безмолвны, стертые и унылы, ступени Шахи-Зида... Шерали переступил порог высокой арки. Здесь было тихо и прохладно.

А девушки уже миновали верхнюю, вымощенную квадратным кирпичом площадку. Дильбар обернулась и помахала рукой. «А я еще немножко отдохну»,— подумал Шерали, улыбнувшись девушке, и опустил на скамейку. Его знобило. Что это с ним? Он и сам думал, что выздоровел. Может, перегрелся на солнце. Все-таки болезнь его сильно измотала. «Главное богатство — здоровье»,—недаром так часто повторял это Камал Нурбаевич. Конечно, слова эти придуманы не им, но когда они приходили в голову Шерали, то в ушах у него всегда звучал голос Нурбаева, его научного руководителя. Говоря это, он, разумеется, имел в виду не себя, а тех, чье здоровье они по долгу службы обязаны оберегать... Когда Шерали еще только пошел в школу, Нурбаев уже окончил Самаркандский медицинский институт. Несколько лет он проработал в институте эпидемиологии, а потом поехал в Ленинград и поступил в аспирантуру. Так он в Ленинграде и остался. Сейчас он широко известен в ученом мире как один из опытнейших паразитологов. Шерали здорово повезло, что его наставником стал такой человек, как Камал Нурбаевич. Нельзя не проникнуться к нему благодарностью, когда вспоминаешь его отзывчивость, готовность в любую минуту, день ли, ночь ли, прийти тебе на помощь. На всю жизнь запомнились

слова Нурбаева. «Смысл жизни — творить добро. Доброта необходима людям, как воздух и вода. Медики же нередко несут добро, подавляя в себе чувство жалости. Человек без доброты — что засохшее дерево...» Немало светлых вечеров, когда «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», провел он в обществе своего учителя. Камал Нурбаевич живет на тихой старинной улице неподалеку от Невы. Широкая Нева особенно прекрасна на закате, когда огненно-красные лучи солнца скользят по рябщей поверхности реки, и кажется, не вода в ней плещется, а расплавленное золото. Раздвинув тюлевые шторы, они стояли у окна и любовались закатом. Жена Камала Нурбаевича приносила чайник с зеленым чаем и две пиалы, молча ставила на подоконник и тихо уходила. Учитель любил сам заваривать чай. Наполнив пиалу, сливал обратно в чайник, потом минуту-другую они ждали, пока чай осядет и заварится покрепче. Камал Нурбаевич наливал в пиалушку чуть-чуть, на донышко, и протягивал ученику, прижимая левую руку к груди. Любуясь вечерним городом, они услаждали себя чаем, и им сразу вспоминался родной Самарканд. Собственно, о Самарканде они чаще всего и говорили... Давно минули и все отдаляются и отдаляются те прекрасные дни, но воспоминания о них согревают и просветляют душу, как свет давно угасших звезд. Шерали соскучился по учителю, очень хотелось бы его увидеть. А что если взять да и махнуть в отпуск в Ленинград! «Ну, как?..» — спросит Камал Нурбаевич, и от его слегка прищуренных задорно блестящих глаз разбегутся лучики морщин. Именно таким вопросом он и встретит своего ученика. А что ответит Шерали? Пожмет плечами и уйдет от прямого разговора? Нечего Шерали сказать учителю, нечем похвастаться и порадовать. А ведь он столько времени потратил на Шерали. Нет, совестно предстать перед Нурбаевым, гм... «незащищенным». Все, с кем Шерали учился в аспирантуре, давно защитили диссертации. А он все никак... Отстал... Такое случается порой на беговой дорожке со спринтерами. Один из бегунов стремительно вырывается вперед, остается еще чуть-чуть, последнее усилие... но у самого финиша он подворачивает ногу, падает и финишную черту пересекает последним, хромя, со страдальческой гримасой на лице. Поначалу все у Шерали шло ровно-гладко. И он давно бы поставил в конце своей работы точку, не попадись ему случайно в руки эта тетрадь. И

то, что он из нее узнал, от начала до конца перечеркивало все, чему он посвятил несколько лет. Что и говорить, это были самые черные дни в жизни Шерали. Не раз приходили в голову недобрые мысли: «А что если скрыть? Ведь никто не знает про эту тетрадь. Не было ее! Не было — и все!» Но, видимо, не прошли даром уроки Камала Нурбаева. Не смог Шерали пойти против совести, а если бы смог, то дни его так и не стали бы светлыми до конца жизни...

В полусумеречном проходе появилась шумная толпа иностранцев. Что-то бурно обсуждая на своем языке, кажется, на немецком, они вышли на солнцепек и, окружив экскурсовода, остановились на площадке, с которой длинная, похожая на кирпичный эскалатор лестница уводила вверх, к мавзолею Кази-заде Руми.

Шерали медленно поднялся и, преодолев головокружение, слегка придерживаясь за осыпающуюся под рукой стену, обошел туристов, забросавших гида вопросами, и посмотрел вверх, где ступени сливались в сплошную желтую ленту. «Там, наверху, покоится великий ученый. Но об этом даже в Самарканде мало кто знает. До чего же странно устроен мир... Я поднимусь до мавзолея Руми, поклонюсь праху ученого и вернусь. Дальше не пойду...»

Шерали ступил на первую ступень знаменитой лестницы. Таинственной лестницы.

«Первая... Вторая... Третья...»

Поднялся на пять ступеней — всего на пять! — посумасшедшему забилося сердце. Перед глазами замелькали радужные, словно мыльные пузыри, круги, исчезая и вновь появляясь. Будто от чего-то кислого свело скулы, к горлу подступила тошнота. И он ощутил почти физическую боль от пронзившей его мысли: «Неужели все опять сначала?.. Я же почти выздоровел... Наверное, рано еще было совершать столь дальнюю прогулку...» Он уже раскисвал, что принял приглашение девчат. Ноги сделались ватными, коленки дрожали, вот-вот подогнутся. Не хватало еще растянуться тут на глазах у всех! Сидел бы дома и не казал никуда носа. Ему вспомнилась его малогабаритная однокомнатная квартира, тесная, но довольно уютная. Перед глазами так и стоял широкий мягкий диван, который он не покидал едва ли не два месяца. С каким бы наслаждением вытянулся он на нем сейчас, полежал, закрыв глаза, пока не пройдет это мерзкое головокружение, а расплывающиеся предме-

ты вновь примут четкие очертания. Нет, не ко времени принесла нелегкая этих девчат. Если бы не они, ни за что бы из дому не вышел...

Было начало десятого, а Шерали не хотелось вылезать из теплой постели. Он лежал скрючившись, подоткнув со всех сторон одеяло. В комнате было совсем не холодно — да и может ли быть нормальному человеку холодно, когда на улице по-летнему греет солнце и, накалив до оранжевого цвета коричневые портьеры на окнах, наполняет комнату осенне-золотистым теплом, но Шерали, хотя дело и пошло на поправку, все еще по ночам знобило, и он укрывался стеганым одеялом. Он опять уже начал, как в обволакивающую паутину, погружаться в сон, когда в прихожей пронзительно зазвенел звонок, заставив его вздрогнуть. Он медленно встал, сунул босые ноги в мягкие стоптанные тапочки, накинул тонкий стеганый чапан и пошел открывать, гадая: «Кого это так рано черт принес?..» Но едва открыл дверь, раздражение тотчас сменилось радостью. Перед ним, словно облитая золотом, стояла освещенная падающим на лестничную площадку солнечным лучом Дильбар. Она была в ханатласовом платье и расстегнутом красном жакете.

— Неужели мы вас разбудили?— удивилась Дильбар.— Ну и соня же вы! Мы на минутку.

Только теперь Шерали заметил стоявшую ступенькой ниже незнакомую блондинку в голубых джинсах и белой блузке.

— Прошу, прошу,— несколько смутившись, сказал Шерали и, пошире открыв дверь, отступил в сторону, придерживая полы халата, чтоб не распахнулись.

Девушки вошли.

— Это Галя, моя подруга,— сказала Дильбар.— Она приехала вчера.

— А я самоуверенно считал, что знаю всех ваших подруг...

— Галя живет в Москве. В будущем она — прославленный ученый...

— Не преувеличивай, пожалуйста,— поморщилась Галина.

— Ладно, ладно, пока что она учится в аспирантуре, но кому интересны эти мелкие подробности,— засмеялась Дильбар и, обернувшись к Шерали, пояснила:—

Отец у Галочки известный профессор, так что ее действительно ждет блестящее будущее.

— Если придерживаться твоей логики, то и тебе в не менее блестящее будущее широко раскрыты золотые ворота. Мама твоя тоже профессор, и тоже известный,— подхватила шутку Галина.

— Ой, Галочка, мне бы твои способности — и я бы гордо вошла в эти ворота, не пригибая головы. Такой, как мне, посредством, предназначено купаться в лучах чужой славы,— с улыбкой сказала Дильбар и при этом скользнула взглядом по Шерали.— Кстати, Галя занимается паразитологией. Я ей рассказала о вас, и ее сразу очень заинтриговал ваш эксперимент.

Шерали слегка пожал плечами и кивком пригласил девушек в комнату.

— Дильбар, вскипятите, пожалуйста, чай, пока я приму душ.

— Никаких чаев!— сказала Галя.— У меня очень мало времени, и каждую минуту хочется использовать рационально. Я впервые в Самарканде, тут все так интересно...— Она прошла к столу и, выдвинув стул, села.— Мне Дильбар о вас столько рассказывала, что я не могла отказать себе в удовольствии познакомиться с вами...

— Думаю, Дильбар что-то преувеличила,— засмеялся Шерали.— Поверьте, тут немало гораздо более интересных достопримечательностей, достойных вашего внимания.

— Во всяком случае не станете же вы отрицать, что хорошо знаете историю Самарканда,— быстро проговорила Дильбар, заливаясь краской и с укором поглядев на Галину.— Не так уж много я и говорила тебе о Шерали-ака...

— Дильбарочка, учти, если девушка смущается, это говорит о многом.

— Тебе что, не о чем больше говорить?— рассердилась Дильбар, все еще краснея от смущения.— Когда мы шли сюда, тебя интересовало совсем другое.— Она подошла к окну и с шумом раздвинула шторы; чтобы сменить тему разговора, спросила неестественно громким голосом, выдавшим ее волнение:— Шерали-ака, мы хотим сегодня посмотреть Шахи-Зинда, не сможете ли вы пойти с нами?

Шерали машинально кивнул. Вопрос Дильбар застал его врасплох. Он уже столько времени не решался бы-

вать где-либо, кроме как в институте, и то в силу необходимости.

— Однако прежде всего чай,— сказал он.— В Узбекистане, Галочка, не принято, войдя в дом, не вкусить хлеба. Дильбархон, прошу вас...

И он скрылся в ванной. Вскоре оттуда послышался шум воды. Он вышел из ванной тщательно выбритый, с отглаженных брюках и белой сорочке в узкую голубую полоску. Заострившиеся скулы и ввалившиеся глаза выдавали, что он не совсем еще окреп после тяжелой болезни. Поймав на себе долгий пристальный взгляд Галины, он приветливо улыбнулся. Сидя в глубоком кресле у журнального столика, она механически пере листывала лежавший у нее на коленях журнал и, не поднимая голубых лучистых глаз, улыбнулась ему в ответ.

— Право, не знаю, чем вас развлечь,— развел он руками.— Хотите музыку? Что вы любите, классику или современное?..

Из кухни донесся голос Дильбар, которая, надев фартук, протирает вымытую посуду:

— Не утруждайте себя, мы вышли из дому с готовой программой. После Шахи-Зинда идем в театр, сегодня там выступает ансамбль «Бахор». Мама с трудом достала для нас два билета.

Галя, облокотясь о колени, сомкнула у подбородка длинные тонкие, как у пианистки, пальцы:

— Шерали... можно, я вас буду называть просто Шерали? А то «ака» для меня как-то непривычно,— сказала она и после его кивка продолжала:— Скажите, пожа луйста, как вы решились испытать на себе эту старую болезнь?

— Болезнь действительно старая. Но новая разновидность ее случайно обнаружена в одном из глухих районов. Правда, не мною и не сейчас. Но мой предшественник не успел довести свои исследования до конца...

— Господи, и вы сами себя заразили этой болезнью?

— История медицины знает немало случаев, когда врачи проводили на себе куда более опасные эксперименты. Помните у Вознесенского? «Нужны подвижники»!..

Дильбар принесла и поставила на стол две вазы, с местными конфетами парварда, похожими на кусочки засушенного теста, и печеньем.

— Прошу к столу.

Чтобы в незнакомом городе побольше увидеть, лучше ходить пешком. К тому же троллейбусы были набиты битком. Девушки прошли мимо остановки и, взявшись за руки, перебежали на другую сторону улицы, остановились, поджидая Шерали, ослепительными улыбками подстрекая его на рискованный бросок. Однако он знал свои возможности, даже подзадоривающие взгляды красивых девушек не могли прибавить ему сил; пропустив небольшой табун легковых автомобилей, он медленным шагом направился к противоположному тротуару, взял девушек под руку, и они направились к площади Регистан.

— А что означает «Регистан»?— спросила Галя.

— Если дословно: очаг познания,— отвечивал Шерали.— На этой площади еще в глубокой древности были построены грандиозные медресе, куда съезжались учиться со всего мусульманского Востока. Тут зубрили не только суры корана, но изучали математику, геометрию, астрономию.

— Да, без этих наук вряд ли можно было бы возвести такие здания,— сказала Галя, окинув взглядом виднеющиеся поодаль, за зелеными газонами и клумбами, усаженными все еще ярко цветущими розами, подернутые голубоватой дымкой высокие, в разноцветных узорах, словно в коврах, стены, устремленные в небо минареты, приходилось щуриться от их ослепительного блеска.

Мчалось время, белую зиму сменяла яркая весна, приходило лето и торопливо уступало место осени, а эти величественные здания оставались неизменными — казалось, они только меняют сезонную одежду. Шерали более всего нравился их осенний наряд. Газоны по краям были обсажены айвовыми деревьями, не очень высокими, но с широкими, как зонтик, кронами. Среди редких пожухлых листьев висели налитые тяжелые плоды, похожие на массивные золотые серьги, особенно ярко выделяющиеся на фоне чистого безоблачного неба. На кустах роз листья были не свежезеленые, а с сероватым налетом, зато сами цветы радовали глаз свежестью.

Они пересекли площадь и по мраморным ступеням спустились в мощный старинным квадратным кирпичом обширный двор. Шерали рассказывал все, что знал о медресе Улугбека, Шер-Доре, Тилля-Кари. Галя остановилась посреди двора, и задрал голову, заслонив

ладонью глаза от солнца, оглядывалась по сторонам. Над бирюзовыми куполами и минаретами летали стаи голубей. Она залюбовалась сценой охоты, изображенной над полукруглой аркой входного портала медресе Шер-Дор: огромный полосатый тигр наступил на молодую лань.

— Нет, вы поистине можете гордиться своими предками,— прошептала Галя и сжала руку Дильбар.— Ты глянь на этот орнамент! А краски-то какие, краски!.. Ни ливни в течение веков их не смыли, ни под лучами солнца они не выцвели.

Взявшись за руки, девушки направились к Тилля-Кари, внутренние стены которого и потолки были сплошь украшены узорами из золота.

Шерали вдруг показалось, будто мощеный двор под ногами покачнулся, словно плот — надо ухватиться за что-нибудь или присесть, чтобы не упасть — но он лишь стиснул зубы, преодолевая головокружение, и когда последовал за подругами, те были уже довольно далеко. Дильбар обернулась и погрозила пальцем, мол, отстаете, товарищ гид!

Шерали десятки, если не сотни раз бывал здесь, и всегда, проходя через этот двор, испытывал трепет, любовался, восхищался всем, что видели тут его глаза. А сейчас вдруг веселые голоса девушек, их негромкий смех почему-то стали раздражать его, как если бы во время концерта кто-то разразился бы непрерывным кашлем. «Все от недомогания... Неужели эта чертова болезнь изменила даже мой характер?»

На лице Дильбар отобразилось беспокойство. Она пристально посмотрела ему в глаза. Заметила ли что-нибудь в глубине его зрачков, прочла мысли?

— Устали?

Он отвел глаза, отрицательно покачал головой. Кому из мужчин приятно признаваться женщине в своей слабости.

— Тогда быстренько осмотрим это медресе и пойдем в Шахи-Зида. Ладно?

Он кивнул. Но ему, как никогда, захотелось воспользоваться сейчас одним из благ цивилизации, транспортом, и он робко предложил:

— Может, автобусом?

— А это далеко?— поинтересовалась Галя.

— Если пешком, то всего полчаса пути,— сказала Дильбар.

— Тогда пешком.

Шерали вздохнул. Пешком так пешком. В конце концов нет худа без добра: подавление собственных слабостей воспитывает волю. Главное, взять себя в руки, не думать о том, что снова может закружиться голова, к горлу подступит тошнота, а ноги сделаются ватными... главное, не думать про это. Он улыбнулся и жестом пригласил девушек войти в широкую двухстворчатую дверь...

«Пять...— подумал Шерали, упершись рукой в шершавую стену, чувствуя, как сильно колотится сердце, готовое выскочить из груди. Во рту сделалось так сухо, что язык прилип к небу.— Пять... Шестая...» Он посмотрел вверх. Лестница со слегка наклонными, стертыми тысячами ног ступенями, показалась ему бесконечно длинной. Никогда раньше эти ступени не вызывали в нем страха, сомнения, что он не сможет их одолеть.

Мимо, шумно обсуждая что-то, прошли иностранцы, расчехляя фотоаппараты и кинокамеры.

«Кто только не бывал тут! Интересно было бы узнать обо всех, кто здесь проходил! Заставить бы эту лестницу заговорить, как магнитофонную ленту!» «Вы еще и фантазер!»— засмеялась бы Дильбар, скажи он ей об этом. А ведь мы до сих пор не имеем достоверных сведений о многих выдающихся исторических личностях. Историки нередко прибегают к домыслам... Как было бы здорово услышать сейчас голос мудрого Авиценны! Наши современники так мало о нем знают. Даже студентам медицинского института немного известно о его знаменитых трудах...

— Авиценна не пошел далее примитивного табибства.

Шерали поднял голову и увидел перед собой Дильбар и Галю. Что же это он — разговаривал сам с собой вслух?

— Да, Авиценна занимался простым знахарством, не сообразуясь с наукой,— продолжала Дильбар.

— Несправедливые утверждения!— с горячностью воскликнул Шерали.— Вы говорите прямо в унисон с американским историком Гарисоном... А можно ли требовать от людей того времени, работавших в одиночку, обширных научных исследований, которыми ныне занимаются целые институты? Они попросту собирали, накапливали опыт множества поколений! Но это ли не нау-

ка?.. Скажем, они знали, как излечиться от такой-то болезни, хотя объяснить механизм выздоровления и не могли. Но ведь у Авиценны немало собственных, весьма интересных наблюдений, которым не может дать объяснения даже наша сегодняшняя наука. К примеру, современная медицина до сих пор не может объяснить причину того или иного цвета катаракты. Но бесценными оказались для глазной хирургии указания Авиценны о трех цветах катаракты, именно эти разновидности ее почему-то поддаются лечению... Я могу привести еще массу примеров! Хотите?

Дильбар растерялась оттого, что вызвала у Шерали такую бурную реакцию, задела его за живое, и, моргая глазами, взглянула на Галину.

— Для того времени это, несомненно, была наука, и еще какая!— сказала та.— Благодаря таким подвижникам, какими были Авиценна и его последователи, существует и современная наука. Кстати сказать, в Москве, в ученом мире довольно часто упоминается имя вашего знаменитого Авиценны. Так что успойтесь оба...

— И неспроста!— подхватил Шерали.— Знаете, что писал Низами Арузи Самарканди спустя сто лет после смерти Авиценны?.. «Тому, кто постигнет первую книгу «Канона», не останется неизвестной ни одна из важных основ медицины, и если бы Гиппократ и Гален воскресли, им следовало бы отдать должное этому труду...»

— Сейчас стало очень модным слово «первый», «впервые». Ну, так вот, чтобы не отстать от моды, скажем, Авиценна — первый хирург Востока. Впервые в истории медицины он произвел операции брюшной полости, глаза, трепанацию черепа...— смеясь, заметила Галя, словно бальзам проливая на сердце Шерали.

— Да какую отрасль медицины ни возьми, везде Авиценна проводил свои исследования,— улыбнулся тот.— А мы, если работаем над диссертацией, занимаемся только одной темой, исследуем невероятно узкую область, и нас тоже называют учеными...

— Такого рода операции помогли Авиценне впервые в истории медицины описать болезнь «тяжелого нарушения сна», ныне называемую энцефалитом,— продолжала Галя, улыбаясь, глядя в глаза Шерали.— «Самая глубокая спячка,— пишет Авиценна в своем «Каноне»,— возникает при ранении тех желудочков мозга, которые вызывают столь же глубокую спячку при давлении на

них опухоли или воспаления». В Европе это научно было доказано лишь в 1918 году.

— А ну вас!— махнула рукой Дильбар.— На эту тему можно поговорить в любом другом месте. Идемте, хватит дискутировать!— Дильбар взяла Шерали под руку.— У Гали масса вопросов, а я ни в истории, ни в архитектуре ни бельмеса.

— Сейчас... Сейчас,— сказал Шерали, глядя себе под ноги. «Итак, шестая ступенька. Шестая...»— В школе нам сообщают, что микроб и вирус обнаружил француз Луи Пастер,— уже спокойно продолжал Шерали, хотя голос его все еще дрожал от волнения.— А ведь Авиценна еще пять веков тому назад, причем задолго до появления микроскопа, высказал догадку о том, что переносчиками заразных болезней являются не видимые глазу «живые существа!»

— Шерали-ака, вы можете переключиться?

— Попробую, хотя это не так-то просто,— виновато улыбнулся Шерали.

— Не скажете, чей вот этот мавзолей, с двумя куполами?

— По преданию, тут похоронен Казы-заде Руми. Пятнадцатый век.

Галина, отступив на несколько шагов и прижавшись к стене, не позволяющей ей отойти еще дальше, залюбовалась поливной терракотой и расписной майоликой в облицовке портала мавзолея, резной, словно кружевной дверью.

Пока Шерали отдыхал, девушки поднялись на следующую площадку, по обеим сторонам которой напротив друг друга располагались мавзолен Туглу-Текин и Эмир-заде. Оглянулись...

«Семь... Восемь...»

В висках сильные толчки, будто по ним бьют упругими резиновыми молотками. По лицу ручьями стекает пот. Еще шаг. Ну, что тебе стоит сделать еще один? Но нет сил. Хоть руками хватайся за ноги и переставляй их. «Ну, что вы стоите? Идите дальше, восторгайтесь, охайте-ахайте! А мне совсем от другого хочется охать...» Он сделал вид, что остановился получше рассмотреть резной деревянный фриз XI века в комплексе Кусамы Ибн Аббаса, мимо которого подруги прошли, не задерживаясь.

Нигде так не ощущаешь быстротечность времени, как здесь, в Шахи-Зинда. Интимность настроения, иллюзия погруженности в прошедшие века создаются не только

полной изоляцией всего ансамбля от современного города, его улиц, шумов, многоликой толпы, но и особой композицией, камерностью самих построек, неожиданных в изломах коридора-дорожки, замкнутых в небольшие крытые дворики. Тесно застроенный ломаный коридор как бы вторит узким средневековым улочкам феодального города.

«Восемь. Уже восемь... Девятая...»

Что о нем могут подумать? Тоже мне мужчина, который не может подняться вверх по нескольким десяткам ступенек?.. Нет-нет, он не подаст виду, что ему это в тягость. Вот только переждет приступ слабости и пойдет вперед. Будет идти, идти, без передышки, сколько хватит сил. А что если свалится, как отбившийся от матери ягненок?

Дильбар, улыбаясь, помахала рукой, поторапливая его. Отсюда снизу кажется, что она далеко-далеко, в поднебесье. «Интересно, сколько все-таки тут ступеней? На протяжении веков прибывающие издалека паломники считали их. И сейчас многие считают из любопытства. У всех получается разное число. У одних — сорок, у других — сорок одна, у третьих — сорок три... Говорят, только безгрешный, с незапятнанной совестью человек может сосчитать их правильно, определить точную цифру. Таинственные ступени. Словно заговоренные. Хорошо, если бы всегда и во всем отдавалось предпочтение самым совестливым. Увы... Во все времена гораздо легче жилось прохвостам. Так сколько же тут ступеней?..

Девять...»

В горле саднило, он закашлялся. Небо почему-то поблекло, и на нем стали появляться и исчезать радужно переливающиеся, меняющие цвет круги, целая цепь, нет, сетка во все небо из разноцветных кругов. Может, небо затянула пелена пыли? Но почему же тогда померкли и узорчатые стены мавзолеев, и на них тоже стали загораться и гаснуть круги. Красные, оранжевые, желтые, зеленые. Заполнили весь мир. И вдруг этот мир показался ему чужим, лишенным людей, он почувствовал себя страшно одиноким, и неоткуда ждать ему помощи... Помощи? Не совестно ли просить кого-то помочь взойти на верхнюю площадку этой лестницы и вернуться назад? Это ведь так просто. Так просто... Надо лишь правильно рассчитать силы. «Не вступай в лабиринт, если выхода не знаешь», — гласит индийская поговорка. Выход-то он знает. Ему знаком в этих стенах каждый кирпич, ли-

ния, завиток узора. Он не знает себя. Не знает, хватит ли сил... Он загадал: одолеет подъем — значит, и другие трудности одолеет. Так сколько же тут ступеней?...

«Десять...»

— Ну, что вы отстааете, Шерали-ака?— послышался голос Дильбар.— Ступеньки считаете? Все равно ошибетесь!

— На меня не обра...— голос сорвался, он закашлялся, махнул рукой: идите, мол, идите.

«Одиннадцатая...»

Где ему за ними угнаться! Пока он доберется до верхней площадки, они успеют обойти весь Шахи-Зинда.

Держась за изгородь, он обернулся назад и заслонил ладонью глаза от солнца. Сквозь желтую пелену смутно прорисовывались очертания куполов нижней группы ансамбля. А идущие мимо люди думали, что он любуется ими, голубыми, сияющими на солнце куполами, сквозь майоликовую облицовку которых проросли там и тут пучки травы.

Неужели все начнется сначала? И проклятые ненасытные черви будут снова терзать его и он почти физически будет ощущать их, чувствовать, как они шевелятся у него внутри?.. Тьфу, и думать об этом противно! Лучше думать о том, что человек,— властелин вселенной, и ему ли бояться каких-то там одноклеточных?.. И все же — черт возьми!— меркнет перед глазами свет, будто день угасает раньше времени. Не будь эти одноклеточные столь опасны для человека, стоило ли вступать с ними в борьбу? Ты же затеял это, чтобы научиться их побеждать, а затем научить других. Вот когда ты их совсем одолеешь, тогда их можно будет не бояться. Никто не будет их бояться.

«А куда я тащусь из последних сил, задыхаясь и обливаясь потом?.. Ах, да, за Дильбар и Галей. Хочу поспеть за ними. Но разве может поспеть черепаха за птицей? Вон они как несутся, словно крылья у них за спиной... Так же время мчится вперед, никого не поджидая. И в ногу с ним идут только сильные. Слабые отстают. Многие выдыхаются на полпути. А время мчится без остановки, все отдаляется, отдаляется, и тому, кто выдохся, его уже не нагнать...»

— Дильбар! Дильбар, подожди!..— крикнул он, но голос вырвался из горла свистящим хрипом.

Позади девушек поднималась по ступеням шумная

группа туристов, она заслонила их, и Шерали потерял их из виду.

«Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать...»

Близко подступающие с обеих сторон кирпичные стены отражали звуки его шагов. Туристы исчезли за поворотом. И стало тихо. Он слышал гулкое биение собственного сердца. Зашуршал ветер, скользнув по поверхности древних стен. Откуда-то донеслось воркование горлинки, негромкое и нежное, как голос матери, убаюкивающей свое дитя. С полуобвалившегося карниза мавзолея свисала солома с налипшим пухом, тоненькие сучки, над которыми торчал маленький серый хвостик птицы. Еще одно свидетельство непрерывности жизни. Наверняка предки этой птицы селились здесь и много веков назад, люди и тогда слышали их нежное воркование...

Шерали остановился, тяжело дыша, будто пробежал огромное расстояние. Оглянулся — поднялся-то всего ничего. На тринадцать ступеней. А сил потратил сколько. Словно во сне бежишь изо всех сил — и ни с места. Будто опутан весь цепями и никак не можешь из них вырваться, кричишь, задыхаешься. А проснешься — сразу легче. И счастлив, что это всего-навсего сон... Сейчас же у него наяву такое чувство, будто руки и ноги закованы в тяжелые цепи. Избавься он от них, и дальше пойдет легко, в два счета догонит. Но где взять силы, чтобы разорвать эту цепь, вот в чем вопрос...

Люди издревле говорят: «Нет более тяжкого греха, чем наложить на себя руки». Может, он за грех свой теперь и мается? Как расценили бы его поступок старики? Ведь он вселил в самого себя нечистую силу, которая якобы препоручает душу человека самому Азраилу, ангелу смерти? Случись такое в старину, его перестали бы впускать в мечеть. А как же Авиценна проводил свои опыты? Ничто не могло утешить ученого. Ничто не могло утолить его жажды знаний, постижения тайн, познания того, чего человек до него не знал...

Шерали тоже взялся разгадать одну из множества загадок. Он занялся изучением такой разновидности аскаридоза, какой современной паразитологии был еще не известен. Но почему решение Шерали изучить течение этой болезни, подвергнув риску самого себя, вызвало в институте столько кривотолков, столько противоречивых суждений? Неужели так уж важно, как, каким образом отомкнет он ларчик с секретом?! Ведь если кому-то

удалось распутать сложный узел, глупо упрекать его в том, что он распутал его по-своему, а не как все.

Когда пришло к нему это решение? Идея-то родилась у него давно, когда он еще работал в филиале института. И далеко не случайно...

...Позади неказистого приземистого здания с облупленной штукатуркой и длинным рядом окон, делающим его похожим на барак, раскинулся обширный старый сад. Большинство деревьев в нем — яблоневые, грушевые, абрикосовые, алычовые — одичали и не ахти как плодоносили, зато под ними всегда было прохладно и влажно. По краям сада росли вековые платаны, сквозь их густые кроны и в самый солнечный день жгучие лучи не могли пробиться к земле, на которой ярко зеленела трава до самой глубокой осени.

В жаркий полдень, выйдя из душной столовой, Шерали любил приходить сюда. Он забирался в чашу, раздвигая гранатовые кусты, садился на потемневшую от времени скамью, у которой подгнили и покрылись пятнами мха и плесени ножки, откидывался на спинку, раскинув по ней руки и, расслабься, с удовольствием вдыхал удивительно свежий, профильтрованный растительностью воздух, ощущая, как к нему возвращается бодрость.

В саду между старыми деревьями росли и плодоносящие яблони, персики, черешня, разные сорта айвы. Эти деревья в свое время посадил Леонид Михайлович Исаев. По словам его учеников, это был человек, не знавший покоя. Того же он требовал от других. Тогда он возглавлял институт и в этом неказистом здании проводил свои исследования. А выдавался свободный час, сажал в саду деревья, холил их. Особенно, говорят, любил он айву. Его жена варила из нее варенье, и он одаривал им своих сотрудников, ставя непременно условие возвращать банки. Тогда не просто было раздобыть и простые стеклянные банки... И эту скамью в тихом укромном месте Леонид Михайлович сколотил сам. Любил на ней отдыхать. Но что значит — отдыхать для ученого? Сам он может оставаться какое-то время неподвижным, однако может ли он даже при желании остановить движение мысли? Наверняка немало ценных идей осенило Леонида Михайловича, когда он сживал здесь...

И, отдыхая в этом месте, Шерали всегда думал об

Исаеве, с благодарностью вспоминал его. Как все-таки немного людей, о которых потомки думают с благодарностью. Что для этого нужно?.. Леонид Михайлович Исаев всю свою жизнь посвятил охране здоровья человека...

В начале двадцатых годов на территории Средней Азии свирепствовали эпидемии, уносившие тысячи жизней. Пустели кишлаки, разрастались кладбища. Шейхи и муллы объясняли этот мор проявлением божьего гнева из-за того, что люди перестали блюсти установленные издревле законы, не почитают правителей, баев, зарятся на чужое добро, и то, что искони принадлежало одному избраннику аллаха, объявляют общим; шейхи и муллы сеяли среди народа смятение и страх...

Еще гремели в Туркестане выстрелы гражданской войны, а в Москве по указанию В. И. Ленина открылся первый в России Тропический институт. С фронтов были отозваны врачи, чтобы усовершенствовать свои знания.

Едва пала эмирская Бухара и на территории всего Туркестана утвердилась Советская власть, двое молодых врачей, Леонид Исаев и Николай Ходукин, приехали сюда, чтобы приступить к исследованию страшных болезней. Н. Ходукин возглавил малярийные станции в Мары и Ташкенте. А Леонид Исаев открыл в Самарканде первый в Средней Азии Тропический институт...

В то время в краю узбеков медицинское учреждение такого типа было единственным в своем роде. И оно сыграло огромную роль в окончательной ликвидации многих заразных болезней. Навсегда исчезли брюшной тиф, холера, малярия, чума. И теперь сотрудники института проводят исследования по борьбе с вирусами и микробами, развивающимися в основном в человеческом организме, изыскивают наиболее эффективные способы борьбы с вредными насекомыми — комарами, клопами, мухами, блохами, переносчиками заразных заболеваний.

...Однажды, копаясь в пыльных шкафах небогатой библиотеки филиала, куда редко заходили любознательные читатели, а если и заходили, то больше из праздного любопытства, чем надеясь найти что-нибудь интересное среди старых истрепанных книг и рукописей, Шерали обнаружил толстую тетрадь с пожелтевшей коленкоровой обложкой и помятыми осыпающимися краями. Он взял ее с полки и, прежде чем переложить в книжный шкаф, где лежали груды бумаги, которую не хотели выбрасывать, не просмотрев, а просмотреть ни у кого не хватало

времени, перелистал несколько страниц. Каково же было его удивление, когда неприметная, покрытая пылью тетрадь оказалась дневником Леонида Михайловича. В помещении было темновато. Шерали придвинул стул к окну, расположился поудобнее и стал осторожно перелистывать страницы. Не заметил, как пролетели часы. В самом конце тетради оказались записи, которые ученый сделал за несколько месяцев до смерти. Леонид Михайлович подробно описал, как в горах Ургута, в одном из самых глухих мест, обнаружил в земле однолетние яйца неизвестного вида аскариды. Решил проверить их живучесть и закопал в саду, принадлежавшем филиалу института. «Очень жаль, что возраст у меня уже преклонный. Ах, если можно было бы сбросить лет этак пятнадцать-двадцать, последовал бы, пожалуй, примеру Антуана Клода¹. Уверен: только такой способ исследования дает исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы. Но для этого мало самоотверженности, нужна еще молодость и безукоризненное здоровье...» На этом запись обрывалась.

Шерали закрыл тетрадь и глубоко задумался. Странное волнение овладело им. За окном весело щебетали воробьи, перелетая с куста на куст, раскачивая гибкие ветви. Кроны деревьев были пропизаны яркими лучами, на зеленых газонах разбросаны золотые, большие и мелкие, осколки солнца. «Интересно, в каком месте Леонид Михайлович закопал свой необычный клад?.. Вряд ли он успел закончить эксперимент. Впрочем, это можно проверить».

Все последующие дни Шерали с утра до вечера не выходил из библиотеки. Перебрал книги во всех шкафах, на полках, заново перелистал уже знакомые ему авторефераты. Но прежде всего, не полагаясь на свою память, уже в который раз перечитал от начала до конца труды Леонида Михайловича. Нет, результаты последних его исследований нигде не были зафиксированы.

Та-ак, не закончил, наверное, Леонид Михайлович своего эксперимента. А ведь это было так важно. Видимо, как раз тех пятнадцати-двадцати лет и не хватило ему для этого. Что если продолжить начатое им дело?

Эта мысль так разволновала Шерали, что он не мог усидеть на месте. Встал и начал прохаживаться по залу.

¹ Антуан Клот — американский ученый, проверивший на себе действие яда кураре.

Под ногами поскрипывали старые облупленные половицы.

«Если начатое Леонидом Михайловичем исследование довести до конца, то, как сказали бы старики, душа отца паразитологов возрадовалась бы на том свете».

Шерали решительно направился к двери и, выйдя из библиотеки, напрямик направился в сад; миновал старую, вросшую в землю скамейку, раздвигая спутавшиеся кусты, пробрался в противоположный конец сада, самый глухой уголок, куда редко кто забирался. Земля под одичавшими деревьями заросла бурьяном. Интуиция подсказывала Шерали, что именно где-то здесь Леонид Михайлович упрятал свою опасную находку. В пригретой солнцем траве звенели цикады. Порхали в горячем воздухе бабочки. Шелестел, поигрывая листвой, ветерок. Взгляд Шерали метр за метром прошупывал весь участок сада. Жаль, что человек не обладает способностью видеть насквозь. Сколько времени пропадет зря, пока Шерали найдет то, что Леонид Михайлович спрятал более десяти лет назад?!

Шерали дрожащей рукой вынул из кармана пачку сигарет. Он сломал несколько спичек прежде чем смог прикурить.

Шерали прикинул глазом к окуляру микроскопа и напряженно разглядывал принесенную из сада землю: мелкие крупички ее увеличивались до размеров булыжников, а тонкая игла, которой он ворошил, перемешивал, казалась целым бревном. Ничего не найдя, Шерали осторожно сметал мягкой щеткой землю и из целлофанового мешочка насыпал другую щепотку. И снова прикинул глазом к окуляру. Иногда крупички земли теряли четкие очертания, сливались. Тогда он выпрямлялся, протирал ваткой окуляр, хотя и знал, что не в нем причина. Сейчас лучше всего немного прогуляться по воздуху и дать глазам отдохнуть. И спина уже ноет оттого, что часами сидит, согнувшись над микроскопом. Он крепко взялся руками за спинку стула и, откинувшись назад, подвигал плечами, разгоняя кровь.

Сидящий за соседним столом заведующий лабораторией Вали-ака посмотрел на него поверх очков, с сочувствием покачал головой, но промолчал. Никакие его доводы не помогали. Уж сколько раз пытался он убедить Шерали, что тот напрасно тратит время, бесполезно. Надеясь отвлечь его от этого занятия, Вали-ака давал

ему разные поручения. Но, покончив с ними, Шерали снова брался за свое, как одержимый. Сновал, подобно челноку, между лабораторией и садом. В разных местах брал землю, складывал в целлофановый мешок и затем часами просиживал над микроскопом. Никак не поймет, упрямец, что искать сейчас то, что было зарыто более десяти лет назад, все равно, что пытаться найти иголку в стоге сена. Ведь ни места точно не знает, ни глубины... «Эх,— с сочувствием вздохнул Вали-ака.— Молодежь пошла нынче такая, что не прислушивается к советам старых и мудрых людей». Он уже не мог придумать, что же такое еще поручить Шерали, чтобы занимался он полезным делом, а не тратил время попусту. Попросить, что ли, ответить на письма Бухарского и Андижанского филиалов их института, которые запрашивают об эффективности нового препарата в борьбе с ящуром? Они первые опробовали этот препарат и получили прекрасные результаты.

Дверь шумно отворилась, и в лабораторию вошли Дильбархон и Зияхан. Они были возбуждены и громко продолжали спор, который, видимо, затеяли где-то еще в пути. Девушка в сердцах швырнула на стол ключи от автомобиля с изящным брелком в виде миниатюрного Будды из слоновой кости, подаренным Зияханом, когда он вернулся из Индии. Неужели такую бурную реакцию у них вызвали какие-то проблемы паразитологии? Ничего подобного! По репликам Вали-ака уловил, что вчера они побывали на концерте какого-то заезжего столичного ансамбля. Зияхан души не чаял в одном из певцов, а Дильбархон, оказывается, терпеть его не могла.

Вали-ака, строго поглядев на них, с укоризной покачал головой, напоминая, что они не дома, а в солидном учреждении, и те смолкли. Оба надели белые халаты и заняли свои места за столами, уставленными мензурками, пробирками и прочими склянками. Мало того, что опоздали на работу, еще и ведут себя черт-те как. Во всяком случае виноватыми себя не чувствуют.

— Зияхан,— сказал Вали-ака, взглянув на свои ручные часы.— Если еще раз придете на работу не вовремя, не обижайтесь. Придется тогда писать объяснительную записку.

Дильбархон он не стал выговаривать, хотя слова его относились в большей степени к ней, нежели к Зияхану. Он не так-то часто и опаздывает, а она почти каждый день. Короче — тебе, дочка, говорю, а ты, невестка, на

усмотай. А если не наматает, и ей скажет. А что? Не посмотрит, что она директорская дочка.

Дильбархон поняла, в чей огород камешки, и лишь хмыкнула, расставляя пробирки.

В ответ на их приветствие Шерали буркнул «салам», но не обернулся.

— Ну, что?— глянул на него Зияхан.— Есть что-нибудь? Нашел драгоценные яйца?

Дильбархон прыснула.

Шерали отрицательно мотнул головой. Спросил:

— А известно ли вам, сколько тонн грунта можно перебрать и перемыть, чтобы найти крупницу золота? То-то же.

— Золото пусть ищут золотонскатели. Занялся бы и ты чем-нибудь более полезным, братец,— заметил Зияхан.

— Чем же? Стерилизацией пробирок?— обернулся к нему Шерали, и взглядом показал на пробирки, которые тот складывал в стерилизатор, чтобы кипятить.

— Ну... и этим кто-то должен заниматься,— пробурчал Зияхан, насупив брови.

— Разумеется. Каждому свое,— так же тихо буркнул Шерали, прилаживаясь глазом к окуляру.

В открытое окно влетел ветерок, заколебал зеленую штору на окне, наполнил комнату запахом прелых листьев; с куста сирени снялась стайка скворцов, готовящихся к отлету, перелетела на боярку, ветви которой были усыпаны переспелыми и полузасохшими ягодами.

— Кто знает... может, Шерали и прав,— подал голос Вали-ака и, сняв очки, положил на исписанный листок бумаги, потер двумя пальцами переносицу.— Знаете, о чем я иногда думаю?..

— О том, чтобы получить хорошую пенсию, иметь побольше внуков, сидеть дома и баловать их,— засмеялся Зияхан.

«Шутка бывает к месту только однажды. А когда ее повторяют, она вызывает противоположную реакцию,— подумал Шерали.— Что-то часто ты, братец, стал намекать на пенсионный возраст Вали-ака. Не считаешь ли себя главным претендентом на его место?.. Впрочем... Стоит Дильбар намекнуть матери — и все будет о'кей! Не это ли причина того, что ты столь ретиво взялся за ней ухаживать?..»

— Вы не правы,— сказал Вали-ака после некоторой паузы.— Я думаю о том, что многим из нас не хватает

одержимости. А ведь большинство открытий в мире сделано людьми одержимыми...

— ...Идеей фикс,— хохотнул Зияхан.— Некоторые так и делают. Не без определенной выгоды носятся со своей идеей всю жизнь и даже убеждают окружающих, что они занимаются чем-то очень важным. А на самом деле ищут философский камень. Шерали, ты не подумай, что это я о тебе, я говорю вообще.

— Вспомните Леонардо да Винчи,— сказал Вали-ака, откинувшись на спинку стула и продолжая потирать переносицу.— Ведь его проекты, исследования в области механики для того времени было просто фантастическими. И, наверное, в окружении его было немало таких, кто считал его фантазером. И скольким же поколениям пришлось передавать его идеи, скажем, одну из них, о летающих аппаратах, передавать из рук в руки, чтобы наконец в наше время мечта его осуществилась! Иногда не хватает целой жизни, чтобы сделать ту или иную идею реальной.

— Не все же — Леонардо да Винчи...

— Да. Многих на поприще науки постигают неудачи. Но те, кто лишен способности увлекаться чем-то до самозабвения, не сделали в своей жизни ни одного открытия.

— Очень авторитетное заявление,— хмыкнул Зияхан.

Шерали почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит, и обернулся. Дильбар.

— Можно, я взгляну разок?— спросила она.

— Пока ничего интересного,— сказал Шерали, однако встал со стула и уступил ей место за микроскопом.

— Пока,— повторил Вали-ака.— Если ученый произносит это слово, значит, он не теряет уверенности в успехе. Ох, Шерали, Шерали, очень бы мне хотелось, чтобы мечты ваши сбылись...

— А когда многоопытный ученый-аксакал произносит фразу с такой интонацией, то он, очевидно, не вполне уверен в успехе своего коллеги, не правда ли?— не преминул заметить Зияхан и с усмешкой повернулся к Дильбар, внимательно разглядывающей что-то в микроскоп.— Однако, Дильбархон, не собираетесь ли вы перехватить лавры у нашего Шерали? Чем черт не шутит: вдруг не ему, а вам попадетя среди этого мусора золотое яичко!

— Я был бы этому очень рад,— сказал Шерали.—

Это значило бы, что фортуна решила преподнести мне подарок руками Дильбар.

Девушка оторвалась от микроскопа, внимательно посмотрела на Шерали и молча направилась к своему месту.

Миновала осень. Землю тонким слоем покрыл первый пушистый снежок, настолько легкий, что казалось, дунь — и он взлетит, закружится метелицей. Отправляясь в сад, Шерали взял с собой жесткий веник из гибких прутьев карагача. Сметал снег вместе с шуршащими листьями к основанию кустов, вытаскивал припрятанную в их чаще лопату и принимался копать. Снова наполнял целлофановые мешочки, дыханием отогревал покрасневшие от холода руки и спешил в лабораторию.

И так изо дня в день, изо дня в день. Одержимости, о которой говорил Вали-ака, сомневаясь в данном случае в ее целесообразности, у Шерали было с избытком. Однако к ней бы еще и запас хорошего настроения! Без него, как известно, работа с места особенно не сдвинется. Но какое может быть настроение, когда каждый день одно и то же, одно и то же. И никаких тебе признаков, что старания увенчаются успехом. Когда золотодобытчикам попадается полевой шпат, они знают, что рано или поздно найдут в этом месте золото. А тут... Если уж начистоту, то уверенность у Шерали давно улетучилась, осталась только надежда. Но с каждым днем и ее становилось все меньше. В последнее время его мучала бессонница, глаза ввалились, и в них с каждым днем все приметнее становилось отчаяние. Сотрудники института щадили его самолюбие, и, здороваясь, с ним, больше не расспрашивали о его делах. Однако ему было доподлинно известно, что кое-кто из них вслед ему посмеивался и даже выразительно вертел возле собственного виска указательным пальцем.

Не раз Вали-ака намекал Шерали, что руководство института недоволено им. Уже несколько месяцев он получает зарплату без всякой отдачи... И Шерали перестал ходить в столовую обедать, чтобы не встретиться ненароком с кем-нибудь из руководства.

И на работе задерживался до тех пор, пока не уходили все. Не хотелось никого видеть, ни тех, кто насмешничал, ни тех, кто искренне сочувствовал.

И однажды...

Рабочий день подходил к концу. Дни стояли пасмурные, темнело рано. Дильбархон включила свет. И в этот момент в ярком луче, отраженном зеркальцем микроскопа, он выхватил глазом среди серых, намозоливших глаза крупинок земли то, что искал.

Дильбар, направляясь к своему месту, вздрогнула и резко обернулась, а Вали-ака чуть не свалился со стула, когда Шерали вдруг не своим голосом закричал:

— На-ше-е-ел!.. Нашел! Е-е-есть!..

Он вскочил и, ошалев от радости, кинулся к Дильбар, схватил ее в охапку и закружил по комнате. При этом смеялся и приговаривал: «Нашел... Нашел...» А Вали-ака, опустив очки на самый кончик носа, смотрел на него исподлобья, в глазах его читалось явное беспокойство, уж не тронулся ли его младший научный сотрудник умом.

Шерали выпустил из объятий Дильбар, тотчас метнувшись к микроскопу, и подошел к Вали-ака.

— Не верите? Взгляните сами!

— И правда! Вали-ака, идите скорее сюда! — замахала рукой Дильбархон, не отрываясь от микроскопа. — Жаль, нет Зияхана. Лучшего случая доказать ему, что и он не всегда бывает прав, не будет.

— А он уверен в обратном? — спросил Вали-ака, медленно направляясь к столу Шерали и потирая поясницу, затекшую от долгого сидения.

Сегодня у Шерали не было необходимости дожидаться, пока все сотрудники покинут институт. В расстегнутом пальто размахисто шагал он по ведущей к воротам аллее, под ногами чавкал талый снег. Он ослабил обмотанный вокруг шеи шарф, и встречный ветерок приятно охлаждал грудь. Ему хотелось, чтобы все, кого ни встретит, останавливали его и расспрашивали о делах, но аллея, как нарочно была пустынна, желтоватый свет горящих на столбах трех-четырёх лампочек слабо рассеивался над ней. Сквозь голые кроны деревьев виднелись ярко освещенные окна основного двухэтажного здания. Приблизившись к столбу, под которым свет был поярче, Шерали взглянул на ручные часы. Добрых полчаса оставалось еще до конца рабочего дня. Но сегодня Шерали мог себе позволить уйти пораньше. Сегодня

он именинник. Вали-ака так и сказал, хлопнув его по плечу:

— Ну, братец Шерали, вы сегодня именинник! Будь я помоложе, заставил бы вас раскошелиться на мага-рыч!

— Согласен, Вали-ака! Идемте! Приглашаю вас сегодня в ресторан «Самарканд!» И вас тоже, Дильбархон!

— О, благодарю! Но меня ожидают мои внуки. А Дильбархон, думаю, вряд ли отважится принять ваше предложение в отсутствие Зияхана, — сказал Вали-ака, добродушно посмеиваясь.

Дильбархон, кажется, слова его задела за живое. Она покраснела, однако же, стараясь спрятать смущение за снисходительной улыбкой, сказала, кокетливо потряхнув ниспадающей на лоб волнистой челкой:

— По-моему, вы преувеличиваете, Вали-ака! — и протянула руку Шерали, а он, позабывший обо всем на свете, ничего не выдавший, кроме своего микроскопа, не сразу это заметил и, спохватясь, сжал ее маленькую ладошку обеими руками. — Поздравляю вас, Шерали-ака, — добавила она. — А предложение ваше я принимаю, только перенесем на другой раз, — и, обернувшись к Вали-ака, развела руками: — У меня же нет внуков!

— Будут, — сказал Вали-ака. — Ручаюсь, будут!

Вечерний прохладный воздух давно не казался Шерали таким сладостным, вдыхаешь полной грудью и никак не можешь насытиться, словно пересекший пустыню и изжаждавшийся путник, который никак не может утолить жажду, добравшись, наконец, до воды.

Шерали вышел за ворота. На автобусной остановке стояли три-четыре человека. Незнакомые. И Шерали проследовал мимо. Пройдется пешком. Чего ему торопиться? Никто не ждет его в малогабаритной однокомнатной квартире, наполненной тишиной. И вдруг его охватила гнетущая тоска, что нет у него близкого человека, к которому бы он спешил поделиться сегодняшней радостью. «Через два года стукнет тридцать, а я все еще один, как перст, — подумал он и вздохнул. — На уме только работа, работа... Были бы живы родители, наверняка позаботились бы, присмотрели невесту, засватали. А нет, мне бы самому без конца напоминали, что пора, дескать, радость им доставить, внучат подарить... Эх, как это, вероятно, здорово, когда дома тебя кто-нибудь ждет, ужинать без тебя не садится, в окно смот-

рит, как только к остановке подкатит автобус, не появишься ли ты...»

Подумал об этом и сразу почувствовал, что изрядно проголодался. Холодильник, кажется, пуст. В последнее время довольствовался одним только чаем да черствым хлебом. На работу уходил чуть свет, когда магазины были еще закрыты, возвращался поздно, когда они уже закрывались. А ехать в центр города в дежурный гастроном было неохота. Думал только о том, как бы скорее добраться до постели, лечь и забыться...

Вечерами эти окраинные улочки становились малолюдны. Несмотря на слякоть, прогуливались редкие парочки. Шерали свернул в переулочек, который выходил к перекрестку Ташахура. Вспомнил, что там есть столовая и закрывается она довольно поздно. В буфете всегда имеется свежее пиво. Вечерами там собираются почти одни и те же лица. Подолгу сидят за металллическим столиками с пластиковым покрытием, услаждая себя пивом и жареными в золе с солью абрикосовыми косточками. В былые времена Шерали частенько ужинал там.

Переступив порог столовой, Шерали сразу окунулся в смрадный сигаретный дым, пахло соленой рыбой и прокисшим пивом. Остановился, отыскивая взглядом столик, к которому можно было бы приткнуться, и одновременно прикидывая, где бы он мог поужинать еще. Его кто-то окликнул. За столом у раскрытого настежь окна сидел Зияхан в компании нескольких щеголеватых парней. Он приподнялся и помахал рукой:

— Идите сюда, Шер!

Парни задвигали стульями, потеснились. Столик перед ними был сплошь заставлен кружками с льющимся через край пивом. Шерали поздоровался и, как принято, прикладывая правую руку к груди, у каждого в отдельности справился о самочувствии. Втиснули еще один стул, и он сел.

— Вид у вас неважнецкий. Устали?— спросил Зияхан.— Я сейчас...

Вскочил, ринулся к буфету и исчез в очереди. Через минуту вернулся с бифштексом, бутербродами с сыром и стаканом водки.

— Лучшее средство от усталости! Совсем себя не жалеете, ей богу! Ладно бы толк какой-нибудь был!..

Шерали залпом осушил стакан, надкусил бутерброд и, жуя, спросил:

— Какой «толк» вы имеете в виду?

— Ну... кто-нибудь спасибо бы сказал или оклад бы увеличили. Вы же днюете и ночуете в лаборатории. Я вам искренне сочувствую, поверьте!

— О, коллега, сегодня я заслуживаю не только сочувствия, но и поздравлений!

— Что?.. Неужели нашли?— округлил глаза Зияхан, не донеся до рта кружку с пивом.

Шерали кивнул, не в силах сдержать улыбки.

Зияхан вскочил, едва не опрокинув стул, и раскинул руки:

— Поздравляю, дружище! Птица счастья опустилась вам на плечо!

Шерали тоже встал, и они оглушительно хлопнули ладонью о ладонь.

— Пока что радоваться рано,— сказал Шерали, спеша опуститься на место, чтобы приняться за бифштекс.— Самое трудное, по-моему, только начинается...

— И самое интересное тоже!

— В этом вы, пожалуй, правы. Работы действительно непочатый край. И если вы искренни, давайте объединим наши усилия и продолжим исследования вместе.

— Зачем повару помощник, если плов почти готов?

— Готовы компоненты для плова. А варить еще предстоит.

Зияхан пожал плечами, глаза его беспокойно забегали; обдумывая ответ, он стал медленно пить пиво.

— Я бы с готовностью,— сказал он и почмокал губами.— Но, видите ли...

Шерали, не поднимая головы, продолжал орудовать вилкой, кивнул, давая понять, что слушает.

— Ваша работа в некотором роде противоречит воззрениям Каримы-апы...

— А разве ученому истина не дороже?

— Истина?— Зияхан пожал плечами.— На чьей она стороне еще надо доказать, ой-ей, сколько сломаешь копий, притупишь мечей. Но дело даже не в этом...

— А в чем?— Шерали перестал есть и взглянул в глаза коллеги.

Тот замаялся и невнятно пробубнил:

— Вы же знаете о наших отношениях с Дильбар... Она мне так же дорога, как истина. Я бы не хотел, чтобы из-за ее матери между нами пробежала черная кошка.

— Если вы считаете, что Дильбар не способна оценить Истину, то плохо вы ее знаете.

— Да, наверное, вы правы. Но она очень любит мать. И естественно, она проникнется неприязнью к человеку, доставившему ее матери лишние хлопоты и неприятности.

— Но если мы правы, то Карима-апа по долгу службы должна стать нашей союзницей. Ей не откажешь в здравом смысле...

— Но вы же пытаетесь опровергнуть все то, что она на протяжении многих лет талдычит на лекциях своим студентам,— рассмеялся Зияхан.

— Я не опровергаю. Я всего лишь дополняю. Ведь Карима-апа, разрабатывая свою тему, не знала о существовании того вида паразитов, которые были обнаружены Исаевым в Ургуте. Она должна радоваться...

— Радоваться? Наивный вы человек!— снова рассмеялся Зияхан и придвинул к Шерали кружку с пивом, на котором уже успела осесть пена.— Теоретически вы, конечно, правы. Но практически... Эх, дружище, где вы встречали женщин, действующих сообразно логике? А если дело касается, к тому же, их престижа и самолюбия, эге, что тут может разразиться...

— Бойтесь, значит?— усмехнулся Шерали.

— Я же вам сказал,— поморщился тот.— Если бы не Дильбар... К тому же, посудите сами, я почти уже заканчиваю диссертацию, стоит ли мне браться за другое. А то, за что взялись вы,— работа не одного года, верно?

— Можно ускорить.

— Каким образом?

— Скажем, провести эксперимент на себе. Так поступали многие ученые.

— Вы это всерьез?— округлил глаза Зияхан.

— Вполне. А что?

— Нет уж, увольте, в такие игры не играю.

Утром Шерали проснулся с жесточайшей головной болью. Солнце уже было высоко. Подвел будильник. Ложась, забыл, видимо, завести. Пора было выходить из дому, а он все никак не мог заставить себя встать. Может, заболел? Какое там! Головная боль, слабость, на душе противно оттого, что вчера засиделись с Зияханом в пивной, мешали пиво с водкой, курили. Во рту пересохло, хотелось пить. Шерали встал и босой прошлепал в кухню. Прямо из чайника выпил горькой холодной заварки. Немного полегчало...

На работу Шерали пришел с опозданием более, чем

на час. Вали-ака с недовольным видом кивнул в ответ на его приветствие. Привыкший, придя в лабораторию после ежеутренней летучки у директора, всегда заста- вать Шерали на месте, он был немало озадачен опозда- нием сотрудника, ждал объяснений.

Зияхан подмигнул Шерали и незаметно кивнул на заведующего: дескать, старик с утра не в духе.

Сегодня на летучке Вали-ака должен был доложить о том, что старания его сотрудника наконец увенчались успехом. Шерали, расставляя на своем столе необходи- мые приборы, некоторое время боролся с искушением спросить, как реагировали на его сообщение заведующие других отделов, но терпения его хватило ненадолго.

— Вы что-то не в настроении, Вали-ака? Считаете, что коллеги были скупы на дифирамбы, когда вы сообщ- или об успехах нашей лаборатории?

— Если вы имеете в виду свою находку, то еще нужно доказать, что вы обнаружили именно то, что в свое время упрятал в землю Леонид Михайлович Исаев. А это, как вы понимаете, непросто. Поэтому нам с вами радоваться пока что рано.

— Какие тут могут быть сомнения?— опешил Шера- ли и чуть не уронил мензурку со спиртом на пол.— Лео- нид Михайлович ясно описал, когда и в каком месте за- копал в грунте возбудителей аскаридоза.

— Гмм...— произнес Вали-ака; он сидел, несколько ссутулясь, положив вытянутые руки на стол, и, не под- нимая головы, постукивал пальцами.— Мне не повери- ли,— пробурчал он.— Мое сообщение даже вызвало кое у кого смех. И в самом деле трудно поверить... Трудно!

— Но глазам-то своим вы верите? Взгляните еще раз. Пожалуйста, вот микроскоп!

— Не буду я никуда смотреть!— Вали-ака обернул- ся и несколько секунд грустно смотрел на Шерали.— Вы хорошо знакомы с работой Каримы-апы?

— Еще бы! Она, как и некоторые другие паразито- логи, полагает, что возбудители аскаридоза предств- ляют опасность не более пяти-шести лет. Но в моем слу- чае речь идет о совершенно новой разновидности аска- ридоза...

— Карима-апа зачитала нам некоторые места из брошюры, полученной ею из ФРГ. Авторы этого пособия подтверждают ее выводы. Что вы на это скажете?

Манера заведующего задавать вопросы и не выслу-

шивать аргументов собеседника до конца раздражала Шерали. Уже почти не владея собой и лишь внешне оставаясь спокойным, он сказал:

— Подтверждают, говорите? Хорошо бы узнать, когда эта брошюра издана: до защиты Каримой-апой диссертации или после. Пройдет какое-то время и...

— «Пройдет какое-то время, и я всех их поправлю!»— хотите сказать? Так, что ли?— спросил заведующий лабораторией, не сводя с Шерали укоризненного взгляда.

Шерали выдержал его взгляд, думая о том, какая разительная перемена произошла с учителем; вчера поздравлял, радовался, а сегодня... Нет, в лице Вали-ака он себе союзника не найдет.

Дверь распахнулась, их весело и громко приветствовала Дильбар. Рассказывая, как встретила по пути на работу одноклассницу, с которой не виделась три года и какие у подружки чудные близнецы, Дильбар повесила на вешалку плащ, надела халат и, стуча каблучками, прошла к своему столу.

Зияхан не обернулся. Шерали заметил, как вдруг заострились его лопатки, он даже ниже пригнул голову, делая вид, что всецело поглощен работой. Но Дильбар, ослепительно улыбаясь, обратилась к нему:

— Я виновата перед вами, Зияхан-ака. Вчера так получилось, что я вас подвела. Надеюсь, вы нашли способ приятно провести время?

— Да, конечно,— буркнул тот.— Однако не стоило так стараться, доставать билеты...

— Вчера к маме пожаловали ее московские друзья, и мне пришлось помогать ей принимать гостей,— небрежно заметила Дильбар, приводя в порядок свой стол, и обернулась к Шерали:— Говорят, вы решились потрясти ученый мир своим неординарным методом исследования?

— То есть?— растерялся Шерали, задетый ее насмешливой интонацией.

— Пока я шла через институтский двор, у меня трое или четверо спросили, правда ли, что Шерали Халмуратов собирается заразить себя аскаридозом?..

Шерали посмотрел на Зияхана. Тот заерзал, словно спиной чувствуя его взгляд, однако не обернулся. Конечно, это он выболтал,— Шерали в порыве откровенности по-дружески поделился с ним вчера своими планами,— и, видимо, подал все в таком свете, что сейчас

ему стыдно даже обернуться, не говоря уже о том, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Это уже что-то новое,— проговорил Вали-ака, принявшийся было что-то писать, он снова, сняв очки, повернулся вполборота к Шерали:— Час от часу не легче. Может, вы что-нибудь объясните?

Шерали вздохнул. Он не был подготовлен к такому разговору с заведующим. Но коли зашел об этом разговор, не идти же на попятную.

— Вали Тиллаевич, из года в год подобные эксперименты проводились на животных. Опыты эти чересчур продолжительны, а главное, не дают исчерпывающих ответов на все вопросы. Животные, увы, не могут говорить. И многие выводы оказываются лишь приближенными...

Вали-ака отложил ручку в сторону, пожалуй, с некоторым раздражением, он смотрел на своего сотрудника так, будто что-то искал на его лице.

— Ну?.. Что дальше?

Шерали пожал плечами:

— Дальше... то, о чем вам уже сообщила наша всеведущая Дильбар.

— Вы отдаете отчет своим словам?

— Вполне, Вали Тиллаевич.

— Впрочем, мне-то что?— Вали-ака махнул рукой, уселся поудобнее и продолжал писать. Однако тут же поднял голову и сказал с дрожью в голосе:— Если возбудители, о которых вы говорите, действительно одиннадцатилетней давности, они не вызовут у вас никакой болезни! Поэтому вы и хорохоритесь!

— Именно это, Вали Тиллаевич, я и хочу узнать: вызовут или не вызовут, а если все-таки вызовут, то как эта болезнь будет протекать. Для меня это очень важно.

Вали-ака положил ручку и повернулся к Шерали уже всем корпусом, глядя поверх очков:

— И все же я советую вам не торопиться, молодой человек, хорошенько обдумать все и взвесить. А то люди вашего возраста вечно спешат, не смотрят себе под ноги и нередко, споткнувшись, разбивают лбы. Я постарше вас, каким-никаким опытом умудрен и считаю своим долгом предостеречь вас. Я знал многих, кто прямо из кожи вон лез, лишь бы выскочить, доказать, что они умнее других, и чем это для них кончалось?

Последствия, прямо скажем, оказывались плачевными. Думаю, вы понимаете, о чем я говорю...

— Да, конечно.

— А по-моему, не очень.

— Карима Музаффаровна должна понять меня.

— Да дело же не только в том, поймет или не поймет!.. Вы только представьте себе, в каком свете я, человек, проработавший на этом месте...— он постучал по столу указательным пальцем — тридцать лет, выглядел сегодня перед ней, всеми уважаемым ученым,— произнося последние слова, он непроизвольно мельком глянул в сторону Дильбар...

— Вали Тиллаевич, я же...— начал было Шерали.

Но заведующий, выставив ладонь, перебил его:

— Дорогой, мой, перестаньте. Если вам не надоела ваша спокойная жизнь, то, ради бога, уgomонитесь.

— Я вас не понимаю,— Шерали разволновался так, что с лица его схлынула кровь.— Вы хотите, чтобы я прекратил исследование?

— Ну, вот, а говорите, не понимаете,— улыбнулся Вали Тиллаевич.— Вы все прекрасно понимаете, вам ума не занимать.

— Извините, в таком случае я буду вынужден ставить вопрос на Ученом совете.

— Вот как?

— Да, именно так!— Шерали вскочил, с шумом отодвинул стул, подошел к окну и распахнул форточку.

Вали-ака несколько секунд сверлил его спину взглядом, в котором смешались удивление, раздражение и какие-то крохи сочувствия. Его сухонькие загорелые руки с выступающими венами дрожали.

Воцарилась гнетущая тишина.

Первой подала голос Дильбар.

— Не знаю, Вали-ака, правильно ли понял вас Шерали, для меня же многое осталось неясным,— сказала она.— Не далее, как вчера, вы поздравляли его, намекали даже на магарыч, а сегодня...

— Что вам не ясно, милая Дильбархон? Вчера я поддался первому чувству...— виновато проговорил заведующий.

— Странная метаморфоза.

— А сегодня, поговорив с уважаемой Каримой Музаффаровной, пришел к выводу...

— Но у вас же есть и собственное мнение,— довольно бесцеремонно перебила заведующего Дильбар, она-

то могла себе это позволить.— Все это время, пока Шерали-ака таскал землю из сада и каждую крупницу рассматривал под микроскопом, мнение ваше было достаточно определенным, и мы вместе с вами сочувствовали ему, переживали, желали удачи. А теперь... Да вы просто обязаны теперь помочь Шерали-ака довести свои исследования до конца. Каков будет их результат, будет видно. Но раз работа начата, она должна быть закончена. Я так думаю. Зияхан, а почему вы молчите? Или я не права?

— Не зная всех тонкостей вопроса, я бы не взял на себя смелость вмешиваться в столь щепетильный спор.

— Вы всегда так... Как рыхлый дувал!— выпалила Дильбар.— Хочешь облокотиться, а он на глазах разваливается...

— Дильбархон, по-моему, тут не место для обмена любезностями по столь деликатному вопросу,— сказал Зияхан, густо покраснев.

— Если слова искренни, они всегда к месту,— сказала Дильбархон.— Если Шерали-ака не обратится в Ученый совет, то это сделаю я. В конце концов речь идет о престиже нашей лаборатории...

Шерали пересек помещение и, сняв с вешалки пальто, тихонько вышел. В голове гудело, будто не голова на плечах, а пчелиный улей. Лицо овеял прохладный ветерок, скользнул за ворот. Плавно покачивались голые ветви деревьев. На гранатовом кусте сидела стайка взъерошенных воробьев. Набросив пальто на плечи, Шерали ступил в сад, выглядевший в эту пору прозрачным, и узкой устланной сухими и мокрыми листьями дорожкой направился к излюбленному своему месту, к старой скамье под огромной чинарой. В ушах все еще звучал голос Вали-ака, а перед глазами оживали его жесты, мимика... Вот так долгое время находишься рядом с человеком и не знаешь его. И только в определенный момент неожиданно для себя обнаруживаешь в нем такие свойства характера, о которых ранее и не подозревал.

Почему Вали-ака так резко переменялся?.. Ведь знал, над чем он, Шерали, столько времени трудится. Казалось, даже сочувствовал ему, переживал за него. Пожалуй, искренне переживал. И вдруг... Нет, дело тут, конечно, не в Вали Тиллаевиче. Определенно, не в нем. Сам говорит, а глаза бегают, не знает, куда их девать.

Нелегко, наверное, дожив до такого возраста, не иметь собственного голоса.

И сразу же Шерали вообразил себе Кариму Музафаровну, несмотря на возраст, довольно еще привлекательную, с остатками былой красоты на лице, молодящуюся, оставил ее в просторном, полном солнечного света кабинете с четырьмя огромными, под самый потолок, окнами. В белой блузке, тесно облегающей высокую грудь, и темно-синем, сшитом по фигуре костюме сидит она за большим полированным столом и перелистывает кипу бумаг (когда одна — в очках, а в присутствии кого-либо — без них); то и дело поочередно трезвонят на ее столе телефоны. Голос у нее отрывистый, уверенный, какой и должен быть у человека, руководящего таким крупным институтом. Судя по всему, справляется она со своими обязанностями неплохо, большинство сотрудников ее уважают и за глаза просто называют «Апа». И вообще Шерали ни разу не слышал, чтобы кто-то отозвался о ней плохо. Многим она сделала что-то хорошее, чем-то помогла, повысила оклад, другому выхлопотала квартиру, для третьего добилась путевки в санаторий. Настоящая апа, заботливая старшая сестра...

Может, Шерали действительно в чем-то не прав? Надо было, наверно, посоветоваться с Апой. А он, выходит, не проявил должного уважения...

Вот и скамья, сырая, облепленная желтыми листьями. Он смел рукой с краешка мокрые листья и сел. Сквозь прозрачную сетку ветвей виднелись плывущие в небе облака.

В зарослях о чем-то заспорили воробьи, похоже, перессорились. Интересно, из-за чего? Им-то чего не хватает, что они не могут поделить? Неужели и вправду только в спорах отстаивается истина?.. «Но у вас, серые птахи, голос у всех одинаков, хотя и дерете горло, стараясь перекричать друг дружку. А попробовали бы вы, скажем, поспорить с сорокой!..— Шерали невольно усмехнулся собственным мыслям.— Но я же в конце концов не воробей!..»

* * *

Ленивое осеннее солнце выглядывало время от времени из-за облаков и мягкими прикосновениями сметало пыль с голубых куполов, гробниц. Шерали приблизился к низкой кирпичной стене и облокотился, чувствуя

сквозь рукава рыхлость старой кладки. За оградой раскинулось огромное кладбище, сплошь заросшее янтасом, из которого там-сям торчали покосившиеся надмогильные плиты. Кое-где возвышались старые склепы, издавна напоминая неподвижные спины пасущихся коров, серели стены небольших полуобвалившихся худжр, небольших строений для индивидуальных молений. Воздух, растворивший в себе слабые проблески солнца и аромат прелых трав, словно застыл, ни малейшего движения. Стерлись на гробницах и надмогильных плитах надписи, и они хранят теперь вечное молчание. Скорбная тишина шелестит о том, что скрывает вечную тайну. Чей прах сокрыт под толщей этой земли? Что это были за люди? Старались ли поддержать под руки того, кто изнемог на пути постижения Истины? Или могли и последний посох отобрать у обессиленного странника?.. Во все века всякие жили люди. Время уравнило их. И ныне верующий старик, следуя мимо кладбища, пешком ли, верхом ли на осле, или в автомобиле, непременно проведет по седой бороде руками, молясь за всех, кто нашел тут успокоение, прося у всевышнего для них милосердия. Так что же, выходит, забыты добро и зло? Или это всепрощение торжествует свою победу над злопаятностью. Да, всегда доброта в человеке брала верх. А зло... Ну хоть бы раз оно устыдилось!..

Сверху донеслись голоса девушек, отражаемые высокими, облицованными майоликой стенами гробниц. Дильбар и Галя выйдя из узкой двери небольшой мечети, о чем-то громко споря.

— Как вам не стыдно, Шерали-ака! Мы столько успели обойти, а вы все на том же месте!— громко сказала Дильбар.— Знаете, кто не прилагает ни малейшего старания, чтобы не отстать от девушек?

— Кто же?— заставил себя улыбнуться Шерали.

Отраженное куполом солнце бьет прямо в глаза, и он с трудом различает в полутемном проходе фигурки девушек. Чудится ему, что не солнечный блик слепит его, а это от девушек разбегаются во все стороны золотистые лучи.

— Старики, вот кто!— смеется Дильбар.

Шерали вздохнул и легонько оттолкнулся от стены. Даже камень не вечен — осыпается от легкого прикосновения рук. Видно, и правда нет ничего не подвластного времени.

— Старик?.. Вы сказали «старик»?.. Да я же обеих

вас подхватчу сейчас на руки и взбегу до самого верха!..

Да, еще совсем недавно он смог бы сделать это без особого труда. А сейчас ноги дрожали. Сердце... Словно кто-то кувалдой бьет по груди.

«Двадцать четыре... Двадцать пять... Двадцать шесть...»

Он остановился, перевел дыхание. С площади донесся смех. «Хорошо вам смеяться,— с обидой подумал Шерали.— Чужому кроить чапан всегда легче. А когда своя одежда неудобная, тут уж не до смеху». Под ложечкой усиливалась режущая боль. Он продолжал улыбаться, а сам, преодолевая проклятую резь, морщился. Представил, как глупо, должно быть, выглядит. Дильбар права: он и вправду состарился. Ему сейчас каждый прожитый день кажется целым годом. Черт возьми, он ведь может гораздо быстрее положить всему этому конец! К его услугам сильные лекарства. Начать интенсивнее лечиться и — конец мучениям!.. Нет, надо еще потерпеть. Еще немного...

«Двадцать семь... Двадцать восемь...»

— Шерали-ака,— сказала Дильбар.— Рассудите нас... Галя считает, что постройки, подобные Шахи-Зинда, Регистану, Биби-Ханым были бы невозможны без достижений греческих мастеров, а я говорю...

— Я читала об этом,— пожалала та плечами.

— Некоторые буржуазные ученые и до сих пор так считают,— сказал Шерали, перевода дыхание едва ли не после каждого слова.— Но исследования наших ученых доказывают обратное. Многие философы, математики черпали свои знания на Востоке. Доказательства? Пожалуйста! Мухаммад Хорезми, живший в IX веке, основал алгебру как науку. От введенного им термина «алджабр» и происходит само слово «алгебра». Книгу его «Алгебра и алмукабала» перевели на латынь только в 1143 году. Она начиналась словами: «Алгоризми говорит...» Отсюда и термин современной математики — алгоритм. А в 1863 году французский ученый Жан Рейно доказал, что Алгоризми — не что иное, как ал-Хорезми... Книгу его изучали Коперник, Галилей, Кеплер, Паскаль, Декарт, Лейбниц, Бернулли, Эйлер, Ломоносов... А Авиценна, известный в Европе всего лишь как знаменитый эскулап древности?! Но ведь в математику, геометрию он внес не меньший вклад, чем в медицину!.. А знаменитый Омар Хайям! Многие знают на память его стихи, но мало кому известно, что Омар Хайям, вслед за Ави-

ценной, разрабатывал знаменитый постулат о пересекающихся параллельных линиях. Две тысячи лет этот постулат не давал покоя математикам, пытавшимся доказать его. Омар Хайям нашел самое лучшее доказательство для своего времени...

— Убедили!— рассмеялась Галина, но по глазам ее Шерали понял, что у нее полно контраргументов, просто сейчас она не желает спорить. Ибо не спорить они сюда пришли, а как можно больше увидеть. Поспорить можно и потом.

Девушки взяли за руки и снова исчезли в тени прохладного прохода.

Шерали усмехнулся. Иногда и доказанную истину бывает не просто отстоять... Перед глазами вновь замелькали желтые, розовые, сиреневые круги, потом они неожиданно превратились в лица Зияхана, Вали-ака, Каримы-апы, возникали и пропадали. «А удастся ли мне доказать им обратное тому, что они привыкли считать очевидным?..»

...Сидя на скамье, Шерали почувствовал, что его пробирает холод. Но уходить не спешил. Рядом сидел Леонид Михайлович. Он всегда приходил сюда, когда ему хотелось побыть наедине. Леонид Михайлович сидел, облокотясь о колени, сомкнув пальцы худых, но крепких рук, и задумчиво смотрел на одинокий пожухлый лист граната, чудом оставшийся на кусте. Как и Шерали, он набросил пальто поверх халата, помятая кепка низко надвинута на лоб, на впалых висках серебро седины. Сидел и будто ждал от Шерали каких-то слов.

«Как мне быть, Леонид Михайлович?..»— мысленно спросил Шерали.

«Думаешь, у меня не было трудностей? Ого-о, сколько их у меня было! И посложнее, чем твои!.. Главное — не падать духом. Если уверен, что прав,— заставь и других поверить в это».

«А если немало таких, которые знают, что ты прав, но, вопреки логике, доказывают обратное?»

«Таких — игнорировать. Таким нечего делать в науке».

Шерали повернулся к нему, чтобы спросить еще о чем-то. А его нет. Исчез, будто и не было.

Шерали вздохнул, поднялся.

В лаборатории он застал только Зияхана. Тот, стоя

у окна, переливал из колбочки в мензурку какую-то мутную жидкость, отсчитывая капли.

— Это ты, Шерали?— спросил он, не оборачиваясь.

Шерали кашлянул. Выдвинув из-за стола стул, сел.

Зияхан, взбалтывая мензурку, просматривал ее на свет.

— Зачем ты это сделал?— вздохнув, спросил Шерали.

— Что именно?

Зияхан не оборачивался, делая вид, что всецело поглощен своим занятием, добавляя по капле жидкость и снова изучал содержимое мензурки, однако по его подчеркнuto-спокойному голосу не трудно было определить, что он прекрасно понял, о чем говорит коллега.

— Не в моих правилах кричать «гоп», пока не перепрыгну через арык... А вчера... У меня было такое настроение, что захотелось поделиться с кем-то радостью, а ты...

Зияхан резко обернулся, поставил мензурку на подставку.

— Что особенного я сделал? Рассказал кое-кому о том, что ты решил повторить подвиг Антуана Клода! Я же не сказал о тебе ничего плохого? Чтобы твой авторитет в коллективе...

Шерали насупился, забарабанил по столу пальцами.

— Думай лучше о своем авторитете! О себе я как-нибудь сам позабочусь!

— Хочешь дружеский совет?— сощурил глаза Зияхан, и они почти скрылись в его припухлых веках.

У Шерали мелькнула мысль, стоит ли выслушивать дружеский совет от человека, которого после случившегося трудно считать другом; усмехнулся и махнул рукой:

— Валяй?

— Ты же знаешь, чего ждет от всех нас, и, в частности, от тебя, Карима-опа? Только не подумай, ради бога, что говорю это тебе из-за наших... гм, взаимоотношений с Дильбар...

— Нужно добывать только такие факты, которые подтверждают ее собственные выводы, не так ли?

— Вот именно! А у тебя что? Все наоборот. Доводил бы уж ты до конца свою прежнюю работу и жил бы себе спокойно.

— Истина дороже.

— Ну, кто же спорит с тобой? Конечно! Однако и она требует доказательств.

— Вот и я так считаю,— невольно рассмеялся Шерали.— Этим я и хочу заняться!

— Нет-нет!— запротестовал Зияхан и обеспокоенно глянул на дверь, за которой слышались чьи-то шаги.— Ты меня не так понял! Ты ничего не сможешь доказать! Извини меня за откровенность, но твоя версия антинаучна! Потому что она противоречит всему...— Зияхан умолк, прислушиваясь.

Шаги проследовали мимо. Он с облегчением вздохнул и опустил на стул, словно обессиленный. Достав из кармана платок, промокнул лоб.

«Подумал, что Дильбар идет?— усмехнулся Шерали.— Передаст матери, что Зияхан поддерживает идею Халмурадова — хлопот не оберется. Поди докажи потом, что его не так поняли!»

— А знаешь, приятель, ты меня, пожалуй, убедил,— задумчиво проговорил Шерали.— Еще вчера мне казалось, что истина говорит сама за себя и не нуждается в защите. Но ты, увь, прав: за нее надо драться.

— Всегда ли надо?— заметил Зияхан, постукивая ногтем о выпуклый бок колбы.— Если заранее знаешь, что будешь побит, не благоразумнее ли избежать драки?

— В науке сколько хочешь примеров великих открытий, когда исследователи действовали вопреки благоразумию.

— Что ж, поступай, как знаешь. Я считал своим долгом предостеречь тебя.

— Благодарю.

Не проходило дня, чтобы Шерали не предпринимал попытки убедить Вали Тиллаевича хоть мимоходом упомянуть о его находке и предполагаемом эксперименте в отчете, который заведующие лабораториями ежемесячно представляли Ученому совету. Вали-ака же понимал, что тогда Ученый совет попросит подробных комментариев. Именно на это и надеялся Шерали.

— Не сейчас. Еще не время,— уклонялся от прямого разговора с Шерали заведующий лабораторией.— Надо выждать удобный момент.

Шерали уговаривал, убеждал, что в конце концов вынужден будет сам довести это до сведения Ученого совета. Когда Шерали становился чересчур настойчив, Вали-ака, устав сопротивляться, просто вскакивал с места, делая вид, что о чем-то вспомнил, надевал пальто и уходил из лаборатории. Отсутствовал и час, и два,

а возвратясь, с порога предупреждал присутствующих: «Прошу не отвлекать, у меня срочная работа!»

Впоследствии он стал прибегать к другому приему, пожалуй, более действенному. Когда спор с Шерали достигал особого накала, он откидывался на спинку стула, хватался за сердце, закрывал глаза и принимался шумно и тяжело дышать. Дильбар кидалась к нему со стаканом воды. Шерали тотчас умолкал и потом уже долго не решался вернуться к этому разговору.

Однако недаром говорят, что капля камень долбит. Вали-ака в конце концов сдался. В один из дней, едва только Шерали затеял всегдашний разговор, Вали Тиллаевич, не скрывая раздражения, бросил:

— Хорошо! Напишите мне записку для отчета — о своем экспери-мен-те! — последнее слово он произнес с нескрываемой иронией.

У Шерали такая записка давно была готова. В ней он сначала подробно рассказал об опытах, которые начал проводить еще Леонид Михайлович Исаев, не успев завершить их; а потом вкратце описал, каким, по его мнению, идти путем, чтобы поиски эти продолжить.

Вынул записку из ящика стола и положил перед Вали Тиллаевичем.

Но тот, кажется, уже сожалел, что проявил слабость и уступил подчиненному. Ну и нахал этот Халмурадов, сбил-таки его с панталыку.

Чем меньше дней оставалось до заседания Ученого совета, тем более хмурым выглядел Вали-ака. За два дня до него он слег. Сообщил по телефону, что на работу не придет — сердце. А выступить с отчетом просит Шерали. Текст в его, Вали-ака, столе. Пусть Шерали заранее с ним ознакомится. Двух дней ему для этого достаточно.

В назначенный час не очень просторный актовый зал института заполнили младшие сотрудники, доценты, профессора. Карима Музаффаровна, как обычно, задерживалась, и в зале стоял гул. Но вот даже курившие в коридоре поспешно заняли свои места. Появилась Карима-апа. И сразу воцарилась тишина. Пока она шла по проходу через середину зала, Шерали не сводил с нее глаз и чувствовал, как от волнения сжимается сердце. Карима-апа была в темно-синем свободного покроя костюме, скрадывавшем полноту. Несмотря на свои сорок пять лет, выглядела она довольно привлекательно. Чер-

ные, без единой сединки, волосы гладко зачесаны назад и собраны на затылке в узел. Энергичный излом бровей, чуть сдвинутых у переносицы, как бы подчеркивает серьезность данного момента, хотя ее слегка тронутые помадой губы, кажется, готовы в следующий миг улыбнуться. Но нет, не улыбается. И Шерали при мысли о предстоящем выступлении пробирает озноб. Глядя на розовое гладкое лицо этой женщины, молодо блестящие глаза, можно подумать, что за свою жизнь она ни разу не сталкивалась с трудностями, каталась, как сыр в масле. Но это далеко не так, и Шерали об этом знает. Ого, сколько пришлось в свое время перенести ей...

Карима-апа прошла в президиум. Кое-кто из сидящих приподнялся, пропуская ее. Она села на всегдашнее свое место, которое даже в ее отсутствие никто не смел занимать. Облокотилась о застланный зеленой скатертью стол и обвела взглядом сидящих в зале, словно отыскивая того, кто отважится сейчас выступить. Сидящие за столом президиума, поправляя очки, уткнулись в свои бумаги, зашуршали, перелистывая. Она слегка наклонилась к сидевшему справа от нее заместителю, седому мужчине, и что-то сказала. Тот кивнул и поднялся. Прокашляв горло, открыл заседание и кому-то предоставил слово.

Шерали не вникал в то, что там делалось. Одним глазом он поглядывал на президиум, а другим на бумаги, которые держал на коленях. Как нарочно, в последний момент возникали какие-то новые мысли, которые, как ему казалось, были упущены, и он тут же карандашом делал вставки. Снова и снова перечитывал текст, стараясь хорошенько запомнить, чтобы пореже заглядывать в бумаги, и вполуха слушал выступления заведующих лабораториями и кафедрами. И все боялся, как бы не проморгать момент, когда ему предоставят слово.

И все-таки проморгал. По залу пробежал легкий шум. Сидящие впереди стали оглядываться. Сосед ткнул локтем:

— Вас...

— Шерали Халмурадов присутствует?— спросил председательствующий, взглядываясь в зал.

Шерали вскочил, едва не рассыпал бумаги, кое-как собрал их и стал пробираться к проходу. Пока дошел до сцены, взмок. Изо всех сил стараясь унять волнение, поднялся по ступенькам к трибуне. Минуту, а то и две собирался с мыслями. Сидящие в передних рядах смог-

рели на него с интересом. Лица многих были ему знакомы. В глазах у некоторых читалось: «Ну-ка, ну-ка, что собирался сказать этот паренек, у которого молоко на губах не обсохло...»

Карима-апа, подперев левой рукой щеку, смотрела в зал.

Шерали положил перед собой записи — так он чувствовал себя увереннее — и начал говорить. Однако от волнения голос сел, а в зале было шумновато, и он сам себя едва слышал. Попытался говорить громче, чтобы его могли услышать хотя бы те, кого заинтересует тема выступления, если, конечно, таковые здесь найдутся. Однако присутствующих, кажется, уже изрядно утомили предыдущие выступления, и появление на трибуне «неоперившегося птенца» воспринято было ими как кратковременная разрядка.

Но когда Шерали произнес имя Леонида Михайловича Исаева, шум в зале стал постепенно стихать. Взоры присутствующих обратились к трибуне. Вот наконец Шерали перешел к сути своего доклада — начал говорить о значении эксперимента, на проведение которого хотел бы получить разрешение Ученого совета. В зале послышались смешки, шушуканье.

Карима-апа постучала карандашом по графину.

— Тише, товарищи! — попросила она и обратилась к Шерали: — Простите, я не совсем расслышала. Если не затруднит, повторите, пожалуйста, последнюю фразу.

У Шерали екнуло сердце. «Вот и началось!.. Однако слушает она внимательно. Не ускользнуло от ее внимания то, что я сказал!..» Шерали отпил из стакана воды, выигрывая время, чтобы немного успокоиться, и, глядя на Кариму-апу, спокойно повторил:

— ...Обеспечить проведение опыта с живыми яйцами аскарид, пролежавшими в земле в течение десяти лет...

Брови Каримы-апы, слегка подведенные тушью, изумленно приподнялись:

— Не ослышалась ли я, товарищ Халмурадов? Вы сказали «в течение десяти лет»?

— Именно так, Карима Музаффаровна! Вы не ослышались.

— А разве вам не известно, что предмет ваших опытов сохраняет жизнедеятельность лишь в течение четырех-пяти лет?

Шерали сказал, что и сам до недавнего времени придерживался такой точки зрения. До тех пор, пока в руки

ему случайно не попались записи Леонида Михайловича. Он рассказывал о найденных им тетрадах, о длительных поисках, увенчавшихся в конце концов успехом, не подозревая того, что вытянул уже первую траурную нить из многих научных выводов, относящихся к этой проблеме. Жребий был брошен, и теперь он говорил громко и уверенно. Разве что чуть-чуть торопился, выдавая тем самым свое волнение.

В зале чувствовалось оживление. На многих лицах он заметил даже заинтересованность, на некоторых — иронию: гляньте-ка, мол, на кого замахнулся этот птенец! На саму Кариму Музаффаровну!

— Фантастика! — услышался голос из зала.

— Белиберда!

— А как вы все это собираетесь доказать?

Кто-то откровенно расхохотался.

Не успел Шерали собраться с мыслями, чтобы ответить на один вопрос, как их посыпался целый ворох. Со всех сторон. Шерали растерялся. Стоял и молчал, глядя в зал, на лица, светлые и темные, гладкие как свежий персик, и обрюзгшие, сморщенные, как печеное яблоко, веселые и возмущенные, удивленные и подбадривающие. Голоса слились в сплошной шум, и он ничего не мог разобрать.

На помощь пришла Карима-апа. Она медленно поднялась, машинально одернула жакет и, строго глядя в зал, негромко спросила:

— Что это такое? Вы на Ученом совете находитесь или в чайхане? Если есть к докладчику вопросы, задавайте по очереди!

— Тогда я!.. — вскинул руку и вскочил с места маленький и круглый, как сдобная пышка, мужчина с просвечивающей сквозь редкие волосы розовой макушкой. — По-моему, докладчик совершенно необоснованно возвращается к давно известному и подробно изученному вопросу. Вы же сами, Карима Музаффаровна, давным-давно поставили в этом деле все точки над «i»!..

Ни одна черточка не дрогнула на лице Каримы Музаффаровны. Однако еле приметная искра в ее глазах промелькнула, мелькнула и пропала, свидетельствуя о том, что реплика из зала пришлась ей по вкусу. И круглый человечек это заметил. Воодушевленный, он вновь обратился к докладчику, тыча в его сторону пальцем.

— Товарищ Халмурадов! Известно ли вам, что на все

вопросы, поднятые вами, исчерпывающие ответы даны в работах нашей уважаемой Каримы Музаффаровны.

— Известно,— буркнул Шерали, перебирая дрожащими пальцами бумаги.

— До недавнего времени специалисты считали, что зараженная рассадниками аскаридоза местность опасна для здоровья в течение года или двух. Карима-апа в результате длительных исследований пришла к иным выводам. Она опровергла старые утверждения и доказала, что на зараженной местности необходимо соблюдать карантин в течение четырех-пяти лет; в таких местах нельзя пасти скот, который является основным переносчиком заболевания. В итоге случаи заболеваний аскаридозом сократились во много раз...

— Сократились, но ведь не исчезли совсем!— успел вставить Шерали, пока тот переводил дыхание.

— Ну, может быть, вы этого добьетесь?— ехидно осклабился ярый поклонник Каримы-апы.

— Карантин надо продлить до десяти и более лет!

— Ха-ха!.. По-вашему, из года в год живучесть паразита увеличивается?

— Дело не в этом!..

— Так в чем же? Вероятно, труды Каримы-апы кажутся вам недостаточно убедительными?

Шерали пытался растолковать свою мысль, однако ему никак не удавалось облечь в ясную форму, не только потому, что несколько растерялся оттого, что оказался под дальнобойным обстрелом настырного противника— пока он и сам толком не знал, в чем причина столь «длительной живучести паразита». Поэтому он перескакивал с одного на другое, ссылаясь на то, что в литературе, посвященной клинике аскаридоза, сравнительно мало отражено течение миграционной фазы этой болезни у человека и совсем не изучена ее клиническая картина после заражения яйцами аскарид, находившимися в почве продолжительное время...

Последовали вопросы: каким же способом он намерен это изучить? Все методы опробованы. Может, он придумал какой-то другой?

Видя реакцию зала, Шерали расхотелось раскрывать свои карты до конца, и он не решился сказать, что задумал провести эксперимент на себе. Поэтому речь его становилась все более невнятной, и он окончательно запутался.

И тогда поднялся с места седой мужчина, сидевший

рядом с Каримой Музаффаровной, ее заместитель Саттар Мукимович.

— На мой взгляд,— произнес он рокоchущим баритоном, постукивая о ладонь карандашом,— доводы ваши не имеют под собой никакой почвы, дорогой мой. И ежели мы будем с вами сейчас резковаты, не обижайтесь. Ибо собрались здесь все люди солидные, занятые, у которых каждая минута на вес золота. А вы, простите меня...— он взглянул на ручные часы,— вон, сколько времени отняли у нас... Допустим, что обнаруженные вами яйца аскаридов действительно десятилетние. Предположим даже, что они живые. Но вы же пока не можете утверждать, что они способны вызвать заболевание...

— Это потребует многочисленных опытов— заметил окончательно сбитый с толку Шерали.

— Опытов, говорите? А не будет ли это выбрасыванием на ветер средств, если наперед известны результаты подобного рода опытов? Знаете ли, мил человек, мы не настолько богаты, чтобы с этакой легкостью переводить государственные деньги.

Лицо Каримы-апы становилось все более серьезным и непроницаемым, она еле приметно кивала головой.

— Саттар Мукимович,— после короткой паузы произнес Шерали,— а можете ли вы взять на себя смелость с уверенностью утверждать, что найденные мной семена заразы не вызовут болезни? Пока никто не может этого утверждать с полным правом...

В зале стало тихо. Но Кариме-апе, кажется, не очень понравился проявляемый залом интерес, по лицу ее пробежала тень, а глаза выдавали, что она о чем-то лихорадочно думает. Может, прикидывает в уме, насколько может оказаться правым выступающий и насколько те, кто ему возражает. Беспокойный взгляд ее блуждал по залу, выхватывая из массы присутствующих знакомые лица. Лет пять-шесть назад она тоже видела их, когда с этой же трибуны докладывала о поразительных выводах, сделанных ею в результате длительных исследований, потрясала всех своими аргументами, сводившими на нет существовавшие до сих пор теории. Многие коллеги превозносили ее работу до небес, пели ей дифирамбы. Всего лишь каких-нибудь пять-шесть лет назад! Все это время она находилась в ореоле славы, стала даже привыкать к ней. И вдруг... В мире, конечно, рождалось немало блестящих идей, поражавших современников смелостью, новизной, которые, однако, затем состарились и были

преданы забвению. Но чтобы этакое произошло с ней... Нет, этот наглый мальчишка слишком много на себя берет!

А между тем до нее глухо, как сквозь толстый слой ваты, доносился взволнованный голос этого «мальчишки».

— Глубоко заблуждаются те, кому тема эта кажется устаревшей или полностью исчерпанной...

«Гляди-ка, и голос окреп?» — с ехидцей подумала Карима-апа.

А Шерали, уже не заглядывая в свои записи, продолжал:

— Да, мы должны безбоязненно вести дальнейшие исследования в этой области. Нам хорошо известны имена ученых, которые во имя достижения истины не щадили самих себя, своего здоровья. Мечников проверил на себе действие микробов холеры, Завьялов — эпизотии...

— Так то другой разговор, то был подвиг, — заметил Саттар Мукимович, махнув рукой, будто перед его носом вилась назойливая муха.

— Уж не собирается ли и наш Шералибай совершить такой же подвиг? — бросил кто-то из зала реплику.

— Теленка дорога — от кормушки до порога, — не унимался толстячок, он ерзал на своем стуле, будто сидел на репее. — Для такого подвига смелость нужна...

Шерали не сводил с него пронизывающего взгляда, несколько мгновений он делал над собой усилие, чтобы подавить всколыхнувшийся в нем гнев и говорить спокойно.

— Смелость присуща и хищному барсу, — сказал он. — Ни Мечников, ни Завьялов не собирались демонстрировать свою отвагу. Ими двигали гораздо более высокие чувства. Они думали о том, чтобы принести пользу человечеству. И грош цена тому, кто обладает лишь смелостью барса...

Карима-апа то облакачивалась о стол и, повернув голову смотрела на Шерали, то вновь откидывалась на мягкую спинку стула и с деланным равнодушием обзревала зал. Она нервничала. Ее обуревали противоречивые чувства. В красивых глазах ее, когда она смотрела на Шерали, зажигались яркие огоньки. Нет, не добрыми они были, эти огоньки.

А докладчик продолжал выкладывать перед аудиторией все то, о чем думал последнее время, нередко и ночи напролет. Слово решил: «А, будь, что будет!..»

Сидящие слушали, перешептываясь, пересмеиваясь, и с нетерпением ждали выступления директора. Никто не сомневался, что она очень быстро поставит на место этого задиристого петушка.

Ответив еще на несколько вопросов, Шерали отправился на место, почувствовав вдруг, что ноги опять сделались ватными.

Вопреки ожиданию большинства присутствующих, Карима Музаффаровна никак не выразила своего отношения к выступлению аспиранта. Саттар Мукимович о чем-то пошептался с ней и объявил заседание закрытым.

Шерали проснулся около четырех и весь остаток ночи провел без сна. Вспоминал вчерашнее собрание. Не погорячился ли, не сказал ли чего лишнего? Он заново обдумывал свое выступление, взвешивал каждое слово. Эх, недаром сказано: «Язык мой — враг мой»... Лучше про это не думать. Поживем — увидим...

На работу он пришел раньше обычного. Сам взял у вахтера ключ и отпер лабораторию. Надев халат, сел за стол и начал готовить приборы, чтобы начать работу.

Пронзительно задребезжал внутренний телефон. По нему давно никто не звонил, и Шерали вздрогнул. Стрелки настенных часов показывали ровно восемь. Телефон продолжал трезвонить. Кому это так рано нейметесь? Шерали вскочил, резко отодвинув стул.

— Товарищ Халмурадов? — слышался приятный девичий голос. — Зайдите пожалуйста, к Кариме Музаффаровне! — и в трубке раздались короткие гудки.

Шерали еще несколько мгновений подержал ее в руках, затем медленно опустил на рычаги. «Кажется, и она с трудом дождалась утра, — усмехнулся он про себя. — Сейчас начнет прорабатывать... Что ж, знал, на что идешь. На попятный поздно. Теперь или сумеешь доказать, что прав, или... Нечего тебе делать в науке, ищи другое, более подходящее место!.. Вот так, товарищ Халмурадов!»

В приемной директора секретарь в ответ на его приветствие мило улыбнулась, и это несколько успокоило Шерали. Девушка кивнула на обитую черным дерматином дверь:

— Пожалуйста!

Карима-апа с утра была не в духе. Стоя у своего стола, она с недовольным видом переключивала какие-то бумаги, что-то искала. Брови сведены на переносице, гу-

бы плотно сжаты. Она кивнула Шерали и улыбнулась краешком губ:

— Проходите, мой дорогой, садитесь. Как самочувствие?— голос директора прозвучал неожиданно ласково, может быть, потому, что Шерали подготовил себя к иному приему.

— Благодарю.

Шерали сел у узкого полированного стола, приставленного торцом к директорскому массивному письменному столу.

Она тоже опустилась в кресло.

— Вот о чем я хотела вас попросить... Нельзя ли мне взглянуть на ту тетрадь?

— Конечно, можно! Принести?

— Если вас не затруднит...

Шерали, будто на крыльях, полетел в лабораторию. Едва не сбив с ног раздевавшегося у двери Зияхана, бросился к своему столу, выдернул выдвижной ящик, чуть было не вывалив содержимое на пол. Достал из-под бумаг папку. Тесемки, вместо того, чтобы развязаться, спутались в узле. Рванул... Схватив тетрадь, псмчался обратно

Карима Музаффаровна положила тетрадь перед собой и стала осторожно переворачивать пожелтевшие страницы, осыпающиеся по краям, словно пересохшие осенние листья. Иногда рука ее, лежащая поверх страницы, замирала, затем острые коготки медленно скользили вниз, а ее полные, как спелая вишня, губы начинали шевелиться. Сосредоточенное лицо ее то светлело, будто обласканное заглянувшим в окно солнцем, то вновь омрачалось. Прошло немало долгих минут, пока она, наконец, вспомнила про Шерали. Не отрывая взгляда от вылинявших неразборчивых строк, написанных то фиолетовыми, то синими чернилами, она приподняла над столом руку и легонько махнула:

— Посидите, пожалуйста, посидите...

Время для Шерали исчезло, он и сам не знает, сколько просидел молча, то с надеждой, то с тревогой ловя малейшие изменения на лице Каримы-апы. Но вот, наконец, та откинулась на спинку кресла и, вздохнув, сказала:

— Да... ценная тетрадь. Очень интересные наблюдения... Я, право, и не знаю, как нам быть...

— Леонид Михайлович высказывает пока что гипоте-

зы. Большинство из них осталось непроверенными. Не успел... По-моему, мы могли бы это сделать...

Карима Музаффаровна, оттолкнувшись руками от подлокотников, резко встала. При этом скользнула взглядом по Шерали — словно обожгла. В ее глазах он успел прочесть: «Какой-то молокосос смеет меня учить!..» Она подошла к окну, распахнула его настежь. В кабинет ворвался пахнущий снегом воздух: Откуда-то сверху, из голы крон платана, проливалась трель оставшейся на зиму майны¹.

— А вам не кажется, что Леонид Михайлович не «не успел», а попросту отказался от своих гипотез, решил, иначе говоря, не изобретать велосипеда? Не станете же вы возражать против того, что на большинство из этих вопросов ответы даны давным-давно,— сказала Карима Музаффаровна, глядя в окно.

Шерали счел, что ему не пристало сидеть, когда директор стоит, и тоже поднялся.

— Что касается велосипеда, конструкторы и по сей день ломают голову над его усовершенствованием,— улыбнулся Шерали, стараясь унять волнение.— А обследование обнаруженных в саду яиц свидетельствует о том, что...

— А мои обследования, хотите сказать, были ошибочными?—резко обернулась Карима-апа. Появившийся на щеках от морозного воздуха румянец придавал миловидность ее несколько увядшему лицу.

— Не ошибается тот, кто ничего не делает,— упавшим голосом произнес Шерали.

— Вы думаете, что говорите? Паразитологи всего мира заблуждались, а вы нет! Не слишком ли самоуверенно, молодой человек?

— У меня нет оснований не верить собственным глазам...

— Вы меня поражаете. Откуда у вас, спрашивается, такая уверенность в непогрешимости своих выводов?

— Как раз наоборот: у меня нет твердой уверенности. Именно поэтому я и хотел бы, с вашего разрешения, начать эксперименты.

Карима-апа на несколько секунд призадумалась, лицо ее сделалось сосредоточенно-строгим. Потом ее брови взлетели вверх, а губы дрогнули в улыбке:

¹ *Майна* — индийский скворец.

— Что ж, может, вы и правы. А я в свою очередь свяжусь со специалистами, которые ведут свои исследования параллельно с нами. Посмотрим, какие у них новости в этой области. Чем больше мы соберем данных, тем лучше, верно?

— Разумеется. Разрешите взять тетрадь?

— Если не возражаете, я на некоторое время оставлю ее у себя. Ознакомлюсь подробнее.

Шерали направился к двери.

— И все-таки хорошенько подумайте,— сухо бросила вслед ему Карима Музаффаровна.— Мне будет очень жаль, если потратите время свое впустую.

Шерали кивнул и вышел из кабинета.

Несколько дней Шерали был сам не свой. На сердце словно камень лежал, все валилось из рук. На работе ни с кем не заговаривал. Если кто-то обращался к нему, отвечал односложно, делая вид, что всецело погружен в работу, тогда как в голове был полнейший сумбур. Он не знал, как вести себя далее, ведь от директора института он не услышал ни твердого «да», ни решительного «нет». Приступать к эксперименту или нет?.. Казалось, сидит у него на плече дьявол и нашептывает: «Оставь, ты, парень, свою затею. Какая тебе разница, пять лет будет длиться карантин на зараженной аскаридозом местности или десять?.. Подумай лучше о себе. Глупо восстанавливать против себя столь авторитетных людей. Не сладить тебе, нет...» И бывали минуты, когда он готов был уже отказаться от своего намерения. Но это до тех пор, пока, идя по длинному институтскому коридору, не ловил на себе насмешливые взгляды некоторых коллег.

А однажды, когда Вали-ака и Дильбар ушли в буфет, к нему подошел Зияхан. Присел на краешек стола, что, видимо, надо было понять так: «Отвлескись, старик, давай потолкуем!..»

Шерали оторвался от микроскопа и, отведя назад руки, обхватил спинку стула и крепко прижался к ней ноющими лопатками, предельно развернув плечи, так, что хруст раздался.

— Ну, что?..— спросил Зияхан, поправив очки на крючковатом носе.— Не послушался меня... И видишь что получается...

— Что же?— нахмурился Шерали.

— Только между нами, старик. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь...— уменьшенные толстыми стеклами очков глаза Зияхана сверлили, словно гвоздики.— Вчера я был в гостях у Дильбар. Были еще двое профессоров, кто-то из обкома... За чаепитием разговор зашел о тебе...

— Что ты говоришь? Такой интерес к моей персоне?— губы Шерали скривила усмешка.

Зияхан сидел, болтая одной ногой.

— Все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Каримапа недовольна тобой.

— Я знаю. Ну и что из этого?

— Занялся бы ты настоящим делом. Предыдущая работа шла у тебя довольно гладко...

— Да! Пока не подвернулась тетрадь Исаева. Не могу же я развивать свою теорию, когда факты говорят о другом...

— Во!— воскликнул Зияхан и ткнул длинным сухощавым пальцем чуть ли не в переносицу Шерали.— В кулуарах знаешь какие разговоры ведутся? Халмурадов, мол, на директора бочку катит! А если разобраться, ты ведешь огонь прежде всего по собственным позициям! Как бы ты себе не повредил...

Шерали резко вскинул голову и уставился на Зияхана. Ему вдруг показалось, что дьявол, сидевший на плече, назойливо нашептывает ему на ухо именно голосом Зияхана, и теперь, когда он обрел плоть, Шерали спихнул его с плеча и громко расхохотался.

— А ну тебя,— махнул рукой Зияхан.— С тобой нельзя говорить всерьез.

— Считай, что разговор между нами состоялся самый что ни на есть серьезный. Ты даже представить себе не можешь, насколько серьезный.

Шерали накинул поверх халата пальто и вышел.

Приемная директора института была полна солнечного света. В открытую форточку вливался свежий воздух. Секретарша поливала из графина цветы. Шерали попросил у нее лист бумаги, сел в низкое кресло у журнального столика и нервным почерком написал на имя Каримы Музаффаровны заявление, в котором просил официального разрешения заниматься дальнейшими исследованиями, используя подопытных животных, и в дальнейшем засчитать ему эту работу как основу его будущей диссертации. Поставил размашистую подпись.

Положил, прихлопнув ладонью, заявление на стол перед секретаршей и вышел вон.

Шерали заметил, что некоторые из коллег, отличавшиеся разговорчивостью и даже при мимолетных встречах во время перекуров не упускавшие случая рассказать веселый анекдот, вдруг сделались в его присутствии молчунами, пожалуй, едва ли не стали его сторониться. Кое-кто из заслуженных аксакалов теперь разговаривали с ним с подчеркнутым высокомерием. Были и такие, кто предпочитал колкости и насмешки, и Шерали не всегда находился с ответом... Неужели все они в самом деле считают, что он, Шерали, посягнул на приоритет всеми уважаемой Каримы-апы? Да пусть на него обрушатся небеса, если он уважает ее меньше, чем все они вместе взятые! Разве он не знает, как много она сделала для института?

Но ведь в институте работает и немало других солидных ученых. Неужели и они разучились быть объективными и не могут трезво оценить обстановку? Неужели и они расценили его выступление как посягательство на авторитет Каримы-апы? Но ведь речь идет о науке. А она не может существовать без того, чтобы кто-то не сомневался и принимал все как есть. Кто-то сказал: «Не сомневающийся не думает». Верно сказано. Почему же лица уважаемых ученых становятся каменными, когда на их пути попадает Шерали, и на приветствие его они отвечают сквозь зубы? Неужели прав Зияхан и некоторые другие коллеги, которые намекали на то, что сначала он должен был заручиться поддержкой тех, у кого уже есть имя в научном мире?

Спрашивается, зачем? Он же не нуждается в чихлибо благодеяниях. Стало быть, он должен за кем-то бегать в надежде завоевать симпатию, выслуживаться, чтобы получить возможность доказать свою правоту!

Если научная работа имеет цену, она не нуждается в покровительстве. Исследователь должен чувствовать себя легко и свободно, как птица. Именно, как птица! Иначе не поспеешь за быстротечным временем. А в душе у Шерали в последнее время свил гнездо страх: он почти физически осязал летящее время. Когда не занят ничем серьезным, особенно остро ощущается потеря времени. Сколько же можно ждать ответа на свое заявление?.. Может, кто-то надеется, что его надежды постепенно ис-

сохнут, как свежий побег, корень которого подтачивают черви?

Но, паверное, человеку небесполезно пройти и через такое. Лучше познаешь людей. Поистине, нет худа без добра. Именно в такой ситуации выясняется, кто тебе истинный друг. Шерали уже на личном опыте убедился, что есть люди, у которых успехи твои вызывают досаду, а неудачи доставляют радость, они чувствуют себя на седьмом небе, если чье-то доброе имя бывает опорочено, подливают масла в огонь, стараются еще более усугубить положение человека, и без того захлебывающегося в водовороте неудач, и в этом находят удовольствие.

Назло таким Шерали не сдастся! «Если мне будет отказано во всем необходимом для проведения эксперимента, я проведу его на себе, как и задумал с самого начала! В основу работы будут положены мои личные ощущения! Могут ли быть для науки сведения более ценные, чем эти?!»

Шерали вторично написал заявление. Теперь он адресовался к Ученому совету...

Через две недели Шерали пригласили в отдел медицинской гельминтологии. За круглым столом сидели трое почтенных профессоров. Встретили Шерали приветливо, каждый привстал со стула, отвечая на рукопожатие. Расспросили сначала о житье-бытье, о здоровье. Потом старший из них, постукивая пальцами о полированную поверхность стола, сказал:

— Мы тебя, братец, вот по какому поводу пригласили... Ознакомились мы с твоим заявлением. На наш взгляд, проведение подобных экспериментов в настоящее время не представляется целесообразным. Занимался бы ты спокойненько своим делом...

— А это, вы считаете, не мое дело?— усмехнулся Шерали.

— Я имею в виду... твою работу, на которую ты уже затратил столько времени, сил... Нельзя же бросать начатое дело на половине. И государственные средства надо пожалеть.

— Именно поэтому и я...— хотел было возразить Шерали, но профессор жестом руки остановил его и продолжал:

— Заранее знаю, что ты нам скажешь. Не надо. Держи это при себе. Если ты нас уважаешь и тебе безразлично наше мнение, то мы тебе его высказали.

— Конечно, не безразлично. Но, к сожалению, есть очевидные вещи, которые...

— Ну, знаешь ли!..— развел руками профессор.— Я от тебя таких слов не ожидал. Ты всегда казался мне исполнительным парнем.

Двое других, переглядываясь, качали головами.

— Профессор, мне хотелось бы попросить у вас искреннего совета. Как поступить у развилки почти умирающему от жажды путнику, если он знает, что одна тропа ведет в пустыню, а другая к источнику?

— Ого, да ты еще и поэт!.. А если путник только предполагает, что там источник, надеется на это, а на самом деле источник тот давным-давно высох?

— Нет, профессор, не высох...

— А я говорю, высох!

— И все-таки путник пойдет по той тропе, верно?

— Ну и иди, если ноги твои выдержат!— выпалил профессор и, побагровев, насупил брови.— С тобой говорят уважаемые люди, а ты ведешь себя непочтительно...

— Извините,— виновато потупился Шерали.

— Ну, ступай. И крепко подумай.

— Хорошо, профессор.

И опять несколько дней Шерали ходил, как в воду опущенный. В запущенном институтском саду цвели деревья, жужжали пчелы. Солнце пригревало землю... А его не покидало чувство, будто он потерял что-то очень дорогое. Однако на работе не подавал виду, старался, чтобы никто не заметил его угнетенного состояния. Поддерживал разговор только тогда, когда кто-то из коллег делился новостями или комментировал научные открытия, сообщения о которых поступали из различных точек земного шара. От Шерали да и от других тоже не укрылось, как изменилась в последнее время Дильбар, стала молчаливой и замкнутой. В глазах ее исчез былой задор. Разговаривая с Шерали, она отводила взгляд в сторону. А в конце дня уходила так тихо, что никто не замечал ее исчезновения.

Однажды Вали-ака обеспокоенно спросил:

— Доченька, как ты себя чувствуешь? Может, тебе нездоровится?

— Нет, нет, что вы,— смущенно улыбнулась Дильбар.— Просто я немного устала.

— Ну, так отдохнула бы,— посоветовал заведующий.— Возьми недельку без сохранения и поезжай в наш пансионат.

— Вот и я то же самое говорю!— подхватил Зияхан.

— Зову ее на воскресенье в горы, а ей все некогда: то гости из Москвы или Ленинграда, то стирка, то уборка... А в горах сейчас так хорошо! Кругом зелено, и тюльпаны цветут. Весна...

— Оставьте...—с раздражением сказала Дильбар и поморщилась.— Если вы так любите природу, ничто не должно вас останавливать.

— Позавчера я и поехал один — но лишь затем, чтобы привезти вам тюльпанов!

— Очень тронута. Благодарю.

Шерали усмехнулся про себя, вспомнив, как один аспирант, их общий знакомый, хвастался вчера в институтском холле в окружении приятелей: «Ну и погуляли мы с Зияханом! Природа, девочки, м-м-м...»— и поцеловал кончики пальцев, сложенных в щепотку.

Эти разговоры отвлекали Шерали от мрачных мыслей, но ненадолго. Прежде как-то удавалось забываться, погружаясь всецело в работу, а теперь нет. Попробуй тут забыться, если не уверен, что делаешь то, что нужно. Кто его знает что там происходит с Дильбар. Шерали и сам чувствовал себя по-настоящему больным. «Больным?.. В таком случае надо лечиться! Но от чего?» «... И крепко подумай»,— все еще звучал в ушах голос почтенного профессора. Последние дни Шерали только тем и занимается, что беспрестанно думает и думает. Но этого мало, надо действовать...

Шерали специально задержался после работы. Дождавшись, когда все ушли, позвонил в Ташкент — бывшему однокурснику, который работал ныне в Министерстве здравоохранения. Тот, к счастью, оказался дома. Не застань его Шерали, вряд ли решился бы позвонить еще раз. Товарищ внимательно выслушал и сказал:

— Знаешь, дружище, на расстоянии говорить о таких вещах трудно. Я тебя не совсем понимаю. Вопрос, на мой взгляд, серьезный, и по телефону мы его не решим. Приезжай-ка сюда. Может, мне удастся устроить тебе встречу с министром. Во всяком случае попытаюсь. Он когда-то работал с Леонидом Михайловичем Исаевым. Думаю, он тебя поймет...

Вот когда Шерали вспомнил о том, что ему положены три или четыре дня отгула — за дежурства в праздники. До сих пор он ни разу ими не пользовался. Если сложить его отгулы за несколько лет, ого, сколько наберется!..

На следующий день Шерали вылетел в Ташкент.

Министру было немногим более пятидесяти. Стройный, в ладно сидящем коричневом костюме, он встал с места, пожав Шерали руку, кивнул на стоящее напротив кресло. У него густые волнистые волосы с проседью и загорелое мужественное лицо, улыбочивые карие глаза. Однокурсник Шерали был просто влюблен в своего начальника и вчера весь вечер рассказывал о нем. Он родился в Самарканде, там и учился. После окончания медицинского института работал с Леонидом Михайловичем, вместе с ним искал защиту против страшных заболеваний, встречавшихся преимущественно в близлежащих к Самарканду районах.

Приятель предупредил Шерали — каждая минута у министра расписана, чтобы был предельно краток.

— Так,— произнес министр,— я вас слушаю.

Едва только Шерали, объясняя причину своего визита, упомянул имя Исаева, глаза министра засияли, лицо засветилось улыбкой.

— Гм... так-так, значит, говорите, эти эксперименты начал еще Исаев?.. Я хорошо знал его,— он разволновался, закурил, придвинул пачку с сигаретами к Шерали:— Пожалуйста... Да, много сил отдал Леонид Михайлович... науке. В то время... Да что и говорить, страшное было время. Кто сейчас поверит, что одна холера почти ежегодно уносила тысячи жизней. Исаев мужественно боролся и с холерой. Замечательный был человек...

Подперев щеку рукой, министр призадумался. Над забытой у края пепельницы сигаретой вился сизый дымок. Наверное, министру вспомнилось худощавое лицо его учителя, зеленоватые глаза, кустистые рыжеватые брови, широкий ясный лоб... Он был совсем еще юным пареньком, когда бродил вместе со своим учителем, «стариком Исаевым», как называли его за глаза близкие люди, по болотам, тугаям и полям, уничтожая комаров — переносчиков малярии... Кажется, совсем недавно это было, столько лет успело пробежать. Столько лет!..

— Леонида Михайловича я считаю своим наставником,— проговорил министр задумчиво.— Многому научился у него в свое время. Помню, он часто говаривал: «Науку двигает вперед неумная жажда открытий. То, что мы делаем сейчас, невозможно довести до конца одному поколению. Мы передадим эстафету тем, кто продолжит наше дело, а они в свою очередь передадут из

рук в руки своим ученикам. Благодаря этой неразрывной цепи и развивается наука...» Так он говорил. И найденная вами тетрадь — одно из звеньев этой цепи. То, что вы решили завершить начатую Леонидом Михайловичем работу, — это очень похвально. И благородно. Однако, прежде чем сказать вам что-либо определенное, мне необходимо посоветоваться со специалистами, — он взял из прибора шариковую ручку, быстро набросал что-то на обратной стороне откидного календаря. — Какое это будет иметь, на ваш взгляд, практическое значение?

— В нашей республике, как вы только что упомянули, начисто ликвидированы холера, оспа, малярия. И прежде всего потому, что удалось разгадать клинику этих страшных заболеваний. Аскаридозом же в отдельных районах нашей области и ныне болеют сплошь и рядом. Районы преимущественно скотоводческие. Выходит, болезнь эта упрятала свои секреты гораздо глубже. И тут, мне кажется, Леонид Михайлович прав: если на зараженных лугах, пастбищах продлить карантин лет до десяти, запретить там выпас скота, который, по сути, и является посредником между...

— И тогда мы полностью избавимся от этой заразы?

Шерали кивнул.

— И вы, конечно, хотите подтвердить свое предположение опытами. Так я вас понял? — министр выпрямился и положил ладони на край стола, давая понять, что разговор окончен.

Шерали кивнул и поднялся.

— О нашем решении мы вас известим. Всего добро-го, — министр встал и пожал Шерали на прощанье руку...

Билет у Шерали был на вечерний рейс. До вылета самолета оставалось еще добрых три часа. Чтобы застраховать себя от каких-либо неожиданностей, он приехал с приятелем в аэропорт заранее. Остаток времени решили провести в ресторане. Есть не хотелось. Взяли фруктов и по рюмке коньяку. Приятель в шутливой форме пожурил Шерали за то, что он до сих пор ходит в холостяках.

— Дела делами, но и о личной жизни подумать надо. Не юноша уже, — сказал приятель, с хрустом откусывая яблоко.

— То одно, то другое... Некогда... — грустно улыбнулся Шерали.

— Все откладываешь на потом? Сначала хочется с

«главными делами» покончить, верно? Вот-вот, я и сам таким был — пока не окрутила меня моя благоверная! А теперь нисколько не жалею!.. Видал, какие у меня дети? Вот это и есть в жизни главное, запомни! — погрозил приятель пальцем. — И не заметишь, как облысеешь, растолстеешь, кто тогда за тебя пойдет, ну?..

— Вот закончу эту работу, тогда и... — Шерали рассмеялся. — Займусь поисками невесты!

— Похоже, на эту работу у тебя уйдет не один год.

Шерали сразу сделался серьезным, задумался.

— Если идти традиционным путем, то да, — сказал он, медленно вращая в руке хрустальную рюмку и следя за преломлением света в ней. — Однако все это можно значительно ускорить.

— Это как же?

— Экспериментировать... гм... на себе.

Перестав жевать яблоко, приятель несколько секунд не сводил с него взгляда, потом развел руками:

— Шутишь?

— Нет, нисколько. Мне только нужно, чтобы потом описанный мною материал я мог положить в основу кандидатской диссертации. За тем сюда и приехал...

— Ну и ну!.. — покачал головой приятель. — История медицины, конечно, знает немало таких примеров. Вспомнить хотя бы случай с онкологом Никитиным. Года три назад о нем писалось в газетах. Выясняя причину неожиданно появившихся болей в желудке, он обнаружил, что у него рак. Если бы сразу приступили к лечению, может, его и спасли бы. Но в Никитине возобладал дух исследователя. Вместо того, чтобы срочно принимать меры, он стал наблюдать течение болезни, скрупулезно фиксируя все изменения в организме. Таким образом ему удалось сделать немало новых открытий.

— Мой эксперимент гораздо менее опасен, — сказал Шерали.

Перед глазами Шерали вдруг возник лежащий на белых простынях исхудавший, желтый, как шафран, человек. Напрасно суетятся вокруг него ученики-медики, уже не в силах чем-либо помочь. Они измучены бессонницей, у них на лицах тревога, в глазах слезы. А потрескавшиеся губы профессора тронула еле приметная улыбка и с них слетает тихий, как дыхание, шепот: «Ну, что вы раскисли, как кисейные барышни? Берите-ка ручки и пишите! По прошествии семи дней появились новые симптомы. Первое...»

— Как бы ни было, за твои успехи!— приятель придвинул к нему рюмку. Закусывая яблоком, приятель с горечью заметил:— Знаешь, я тоже когда-то вознамерился защитить кандидатскую. Но не вышел из меня ученый. И слава богу. Согласись, в огромном мире науки настоящих ученых раз-два и обчелся! Так что, может, ты и прав, что собираешься последовать поговорке: «Наука требует жертв»,— и он, смеясь, хлопнул Шерали по плечу.— Имена истинных ученых остаются в истории!

Шерали хотел было возразить, сказав, что он абсолютно лишен тщеславия, но в это время объявили посадку на самолет.

Предполагали ли когда-нибудь Авиценна, Бируни или Омар Хайям, что из Таша, как в былые времена назывался Ташкент, в Самарканд можно будет попасть менее, чем за час? Вряд ли. Наверное, и нашему современнику, каким бы богатым воображением он ни обладал, трудно представить себе, какой будет жизнь на земле лет этак через сто-двести. Если, конечно, не будет войны.

Самолет накренился, описывая полукруг. За иллюминаторами в мутной синеве сумерек засверкали россыпи огней. Шерали прижался лбом к холодному стеклу, вглядываясь в ночной город, пытаюсь разглядеть высвеченные разноцветными лучами прожекторов старинные постройки Регистана, Биби-Ханым, различить знакомые улицы, но самолет плавно качнул крыльями и стал заходить на посадочную полосу. Через несколько минут шасси мягко коснулись бетона, взвыли моторы, гася скорость. И огромный лайнер, словно обыкновенный автобус, медленно подрулил к зданию аэропорта и замер. Пассажиры засуетились, готовясь к выходу.

У стоянки такси выстроилась длинная очередь. Машин было мало. Люди спорили, ссорились. Чтобы добраться домой, Шерали потребовалось больше времени, чем на полет. И уже не в первый раз ему подумалось, какое приятное чувство испытывают, наверное, те, кого дома кто-нибудь ждет. Возвращаясь издалека, они предпочитают не пользоваться ключом, а звонят в дверь, жадно прислушиваясь к звуку торопливых шагов в прихожей. А затем объятья, поцелуи... «Что-то я сегодня сентиментален»,— усмехнулся Шерали, отпирая дверь своей квартиры.

После полета — а может, застолья — слегка шумело в голове. Он заварил полный фарфоровый чайник зеленого чаю, осушил до дна и лег спать. Однако перед глазами мелькали эпизод за эпизодом, встречи, разговоры двух предыдущих дней. Даст ли ему что-нибудь эта поездка?.. Сердце не покидала тревога, словно он был накануне каких-то важных событий. Так он и не сомкнул глаз до самого рассвета. Нет, чтобы избавиться от угнетающих душу тревожных мыслей, надо поскорее чем-то заняться! Он вскочил с постели, принял холодный душ и, не позавтракав, отправился на работу.

Еще не повисли над городом пыль и дрожащее марево выхлопных газов, воздух был настолько прозрачен, что приблизил, как увеличительное стекло, горы, обступающие город полукружьем с юго-востока, ясно различались скалы, ущелья, заполнивший лощины снег, который застревал среди каменных складок до конца лета. Несмотря на ранний час, улицы были уже полны людей. Одни спешили с корзинами и мешками на базар, другие на работу. На остановках толпы. Автобусы грузно трогались с места, накренысь на один бок. Шерали пропустил два автобуса, прежде чем ему удалось поставить ногу на подножку и ухватиться одной рукой за поручень...

В проходной Шерали взял у заспанного вахтера ключ от лаборатории.

Во дворе института было тихо и безлюдно. Пряно пахли распусившие молодые клейкие листочки липы, тополя, простирающие свои зазеленевшие кроны над асфальтированной дорожкой, сплошь усыпанной золотыми монетками солнца. От главной аллеи убегала влево дорожка, ведущая к приземистому, похожему на барак зданию с отставшей на фасаде во многих местах штукатуркой. Шерали любил это непритязательное строение, как свой дом. Тут он работал.

Отперев дверь, вошел.

Стены, потолок, столы — все было выкрашено в белый цвет, и другой цвет казался здесь неуместным. Пахло лекарствами и спиртом. Справа, в углу, за стеклом на полках, стояли различных размеров колбы и трубочки в специальных подставках. С вешалки свисали резиновые перчатки и шланг. На широкой тумбочке — четыре микроскопа и несколько луп. В простенке между окнами шкаф с книгами по паразитологии и гельминтологии. На стенах висят цветные схемы, фотографии увели-

ченных в тысячи раз паразитов, вызывающих различные заболевания... Трудно поверить, что отсюда, из этого тесного и полусумеречного невзрачного помещения, начинался путь в науку для многих ученых. И все они неизменно возвращались сюда. Исследовать, проводить анализы, изучать биологию собранных в тугаях, болотах, безлюдных оврагах, глубинах колодцев и рек микробов. Именно здесь им удалось разобраться во многих запутанных вопросах.

Солнце било в окна в упор, и в помещении стояла духота. Шерали пооткрывал все форточки. Надел халат и принялся за дело. Из стоявшего в углу массивного шкафа принес целлофановый мешочек с землей, положил на стол. Хромированной пластинкой зачерпнул из него щепотку грунта и насыпал под линзу микроскопа. Припав глазом к окуляру, стал наводить резкость...

Ему пришлось несколько раз поменять грунт, прежде чем он снова нашел то, что искал.

Скрипнула дверь. Появился Зияхан.

— Ого! Ты уже здесь? С приездом!

«Надо же, уже знает! Разве, уезжая, я обмолвился кому-нибудь хоть словом?.. Чудеса да и только».

— Благодарю.

Зияхан подошел и энергично тряхнул его ладонь.

— Ну и как?— спросил он, улыбаясь.

— Что «как»?— пожал плечами Шерали.

— Не притворяйся! Что тебе сказали в министерстве?

Шерали слегка растерялся.

— Послушай, откуда ты обо всем узнаешь?

Зияхан хохотнул.

— Земля слухами полнится!

— И все-таки?

— Лично мне сказала Дильбар,— признался Зияхан.— Вчера мы с ней навестили своих друзей. Они врачи. Откуда-то они о тебе слышали. Стали расспрашивать. Дильбар и сказала, что ты поехал в министерство жаловаться.

— Жаловаться? Так и сказала?

— Ну, что-то вроде этого... Что же тебе сказали, если не секрет?

— Не секрет. Ничего определенного. Пообещали помочь... если сочтут нужным. А пока придется набраться терпения и ждать.

— Терпи, терпи,— усмехнулся Зияхан.— Говорят, у терпения золотое дно.

— Хорошо бы.

— Но там-то сидят люди объективные, у тебя, слава богу, не будет оснований обвинять их в предвзятости.

— Хочешь взглянуть?— спросил Шерали, протерев байковой тряпицей окуляр микроскопа и все еще ломая голову, откуда же Дильбар стало обо всем известно.

— На твое драгоценное сокровище? Конечно!

— Прощу.

Не успел Зияхан наклониться над прибором, как резко распахнулась дверь. Вошла Карима Музаффаровна, за ней ее заместитель Саттар Мукимович и Дильбар. Девушка кивнула Шерали и направилась к своему месту, почему-то даже не взглянув в сторону Зияхана, вопреки своему обыкновению каждое утро одаривать его милой улыбкой.

Карима Музаффаровна приблизилась к Шерали.

— С возвращением,— сухо сказала она.— Полагаю, свои отгулы вы употребили с пользой?

— Совершенно верно,— кивнул Шерали.

— В добром ли здравии министр?

Шерали молчал, думая о том, что в министерстве, конечно же, у нее полно своих людей. Видимо, кто-то из них не преминул позвонить ей тотчас же, как только увидел ее сотрудника.

— Вы по-прежнему настаиваете, что обнаруженные вами яйца аскарид живые?— спросила Карима-апа, не сводя с Шерали строгого взгляда.

— Можете убедиться сами,— Шерали отступил в сторону, показав на микроскоп.

Карима Музаффаровна шагнула к столу и склонилась над окуляром.

Яйца аскарид не отличить от обыкновенных пылинок. Еще до защиты кандидатской диссертации она подолгу наблюдала за ними, не ленилась, не жалея времени, упорно изучая проблему живучести их в организме большого. Но впоследствии, начав руководить крупным научно-исследовательским институтом, отстранилась от лабораторных исследований и, с головой уйдя в административные хлопоты, в какой-то степени оторвалась от научной жизни. Однако большинство доцентов и профессоров, публикуя свои работы, считали неременным долгом поставить под статьей и ее фамилию, выказывая тем самым свое почтение к ней. А с другой стороны, имя Каримы Музаффаровны, поставленное под статьей, словно обладая магическими свойствами, зажигало зеленый

свет на пути к ее изданию. Карима-апа всегда находила время присутствовать на Ученых советах, в ее власти было кого-то покритиковать, а кого-то возвести на пьедестал. Она, как руководитель, всегда была на виду: время от времени выступала с докладами на конференциях. А если соглашалась выступить в качестве оппонента на чьей-нибудь защите, то будущий кандидат чувствовал себя на седьмом небе от счастья... В общем у нее не было причин быть недовольной своей жизнью, весьма благополучной, хотя, может, и несколько однообразной... Лишь иногда ей становилось грустно — когда она задумывалась о своей докторской диссертации, которую никак не могла завершить. В эти недолгие часы — чаще всего по ночам, во время бессонницы — весь мир казался ей погруженным во мрак. Но она гнала прочь мрачные мысли, относя их за счет хандры, стараясь убедить себя, что она уже добилась своего, о чем только может мечтать современная женщина. И все-таки тщеславие не давало ей покоя, и порой она с удовольствием мечтала о том, что когда-нибудь в ее жизни наступит тот самый «звездный час», когда она потрясет мир своим сенсационным открытием. И в то же время, все чаще она ловила себя на мысли, что постепенно забывает некоторые аспекты даже тех проблем, которыми занималась длительное время. И это, естественно, не могло не тревожить Кариму-апу. Вот и сейчас ей никак не удавалось среди тысяч во много раз увеличенных крупниц разглядеть то, что хотела. И в ней постепенно начала закипать досада. Заныла спина, в ногах появилась слабость. А ведь еще совсем, кажется, недавно она могла часами простаивать над микроскопом. Да, хочешь не хочешь, а годы дают себя знать. Она резко придвинула к себе стул и села. Облокотясь о стол, снова приникла к окуляру.

Заместитель сразу заметил, что Карима-апа раздражена, и забеспокоился. Ему хорошо было знакомо свойство этой женщины взрываться, если что-то было не по ней. Он мысленно проклинал своевольного аспиранта, которому неймется, из-за которого у директора столько хлопот. Гора свалилась с его плеч, когда Карима-апа, наконец, выпрямилась, усталым взглядом обвела присутствующих и сказала:

— Да, живые. Представьте себе, живые...

В помещении воцарилась тишина. Никто не решался первым подать голос, не зная, как реагировать на эти слова. Саттар Мукуминович и Зияхан обеспокоенно пере-

глянулись и молчали, будто уста им запечатали воском.

Дильбар стояла, чуть привалившись к своему столу и скрестив ноги. Встретившись взглядом с Шерали, улыбнулась. В белом халате и кокетливо сдвинутой набок медицинской шапочке она была очень привлекательна. Она вынула руки из карманов, тонкие пальцы nervно расстегивали и застегивали пуговицы на халате.

— Наверное, можно приступить к экспериментам на животных?— сказала она.

— Если наш исследователь не изобретет более действенного способа,— подал голос Зияхан и хмыкнул.

Карима Музаффаровна бросила на него быстрый взгляд, но промолчала. Лишь едва заметно нахмурилась, потирая кончиками пальцев висок. Каждый понимал: от того, что она сейчас скажет, многое будет зависеть в дальнейшем.

— У нас лишь один испытанный способ,— быстро проговорила она.— Подберите экземпляры для опытов!— порывисто встала и направилась к выходу.

Саттар Мукимович засеменил за нею.

Дильбар, глядя исподлобья на Шерали, улыбнулась.

— Поздравляю,— сказала она.

— Благодарю. Но, по-моему, поздравлять еще рано.

Дильбар, проходя мимо Зияхана, провела по его щеке ладонью и, простучав каблучками, выбежала из лаборатории.

Что означал этот ее жест? Просьбу не серчать на нее за какой-то проступок?

Зияхан усмехнулся, провожая Дильбар взглядом, и, как только дверь за нею закрылась, тихо произнес:

— А золотое дно вроде бы начинает проглядывать, а?.. Молодец, Дильбар! Недаром говорят: сказанное вовремя слово — золото! Вот и решились все твои проблемы.

— Если бы так,— Шерали вздохнул.

— То есть?.. Тебе же сказали, что можешь приступить к своим экспериментам! Что еще надо?

— Я думаю о том самом «более действенном способе», о котором ты не можешь говорить без иронии.

— Нет, по-моему, ты окончательно спятил!— хлопнул себя по бокам Зияхан.

— Спятил, так спятил! По-твоему, спятили в свое время и Коино, проведший подобный эксперимент в 1922 году, и Фогель, и Минних, двадцать лет спустя про-

делавшие то же самое. К сожалению, они не провели анализа крови и обошлись без рентгена легких...

— Но этот пробел ликвидировал Мустафа в Саудовской Аравии!— с горячностью возразил Зияхан.— Им подробно описаны вспышки сезонных заболеваний органов дыхания аскаридозной этиологии с характерными рентгенологическими и гематологическими проявлениями...

— Но никем из них не были использованы для эксперимента яйца, пролежавшие в земле столь длительное время, и которые, по сути, считались безопасными. Кто знает, а вдруг мы избавим человечество еще от одной болезни? Из-за этого стоит рискнуть.

— По-моему, ты ставишь на кон собственное здоровье, еще не зная, что в банке. Не забывай: здоровье не купишь ни за какие деньги.

— Ты прав, нет ничего на свете дороже здоровья. Но ведь мы как раз относимся к той категории людей, которые обязаны думать не только о себе...

— «О человечестве»— хочешь сказать? Что-то часто ты стал употреблять это слово. А это не очень хороший признак. Попахивает манией величия.

— Можешь расценивать это как угодно. Мне просто нужна абсолютная точность. Только в этом случае мы сможем ставить в дальнейшем безошибочные диагнозы.

— Диагнозы в будущем будут ставить ЭВМ.

— Ими все равно должны управлять люди.

— Ах, оставь. Врач очень скоро превратится в простого наблюдателя. Он будет руководствоваться указаниями электронных машин. Теперь уже нет необходимости в проведении столь умопомрачительных экспериментов, как это, скажем, было несколько десятилетий назад.

— Но ведь машину не заставишь прочувствовать человеческую боль?

— А зачем? Задача машины не чувствовать, а определять. И благодаря этому врач сможет снимать любую боль...

— Ты сказал «любую». Значит, она бывает разная. И нужно уметь ее распознавать. И кроме того... тот, кто не умеет чувствовать, тот не может и сочувствовать. Горе пациенту, который попадет к такому врачу, лишенному этой способности...

Зияхан промолчал. Снял очки, протер стекла полой

халата и снова надея. Вынул из ящика стола справочник и стал в нем что-то искать.

— Единственная просьба к тебе, дружище,— сказал Шерали.— О нашем разговоре пока никому.

Уткнувшись в книгу, Зияхан кивнул: дескать, будь спокоен.

Шерали подсел к столу и, прикинув к микроскопу, тонкой иглой стал отделять мешающие ему частички пыли. Игла казалась целой оглоблей; а пылинки валунами. «Сколько полезного мог бы сделать для людей Ибн Сина, если бы в его время были такие приборы,— подумал Шерали.— И все-таки, объясняя причину некоторых заболеваний, он еще тогда высказывал предположение, что в организм человека каким-то путем попадают не видимые глазу «живые существа».

За спиной послышался голос Зияхана:

— Я на кафедре. Если кто позвонит, скажи, пожалуйста, что буду через часок.

Шерали кивнул.

Взявшись за ручку двери, Зияхан снова обернулся и назидательно проговорил:

— И все-таки не прогадаешь, если прибегнешь к давно испытанному способу.

Шерали не ответил. Скрипнула и закрылась дверь.

Шерали откинулся на спинку стула и несколько минут сидел неподвижно, закрыв глаза и массируя двумя пальцами переносицу.

«Рано или поздно все равно кто-то должен будет провести такой эксперимент... Само время и обстоятельства подводят к тому, что среди исследователей непременно отыскивается некто, кто берет на себя смелость рискнуть собственным здоровьем. Тогда почему не я?.. Только бы скорее пришел из министерства ответ. Кариме Музаффаровне, скорее всего, оттуда уже позвонили. Иначе как объяснишь ее сегодняшний визит. Нужна официальная бумага... А время-то идет! Может, прямо сейчас и начать подготовку к эксперименту?— Шерали порывисто встал, едва не опрокинув стул, взглянул на ручные часы.— Так. Сейчас перво-наперво сделать общий анализ крови. Потом рентгенограмму грудной клетки...»

Прошло несколько дней. А из министерства ни ответа, ни привета. Может, письмо поступило на имя директора, а она не считает нужным поставить его в извест-

ность? Он несколько раз справлялся у секретаря, на что та в первый раз ответила, что Карима Музаффаровна каждый день получает груды писем из различных министерств; во второй раз в голосе секретаря послышалось раздражение: «Почему я должна вам об этом докладывать?»; в третий раз девушка и вовсе рассердилась. «Не будьте назойливым! Карима-апа сама скажет вам, если будет нужно!» — отрезала она, подпиливая ноготки.

А Шерали с каждым днем чувствовал, как покидает его решимость. Такое с ним бывало в детстве. Когда они купались в озере центрального парка, мальчишки соревновались, кто нырнет с самой высокой ветки дерева. И стоило, вскарабкавшись на верхотуру, заколебаться пораздумывать минуту-другую, как приходилось с позором, под насмешливые выкрики и смех мальчишек спускаться на ветку пониже. Лучше было нырять сразу...

Вот и сейчас так: все чаще вспоминаются предостерегающие слова Зияхана. И Шерали начинал думать, что коллега его не так уж и неправ... Если это будет тянуться и дальше, то Шерали придется преодолевать еще и свои сомнения. Больше нельзя терять ни дня.

В час дня все шли в буфет обедать. Обычно первой спохватывалась Дильбар. Вымыв руки, бежала занимать на всех очередь. Шерали сегодня решил задержаться.

— А вы не идете? — спросил, уходя, Вали-ака.

— Мне надо кое-что закончить, — сказал Шерали.

Оставшись один, он около часа просидел у микроскопа, не разгибая спины. Затем соскреб из-под окуляра сероватый порошок грунта в две стерильные пробирки. Содержимое каждой пробирки ссыпал в два разных стакана с водой и тщательно размешал стеклянной палочкой.

— Неужто хотите это выпить? — услышал он голос стоявшей рядом Дильбар.

Шерали так увлекся, что не заметил, когда она пришла. Может, давно уже наблюдает за ним.

Девушка взяла один из стаканов и стала разглядывать на свет.

А Шерали чувствовал, как сердце его колотится все сильнее и сильнее...

Девушка повернулась к нему и свободной рукой поправила спадающую на лоб прядь волос, глаза ее озорно блеснули.

— А что, если, как это случается в романтических историях, нам выпить это вместе?

— Героев романтических историй чаще всего вынуждали прибегнуть к этому отчаянье, несчастная любовь... А у вас в этом смысле, кажется, все в порядке,— улыбнулся Шерали, немножко досадуя на нее за то, что вернулась раньше времени.

На лицо Дильбар набежала тень, брови сошлись на переносице, она обиженно поджала губы и сразу стала удивительно похожа на мать. Она со стуком опустила стакан на стол и тут же подняла вновь.

— Вы не совсем правы,— произнесла она, рассеянно глядя в сторону, но тут же перевела глаза на Шерали и улыбнулась:— А если во имя науки? Как вы?

— А не страшно?

— Вам же не страшно.

— Страшно,— признался он.

— Зачем же вы тогда?..— медленно спросила она, и голос ее почему-то задрожал.

— Мужчина обязан преодолевать страх.

Она подняла стакан повыше, ее пальцы, сжимавшие стекло, побелели.

— А хотите, докажу, что я не из трусливого десятка?

Шерали медленно встал, крепко взял ее за запястье и отобрал стакан. Часть влаги пролилась на пол.

— Вам не к лицу эти фокусы, Дильбар.

Ошеломленная бесцеремонностью Шерали, девушка попятилась и остановилась у своего стола. Она не сводила глаз с Шерали, фиксируя каждый его жест. В этот момент погас льющийся в окно яркий поток света: солнце, видимо, зашло за облако. Наступившая в комнате тишина, словно мельничный жернов, давила на плечи Шерали. Он отвернулся от девушки, стараясь не думать, что тут еще кто-то есть, и взял стакан. К горлу подступила тошнота. Почему-то вспомнилось трудное детство... Мутная вода в стакане плескалась мелкой зыбью — ага, дрожит рука. Выходит, боюсь. Боюсь!.. Эти паразиты станут во мне жить, размножаться, проникнут в печень, легкие... Зачем мне это? Никто ведь не заставляет. Наоборот!.. Тьфу, ну и что я за человек? Сперва решил, а теперь на попятный? Дрожу, как последний трус, и лоб покрылся испариной. Возьми же себя в руки! Дильбар смотрит. Глаз не сводит. И что уставилась?.. А в ухо словно кто-то нашептывает: «Не пей! Яд! Яд!..» Горло сдавили спазмы. Переводя дыхание, Шерали приподнял стакан на уровень глаз, разглядывая дрожащую в нем мутную влагу. Что это со мной? Нервы напряжены,

как натянутые струны, которые вот-вот лопнут. Неужели я такой трус? Да, именно трус! И не последователен... Начинаю одно дело, не завершив, бросаю, хватаюсь за другое, а потом и это довести до конца не хватает духу. Одним словом, недотепа, эх-х!.. — он, зажмурив глаза, поднес стакан к губам. Рот наполнился приторно-пресной водой, ледяной холод заполнил пищевод, распространился по всему телу... Вдруг он увидел улицы родного города. Все разом. Улицы, по которым ходил в детстве, падал, расшибая коленки; мать ставила на ноги, отряхивала на нем одежду. Тут каждый кирпич на тротуарах, каждая бороздка на коре старых деревьев были знакомы ему до боли... Сверкают на солнце в ореоле восхитительных красок древние медресе, гробницы. А он парит над городом и видит все это с высоты птичьего полета. И торопливо снующих по тротуарам людей в ярких одеждах, и бегущие по улицам, как разноцветные букашки, автомобили... В небе мельтешат белые голуби.... На клумбах, похожих с высоты на ковер с причудливыми узорами, благоухают цветы. У фонтанов с серебристыми каскадами воды резвится звонкоголосая ребятня. Ах, как это здорово — парить! К сожалению, на такой высоте нельзя удержаться долго. Он устал, и крылья его вдруг лишились сил. И он камнем полетел вниз... Очнулся, открыл глаза и понял, что сидит на стуле, сжимая онемевшими пальцами пустой стакан...

* * *

— Что с вами, Шерали-ака? Устали?

Голос доносится сверху, будто падает с ослепительно белых облаков, плывущих по ясно-голубому небу. К ним убегают, постепенно сужаясь, ступени. Желтая кирпичная стена слева, стена справа. Куда легче было бы сейчас повернуть назад и начать спускаться.

— Сейчас, Дильбар, сейчас.

«Тридцать три... Тридцать четыре...»

Дильбар медленно шла навстречу. В глазах недоумение, растерянность. Заметила, как ему плохо? Нехорошо, если заметила. Он же изо всех сил старается улыбаться. Мужчина не смеет выглядеть перед женщиной слабым. Но что поделаешь, сегодня, кажется, это ему не удастся. Дильбар остановилась, затем спустилась еще на три-четыре ступеньки ниже.

— Дайте руку.

Он повиновался.

— Благодарю.

«Тридцать пять... Тридцать шесть...»

— Наверное, вам следовало подождать нас внизу.

— Ничего. Я давно тут не был,— он остановился, переводя дух, и ухватился рукой за стену.

А вот и Галя. Он сначала увидел ее модные туфельки, обтянутые джинсами ноги и поднял голову.

— Извините, побеспокоили вас,— голос ее звучит виновато.— И от работы оторвали. Дописывали бы сейчас свою диссертацию...

«Работа... диссертация...— усмехнулся Шерали, чувствуя, как кто-то невидимый жесткими и холодными, как лед, пальцами сжимает ему горло; массируя шею, с трудом сделал глубокий вдох.— Работы, разумеется, хоть отбавляй. Но я ничего не делаю. Не знаю, за что браться. Только прислушиваюсь к самому себе, к тому, что творится во мне».

Шерали сел на ступеньку.

— Знаете, Галя... Диссертация, над которой я работал несколько лет, меня уже несколько не интересуется,— сказал он.

Галя удивленно округлила глаза.

— Да, это действительно так. Потому и работал столько лет, что работать, собственно, было не над чем. Может, иногда и можно кого-то обмануть, но зедь себя-то — невозможно. Диссертация — это научная работа. А научной работа может считаться только в том случае, если она хоть вот столько содержит чего-то нового,— Шерали показал кончик ногтя.— Такая работа может по-настоящему увлечь, превратиться в смысл жизни. То, над чем я корпел столько лет, не отвечает этим критериям. Я бы мог в лучшем случае просто подтвердить «открытия», сделанные задолго до меня.

— Да ладно вам,— Дильбар нахмурила брови и отвернулась, делая вид, что разглядывает сияющие на солнце купола.— Смотрите,— сказала она, пытаясь перевести разговор на другое:— В каждом куполе по солнцу, будто у каждой гробницы — свое небо. Недаром Тимурленг, увидев отстроенный по его повелению Гур-Эмир, восхищенно воскликнул: «Если небо обрушится на землю, то купол Гур-Эмира заменит его!»

Однако Шерали, задумавшись, кажется, не слышал ее слов.

— Я решил начисто забыть все, чем занимался до

этого,—произнес он и поднял глаза на Галю:—Хочу делать то, что действительно принесет какую-то пользу. Может, и вы считаете меня неправым?

— Ну, что вы,— улыбнулась девушка.— Если бы я думала иначе, то давно бы сама защитилась. Мой папа член ВАКа. Не хочу спешить.

— А спешить надо, ох как надо. Жизнь так коротка. Ведь столько времени уходит на одни лишь поиски главного...

Конечно, проще живется тем, кто не делает различия между главным и второстепенным, а только думает, как бы не упустить случая извлечь для себя выгоду. Про таких у узбеков говорят: подставит плечо под легкое, а тяжести пусть другим достаются. Но «даром» этим, увы, Шерали не обладал, напротив, в нем все восставало против подобных приспособленцев, которых было не так уж мало среди его знакомых. Им-то более всего и казалось странным поведение коллеги, отказавшегося от почти готовой диссертации и занявшегося черт-те чем.

И Вали-ака, как назло, болеет. Два дня работает, неделю на больничном. Вся лаборатория легла на плечи Шерали. Работы было невпроворот, то и дело поступали новые и новые задания. Анализы, обследования...

Зияхан целыми днями не появляется на работе. Никто не знает, где он пропадает, чем занимается. Даже Дильбар. А может, она слукавила, когда Шерали как-то спросил у нее:

— Где же это наш Зияхан, а, Дильбархон?

— Я пажем к нему не приставлена! Откуда мне знать?..— резко ответила она.

Шерали даже смутился.

Глядя на Дильбархон, сделавшуюся в последнее время замкнутой, молчаливой, можно было подумать, что между нею и Зияханом кошка пробежала. Но под вечер появлялся Зияхан и тотчас развеивал эти впечатления.

— Салют!— приветствовал он с порога Шерали. Вешая пальто на вешалку и упреждая его вопросы, объявлял:— Я по поручению директора проверял работу городской эпидстанции! А как тут вы?.. Вид у вас, как у сонных мух! Эх, где, спрашивается, справедливость? Одни в поте лица вкальвают, а другие сидят себе, стулья протирают!..— Сцепив пальцы и похрустывая ими, он направлялся к своему столу и мимоходом бросал Дильбар:— Здравствуй, радость моя! Карима Музаффаровна

просила напомнить тебе, что сегодня вы приглашены на день рождения к дяде.

Дильбар кивала, не оборачиваясь.

А чаще и вовсе ничего не говорила. Слово было так заята, что не могла отвлечься даже на секунду. Хотя незадолго до этого весело разговаривала с Шерали, смеялась, припоминая какие-нибудь веселые истории.

В эти трудные дни Дильбар стала для Шерали единственной опорой. Она день-деньской проводила в лаборатории, работала с ним наравне, и они не замечали, как проходит день и наступает вечер.

Как-то позвонила по внутреннему телефону секретарь, сказала Шерали, что его срочно вызывает Карима-апа.

Карима Музаффаровна кивнула ему на стул и какое-то время изучающе разглядывала его, прежде чем спросить:

— Говорят, вам даже пообедать некогда? Что, так много работы?

— Вы же знаете, у нас работы всегда хватает,— ответил Шерали неопределенно, думая о том, зачем все-таки его вызвали.

— Надо себя и пожалеть,— посочувствовала Карима Музаффаровна.— Хоть изредка выходить из лаборатории, подышать свежим воздухом. А то вон... зеленый совсем.

— Работы действительно много.

— Работа никогда не кончается. Взяли бы да съездили в Агалык. Горный воздух — что бальзам. В тамошнюю больницу в течение четырех последних дней поступило несколько больных с желудочно-кишечными расстройствами. Узнайте, насколько это серьезно. И установите, если удастся, причину.

— Карима Музаффаровна, в нашей лаборатории сейчас...— он принялся объяснять, что в настоящее время ему никак нельзя бросать лабораторию, но директор перебила его:

— Отвлечетесь немного. Это вам будет только на пользу...

В Агалыке Шерали управился за четыре дня...

К сожалению, поручение это оказалось не последним. Что ни день, ему приходилось куда-то уходить, куда-то уезжать, и всякий раз извиняться перед Дильбар и Зияханом, которым, конечно же, было не просто управлять-

ся без него. Хорошо еще, Зияхан в последнее время стал исключительно дисциплинированным. На работу приходил вовремя. И даже в конце дня, возвратясь с задания, Шерали нередко заставлял его в лаборатории. Наверное, понимал, что Дильбар одной пришлось бы совсем туго.

Однажды в конце рабочего дня Шерали буквально столкнулся с ними на пороге.

— Шерали-ака,— сказала Дильбар.— Пошли с нами в кино.

Зияхан нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Благодарю вас, Дильбархон. В другое время с удовольствием бы. А сейчас надо закончить то, что не успел днем.

— Ну, я прошу вас...— в голосе девушки было нечто такое, что Шерали стоило немалых усилий отказаться.— Надо же иногда и развлечься,— настаивала Дильбар.

— Дильбархон, мы опаздываем,— сказал недовольным голосом Зияхан, глянув на часы.

Дильбар подошла к Зияхану и демонстративно взяла его под руку. При этом он скользнул по Шерали острым, как бритва, взглядом и злорадно ухмыльнулся. Впрочем, может, Шерали это только показалось. Он замечал, что стал в последнее время раздражительным, подозревал некоторых сослуживцев в недоброжелательстве на том лишь основании, что, разговаривая с ним, они смотрели на него не так, как прежде, а как-то иначе, в каких-то словах он усматривал двойкий смысл, которого, быть может, и не было. «Нет, ты явно не в себе. Ты должен взять себя в руки!..»—подумал Шерали, вынув из ящика стола стопку бланков и раскладывая приборы.

Теперь, чтобы успевать делать свою основную работу, Шерали приходилось каждый день задерживаться на час-два, а утром приходиться пораньше.

Солнечный свет, с трудом просачиваясь сквозь белесую облачность, рассеивался по земле. Институтский двор был еще безлюден, и тишину в нем нарушали еле слышный шорох морозящего дождя и посвист индийского скворца, выглядывающего из дупла старой чинары. Шерали, войдя в лабораторию, включил свет. И тут же почти вслед за ним дверь открыл Зияхан, немало удивив Шерали своим столь ранним появлением. Пробурчав слова приветствия, он переоделся и напрямик направился к своему столу.

— Ну, как вчерашний фильм?— спросил Шерали,

рассматривая на свет лдямоугольные стеклышки с мутными пятнами.

— Отличный! Словно взяли кусок жизни и перенесли на экран: пожалуйста, смотрите и думайте! Думайте о том, что не всякий, кто представляется другом, на самом деле вам друг. О том, что коллега, с которым проработал не один год, тайно готовит тебе козни. И все лишь из-за того, что ему нравится та же девушка, что и тебе.

— Таких случаев сколько угодно,— усмехнулся Шерали.

— К сожалению,— вздохнул Зияхан.— Знаешь, смотрел я фильм и думал о тебе.

— С чего это вдруг?— искренне удивился Шерали и обернулся.— Чем же я этому обязан?

— Думаешь, не понимаю, почему ты отказался вчера пойти с нами в кино?

— Зато я тебя что-то не понимаю. Кажется, ты повернул не в ту степь.

— В ту. Именно в ту!.. Пока я отсутствовал по важным делам, ты, оказывается, тут время не терял. Дильбар...

— Зияхан, опомнись! Что ты несешь?

— Нет уж, ты меня выслушай. Известно ли тебе, что у нас с Дильбар все давно обговорено? И мать ее согласна на наш брак. Стоит мне только намекнуть ей, что ты во имя своих целей морочишь голову ее дочери, она... гм, она тебе этого никогда не простит.

— Не меряй всех на свой аршин!— разозлился Шерали.

Широкими шагами он пересек помещение и вышел, хлопнув дверью. День был испорчен, с таким настроением много не поработаешь.

Обычно Карима Музаффаровна со всеми отчетами ездила в Ташкент сама. На этот раз послала Шерали. Беседуя с ним, она дала понять, что такое ответственное задание — отвезти отчет о проделанной работе за десять месяцев — не каждому можно поручить, значит, этот шаг следовало воспринимать как знак ее особого расположения к нему и доверия.

Шерали возвратился из столицы ночным рейсом, перед рассветом. Утром встал с трудом. На работу пришел с небольшим опозданием, по пути успокаивал себя, что с утра у Каримы Музаффаровны всегда масса всяких неотложных дел и он зайдет к ней, чтобы отчитаться о

поездке, после обеда. Однако, едва он переступил порог лаборатории, Зияхан хмуро обронил:

— Тебе уже два раза звонили из приемной. Срочно к директору!

— С приездом,— улыбнулась Дильбар, полуобернувшись; она сидела у стола и что-то писала при включенной настольной лампе.

Шерали кивнул ей и вышел.

Карима-апа встретила его очень приветливо, расспросила о своих знакомых, которых ему довелось увидеть. Шерали передал ей приветы от каждого в отдельности. Директор на минуту призадумалась и, перекладывая перед собой какие-то бумаги, спросила:

— А в министерстве вам ничего не сказали?

— Что именно?

— Относительно вашей работы?

— Нет,— покачал головой Шерали.— А что они могут сказать?.. Работа еще только начата...

— Не о научной работе речь,— уточнила Карима-апа и кашлянула, прикрыв рот ладонью.— В таком случае мне причитается суюнчи. За приятную новость. Мы решили повысить вас в должности. Так что завтра вам снова придется лететь в Ташкент. За новым назначением.

— Я вас правильно понял,— смутился Шерали, чувствуя, как начинают гореть щеки.

— Нашему Бухарскому филиалу давно требовался толковый руководитель. Мы предложили вашу кандидатуру. Вы человек инициативный, ищущий, целенаправленный...

— Я, честно говоря, к этому не готов. Так неожиданно...

— Да, сюрприз,— улыбнулась она одними глазами.

— Ну какой из меня руководитель?..

— Не скромничайте. Каждого нашего работника мы достаточно хорошо знаем и сочли, что вы — наиболее достойный. Министерство уже утвердило вашу кандидатуру. Однако странно, что там вам ничего не сказали. Я позвоню, узнаю, в чем дело,— рука ее потянулась к белому телефонному аппарату.

— А что же будет с экспериментом, к которому я приступил?

— Разве вы еще не покончили с этой затеей?— холодно спросила Карима-апа.— А я отослала министру рапорт.

— Какой еще рапорт?..— Шерали даже привстал.

— О том, что опыт ваш не дал никаких результатов. Или не так?

— Как вы могли?..— проговорил Шерали дрожащим голосом, едва владея собой.— Вы же знаете, что этот эксперимент требует гораздо более длительного времени.

— Срочно запросили. Не помню, фигурирует ли там слово «пока»—«пока не дал никаких результатов». Не уверена,— она встала.— Все. У меня много дел. Извините.

Опершись о край стола руками, Шерали медленно поднялся. Он чувствовал себя страшно разбитым, больным.

— Наверное, все же можно было поинтересоваться у меня,— еле слышно проговорил он.

— Да-а?— округлила глаза директор.— Вот не знала, что должна по малейшему поводу советоваться с вами!

Шерали выдержал ее взгляд и, вставая, сказал негромко, но твердо:

— Я никуда не поеду...

Держась за гладкие полированные перила, Шерали спустился по широкой мраморной лестнице в фойе. Выходит, все насмарку? Зря старался? Я уже чувствую, как в моем организме начинается процесс. Нет, поезд уже набрал скорость и теперь его уже враз не остановишь...

У трюмо причесывался кто-то из женщин, в сторонке стояла группа мужчин, о чем-то громко беседуя, кто-то приветствовал Шерали, но он ничего не слышал; открыл массивную дверь и вышел на улицу; день был солнечный, от пригретой земли поднимался пар, терпко пахло прелыми листьями; Шерали повернул на дорожку, ведущую в сад, к его заветной скамье. Почему исход его эксперимента — его!— должен зависеть от кого-то другого? Хотя бы от той же Каримы-апы? Ладно, если она так настаивает, я поеду в Ташкент. Но лишь для того, чтобы еще раз встретиться с министром и сказать ему, что рапорт не соответствует истине, что его ввели в заблуждение. Ибо в противном случае я буду выглядеть в глазах министра обыкновенным болтуном. А я этого не хочу. Да дело собственно и не во мне. А в работе, которую я начал. Я должен довести ее до конца. Я еще не знаю, каков будет результат эксперимента. Но какой-то же будет...

Шерали долго сидел на теплой, нагретой солнцем

скамье. Птицы, кажется, и те привыкли к нему, порхали, чирикают, над самой головой. Прохладный ветерок ласково обвеивал лицо, шею.

Шерали стал неразговорчив, хмур. Целыми днями не вставал с места, погрузившись в работу.

— Шерали-ака, наверно, стал часто видеть дурные сны,— пошутила как-то Дильбар.

Шерали так и хотелось бросить ей в лицо, что он думает о ее матери, но усилием воли он заставлял себя молчать, подавляя в себе неприязнь и к девушке, впрочем, несправедливую по отношению к ней.

Однажды, когда Вали-ака и Зияхан ушли в буфет обедать, Дильбар подошла к Шерали и, коснувшись легонько плеча, участливо спросила.

— Вам нездоровится, Шерали-ака? Может, та гадость, которую вы в тот раз выпили...

— Не беспокойтесь, пока все идет по плану,— заставил он себя улыбнуться, хотя мысль эта и у самого постоянно сидела в голове, как заноза; едва кольнет чуть-чуть под ложечкой (что случалось и прежде, но чему не придавалось значения) или заболит голова, сразу, как ожог: «Вот и началось!..»

Дильбар не сводила с него испытующего взгляда:

— Если что... не скрывайте. Мы все-таки коллеги. Должны помогать друг другу.

— Вы очень любезны. Благодарю вас,— сухо сказал он.

— А вы не идете обедать?

— Там народу много.

— Не задерживайтесь. Я займу очередь.

В институте раздался звонок из министерства...

Карима-апа тотчас вызвала к себе Шерали...

— А я пребываю в полной уверенности, что вы в Ташкенте!— строго сказала она, едва он открыл дверь.— Ведь вас там ждут!

— Я же сказал...

— Но ведь и я вам кое-что сказала!— перебила Карима Музаффаровна, повысив голос, лицо ее побагровело, а красивые глаза сощурились:— Кто здесь директор, вы или я?

— Карима Музаффаровна, я просто по состоянию здоровья не могу никуда поехать.

— Отказываетесь, значит?— хлопнула она ладонями по столу.

— Пока не завершён эксперимент, я не могу.

— А мне не нужны сотрудники, которые не желают подчиняться! Пишите в таком случае заявление об уходе.

Шерали почувствовал, как тело его словно налилось свинцом, а руки и ноги ослабли, ему нестерпимо захотелось сесть, но он лишь взялся одной рукой за спинку стула и, проглотив комок, сдавленно произнес:

— Хорошо, я напишу.

— Ступайте. Но сначала подумайте. А завтра сообщите о своих намерениях.

Шерали до самого вечера бесцельно бродил по городу. Вот уже на улицах засветились фонари, а ему все не хотелось возвращаться домой, и он направился в парк, где журчали подсвеченные разноцветными огнями фонтаны. В аллеях было много гуляющих. Вокруг слышался смех, веселые крики детей. А что дома? Четыре голых стены. И он наедине со своими мыслями, которые, оказывается, могут иногда уподобляться своре волков. Порой он ощущает прямо-таки физическую боль, будто они терзают его, и все-таки от волков еще можно отбиться. А как справиться с мыслями, если одна мрачнее другой? Куда от них убежать? «Надо побольше бывать на людях. И еще музыка может отвлечь»,— подумал он, услышав доносящиеся издалека звуки оркестра.

Шерали пересек по главной аллее парк и вышел на центральную улицу. Музыка доносилась из открытых окон ресторана. Он решил поужинать. Выбрал себе место за столиком в углу. На пяточке перед оркестром танцевало несколько пар. Вскоре официантка принесла заказ. Поев, он еще какое-то время посидел, наблюдая за танцующими.

Когда он перед самым закрытием покинул ресторан, зал был полупустой. В Самарканде после десяти очень трудно дождаться общественного транспорта, тем более поймать свободное такси. И он отправился домой пешком. В ушах все еще звенела музыка, перед глазами мелькали танцующие, раскрасневшиеся потные лица, растрепанные девицы в джинсах. Он чувствовал себя таким усталым, будто весь день грузил или разгружал вагоны. Помнится, в бытность студентом, они нередко подрабатывали таким образом на перевалочной базе.

На свой этаж он поднимался медленно, держась за

перила лестницы, несколько раз останавливался и отдыхал, как старик.

В эту ночь ему приснилось, будто он в бескрайней пустыне. Заблудился. Не знает, куда идти. В небе полыхает солнце, и длинные языки пламени касаются волос; ноги вязнут в раскаленном песке, идти уже невозможно; сухой горячий воздух обжигает горло. Барханы неожиданно пришли в движение, песок струился с их гребней, откуда ни возьмись появились огромные страшные чудовища, стали надвигаться со всех сторон, беря Шерали в кольцо. Он хочет бежать — ноги не повинуются, хочет закричать — нет голоса. Рванулся Шерали...

И со стоном вскочил, чуть не свалился с кровати. Долго сидел, опустив ноги на прохладный пол. Влажная майка прилипла к телу. Во рту была горечь, поташнивало.

А за окном уже светало...

Шерали шел по двору института и чувствовал себя здесь чужим. Ему казалось, все уже знает о его разговоре с Каримой Музаффаровной. Кое-кто, может, и почувствует, но наверняка немало и злорадствующих. Хорошо бы никого не встретить: начнут охать да ахать, упрекать директора за необъективность, расспрашивать, как это произошло. Поди разберись, где искренность, а где притворство. Лучше избегать разговоров на эту тему.

Он поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, прошел по коридору. Вот и приемная директора. Положил заявление об уходе на стол секретарю и, не сказав ни слова, удалился.

Чтобы взять свои личные вещи, пришлось зайти в лабораторию.

Зияхан сидел на краю стола, скрестив на груди руки, и что-то громко говорил Дильбар, которая, видимо, только что вошла; достав из шкафа белый халат, она еще держала его в руках. Судя по тому, что Зияхан растерянно заморгал и сразу умолк, они говорили о Шерали. Не меняя своей небрежной позы, Зияхан кивнул в ответ на его приветствие. А Дильбар, вдев руку в один рукав, обернулась и замерла. Вид у него, наверно, не самый лучший, если она с таким изумлением обзирает его. В глазах у девушки Шерали заметил испуг, сочувствие, тревогу.

— Что с вами? — наконец спросила она.

— Немного нездоровится. Посижу немного, пройдет,— ответил Шерали.

— Вот-вот, а я что говорил!— сказал Зияхан, обращаясь к Дильбар, и потряс указательным пальцем.— Пожалуйста! Результаты не замедлили сказаться! И это еще только начало. Где болит?

— Не болит. Просто слабость. То в жар, то в холод бросает.

— Теперь терпи. Не забудь завещание заранее написать.

— Оставьте свои неуместные шутки,— сказала Дильбар.

Губы Зияхана скривила усмешка, он пожал плечами:

— Ради того, чтобы вы хоть однажды за меня вступились, я тоже, пожалуй, подверг бы себя смертельной опасности.

Дильбар коротко рассмеялась:

— К сожалению, красноречивых у нас гораздо больше, чем способных на поступки, делающие честь мужчине.

— Вот как?— сквозь зубы произнес Зияхан, не сводя с нее взгляда.

— А разве не так?— нервными движениями застегивая халат, Дильбар прошла к столу, резко выдвинула стул и села, сжав ладонями виски.— Соловьями разливаются с трибун! В научных статьях сплошной треск, нужно процеживать сквозь сито, чтобы выудить хоть одну дельную мысль! И они же смеют что-то советовать!

— Нельзя ли конкретнее, Дильбар?— с раздражением в голосе сказал Зияхан.— Наверное, Шерали Халмуратов единственный мужчина в нашем институте, герой...

— Во всяком случае он пошел на риск. А это не всем по зубам.

— Но вы же не можете не понимать, почему наш уважаемый директор не одобряет подобного рода опыты. Некоторым экспериментаторам только дай волю — тут такое начнется! Все, кому не лень, начнут повторять «подвиги» своих предшественников!..

— Вы у нас самый здравомыслящий, вы на это не пойдете, это уж точно!— не оборачиваясь, сказала Дильбар.

Зияхан фыркнул, широкими шагами пересек помещение и вышел.

Воцарилась тишина. Было слышно, как в углу за шкафом жужжит муха, попавшая в паутину. Дильбар

выпрямилась, пригладила волосы и стала раскладывать на столе приборы.

«Что-то между ними опять произошло,— подумал Шерали; он сидел, облокотясь о стол и силясь преодолеть тошноту, перед глазами возникали и пропадали мелкие точки, словно кружился в танце целый рой мошек.— Ничего, как-нибудь разберутся. Мне сейчас не до них. Немного полегчает, и я уйду. Я теперь человек свободный».

Шерали не заметил, как к нему приблизилась Дильбар. На стол упал отсвет от ее халата, и он обернулся.

— Вам плохо,— сказала Дильбар.— Может, отвезти вас домой?

— Не стоит, спасибо...— он попытался улыбнуться, но лицо его скривила жалкая гримаса.

— Ну что вы, как барышня!— рассердилась Дильбар.— Вставайте, идемте!

Через какие-то четверть часа они вышли из «Жигулей» напротив пятиэтажного кирпичного дома.

— Идти можете?

— Ничего, доберусь.

Дильбар взяла его под руку. На каждой лестничной площадке приходилось останавливаться и отдыхать. На четвертый этаж они, кажется, поднимались дольше, чем ехали сюда.

Дильбар привыкла к роскоши. С самого детства. К коврам на полу и на стенах, к красивой мебели, дорогой посуде, редким изданиям книг, собранных когда-то еще отцом. Поэтому, когда Шерали открыл перед нею дверь, в первую секунду она была поражена убожеством его квартиры, и не сразу решилась переступить порог. С дивана сполз на пол край старого покрывала, обнажив дырявую обивку, из-под которой торчала пружина и сыпалась какая-то труха. Посреди комнаты стол, накрытый выдавшей вида, давно не стиранной скатертью. На замасленной газете кожура яиц, колбасы, куски засохшего хлеба. Шторы на окнах, выгоревшие на солнце, провисли, видимо, большая часть петель сорвана с крючков, а хозяину недосуг их пришить. На подоконнике стояла в глиняном горшке полузасохшая герань. Пол серый от пыли...

— Извините,— покраснев от смущения, сказал Шерали, заметив растерянность девушки.— Все некогда заняться уборкой... Ничего, теперь у меня будет масса времени,— чувствуя, как его прошиб от усталости пот,

он опустился на стул, убирая со стола газету с остатками еды.

Дильбар взяла пустой графин и направилась на кухню, чтобы набрать воды и полить цветок. Однако графин оказалось невозможно подставить под кран, ибо в раковине лежала целая гора немытой посуды. «Ну и ну, и что за люди—мужчины? Им, кажется, абсолютно все равно, как жить. На первом месте — работа, работа... А в свободное от работы время невесть где шатаются. Домой приходят только переночевать, да и то не всегда, наверное...»

Путив из крана горячую струю, Дильбар быстренько перемыла всю посуду, ополоснула холодной водой пиалу, напилась, набрала в графин воды и, вернувшись в комнату, полила герань.

Шерали сидел, подперев щеку рукой и прикрыв глаза.

— Попросили бы хоть какую-нибудь девушку прибрать у вас.

— Какую еще девушку?..— медленно поднял голову Шерали.

— Разве у вас нет знакомых? Или тут...— Дильбар обвела глазами комнату, — девушки не бывают? Только не лгите, что у вас и на это не хватает времени.

— Тогда его должно было бы хватить на то, чтобы ликвидировать этот беспорядок, — улыбнулся Шерали. — Согласитесь, что любая девушка испугается такого бедлама.

— Скорее всего так, — засмеялась Дильбар. — Если позволите, я у вас немного приберу. Чтобы ваши девушки не пугались.

— Нет, нет, что вы, — растерялся Шерали и вскочил. — Вы же мой гость. Лучше присядьте. А я вас чаем угощу.

— Чаем? Прекрасно! Но чаевничать-то надо за чистым столом...

Дильбар решительно взяла со спинки стула, выдернув у него из-под руки, полотенце, повязала его, как фартук, набрала в таз воды и, заставив Шерали пересесть на диван и подобрать под себя ноги, принялась мыть пол. А он молча смотрел, как ловко она отжимает тряпку — там, где она ею проводила, пол блестел, как лакированный. Он и предположить не мог, что Дильбар умеет так ловко с этим справляться, он всегда считал ее белоручкой. Ему стало совестно сидеть, ничего не де-

лая, и он подумал, что надо бы пойти на кухню и, пока Дильбар наводит лоск тут, потрудиться там, но едва сделал попытку подняться, будто кто-то невидимый надавил на плечи так, что перед глазами вновь замелькали мошки.

Дильбар заметила проступившую на его лице бледность и, замерев с тряпкой в руке, вопросительно посмотрела на него.

— Ничего, все в порядке,—сказал он как можно бодрее.

Выпятив нижнюю губу, девушка дунула и, поправив выбившуюся из прически прядь, улыбнулась.

— Спасибо,—проговорил он, еле шевеля бледными губами.— Этот день запомнится мне надолго.

— Почему же?—спросила Дильбар, лукаво прищурился смеющимися глазами.

— Потому что в эту комнату еще не ступала нога ни одной девушки.

— Оно и видно. Вот я и стараюсь ради нашего брата: чтобы вы знали — не так уж мы и плохи, чтобы не дружить с нами. И что-то в вашей жизни значим. Снимите занавески, их надо постирать.

Шерали все-таки пришлось превозмочь слабость и встать. Он придвинул к окну стул, взобрался на него и, переждав головокружение, стал снимать шторы. На них было столько пыли, что он расчихался, и Дильбар рассмеялась.

Из-за туч выглянуло солнце, и в окно хлынул поток яркого света. На противоположной стене четко обозначилась тень Шерали с поднятыми вверх руками. Дильбар подошла и провела по ней рукой.

* * *

Домой Дильбар вернулась в сумерках. В саду между деревьями уже сгустился мрак, за ними слабо светилось окно матери. Значит, она уже дома.

В прихожей Дильбар надела мягкие, расшитые бисером тапочки. Тихо отворив дверь, она заглянула в комнату матери. Та сидела за письменным столом в своем бордовом китайском халате и что-то писала. Ярко белел перед нею освещенный настольной лампой лист бумаги. В руке поблескивала золотистая шариковая ручка, которую Дильбар подарила ей ко дню рождения.

— Добрый вечер, мама.

— Ты где задержалась?— спросила мать и, сняв очки, посмотрела в ее сторону.

— Так... Помогла кое в чем одному хорошему человеку.

— Хорошему, говоришь?..

— Ага.

Дильбар закрыла дверь и направилась к себе, упредив следующий вопрос: «И кто же этот человек?» Не хотелось сейчас Дильбар говорить с матерью о Шерали,— и ей настроение испортит, и сама расстроится. Не раз уж так бывало, когда между ними возникал разговор об их лаборатории, о сотрудниках, и непременно беседа их переходила в спор, стоило только упомянуть об эксперименте Халмурадова. Дильбар была почти убеждена, что Шерали стоит на пороге, пусть не сенсационного, но открытия. Мать же считала, что дочь заблуждается, и объясняла это ее молодостью, неопытностью, и еще больше досадовала на Халмурадова, считая, что он целенаправленно склоняет на свою сторону ее дочь. Поэтому Дильбар, особенно в последнее время, старалась не упоминать в разговоре имени Шерали. Вдобавок еще кто-то сказал матери, будто Шерали едва ли не ухаживает за ее дочерью. Надо же придумать...

Войдя в свою комнату, Дильбар подошла к пианино. Пробежала пальцами по клавиатуре и тотчас закрыла крышку. Играть не было сил, она с ног валилась от усталости. Сейчас нырнет в постель и сразу же уснет.

Однако уснуть быстро не удалось. Ей слышалась удивительная мелодия. И она воспринимала ее скорее сердцем, а не слухом. Совершенно новая, какую она еще ни разу не слышала...

Девушка долго ворочалась. Подушка казалась слишком горячей, а постель неудобной. А перед глазами то и дело возникала запущенная комната... Худое бледное лицо... Виноватый горячечный взгляд.

Утром, когда села на мягкий пуфик перед трельяжем, чтобы причесаться, Дильбар с трудом себя узнала. Она выглядела бледной, будто после болезни. Глаза запали, вокруг них темные круги. «Ну и ну, что это с тобой?» Она приблизила лицо к зеркалу, провела пальцами по бровям, по губам. Ей показалось, что брови недостаточно черны, бархатисты, а ресницы не столь длинны и пушисты, как ей бы хотелось, губы поблекли. Вздохнув, открыла коробочку с тушью. Подвела брови, ресницы, затем уложила волосы.

Мать вчера легла, видимо, поздно, она еще спала. Стараясь не шуметь, Дильбар подмела веранду, дорожки во дворе, собрала в кучу мусор и опавшие листья, побрызгала землю водой из ведра. Пропылесосила в прихожей дорожку. Наконец приготовила завтрак и стала дожидаться, когда выйдет из своей комнаты мать.

Они сели завтракать уже в десятом часу. Намазывая на хлеб масло, Карима-апа украдкой разглядывала дочь. Не заболела ли? За завтраком она обычно без умолку тараторила, смеялась и всегда выглядела свежей, как расцветающий по утрам цветок. А нынче помалкивает, и глаза грустные. Молча накрыла на стол, молча разлила чай.

— Ты здорова?— спросила мать.

Дильбар вздрогнула и поспешно кивнула.

— Что-то ты мне сегодня не нравишься, девочка. Если плохо себя чувствуешь, оставайся дома.

— Я не могу сейчас позволить себе не выйти на работу.

У Каримы-апы от удивления вытянулось лицо.

— Почему это?

— Вали-ака на больничном. Похоже, и Халмурадов заболел. Зияхан постоянно занят какими-то другими делами, в лаборатории он нечастый гость...

— Зияхану я разрешила приходить попозже. Пусть поскорее заканчивает свою диссертацию. Ты не поссорилась ли с ним?

— Почему ты так решила?

— С трудом достает билеты на оперу столичного театра, а ты отказываешься идти...

— Что... жаловался?— усмехнулась Дильбар.

— Да нет, просто пришлось к слову, он и сказал.

— У меня не было настроения. Ладно, мама, давай не будем о нем.

— А о ком бы тебе хотелось поговорить?

— Сейчас я бы предпочла помолчать.

— Скажи сегодня Зияхану, что я решила временно возложить на него обязанности заведующего лабораторией. Пока не найду подходящей кандидатуры...

— Через день-другой Халмурадов, наверное, выйдет...

— Он подал заявление об уходе.

— Как?..— Дильбар резче, чем надлежит, опустила на тарелку вилку и в упор взглянула на мать.

— Я думала, ты знаешь,— усмехнулась та.— Что ж, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

— А как же... эксперимент?

Карима-апа отпила чай и поморщилась, будто обоглась:

— Какой там эксперимент?.. Мальчишество. Вместо серьезной полезной работы.

— И все-таки ты не права, мама. Не права!

— Вот как?— мать устремила на дочь пронзительный взгляд.— Это он сумел тебе внушить?

— Наверное, я и сама способна кое в чем разобраться.

— И когда ты успела это сделать? Пока везла его в своей машине?— спросила Карима-апа, надкусывая бутерброд.

Дильбар густо покраснела и опустила глаза. Надо же, успели донести. Ну, просто шагу Дильбар нельзя сделать, чтобы об этом в тот же день не стало известно матери. Ох, люди, только и ищут повода, чтобы зайти к директору и что-нибудь нашептать ей в надежде снискать ее расположение. Знали бы они, как мать отзывается о таких. Презирает. И все-таки почему-то не отказывается от их «услуг».

— Вчера Шерали-ака заболел,— тихо проговорила Дильбар.— Я отвезла его домой. Ты же сама учила меня быть доброй, отзывчивой.

— Прежде всего я учила тебя быть требовательной в выборе друзей.

— Шерали-ака заслуживает всяческого уважения, мама.

— Интересно, чем же?

— Хотя бы тем, что не в пример многим добросовестно относится к своей работе. Более того, работа для него — главное в жизни,— быстро проговорила Дильбар, теребя край скатерти.— И, подумай сама...— от волнения она не находила нужных слов.

Мать не сводила с нее внимательных глаз.

— Разве заурядный человек мог бы решиться на подобный эксперимент?

Карима-апа швырнула на стол салфетку и поднялась.

— Мы с тобой чересчур задержались. Едем!

«Жигули» молочного цвета плавно въехали во двор института и остановились напротив главного подъезда

под чинарой. Карима-апа и Дильбар одновременно вышли из машины, та и другая резко захлопнули дверцы и, не взглянув друг на друга, разошлись в разные стороны. Директор, придерживая под мышкой коричневую кожаную сумку, легко взбежала по широким ступеням. Вахтер, видимо, увидев ее в окно, предупредительно открыл перед ней массивную дверь. Дильбархон, закинув длинную ручку сумки на плечо, быстро направилась к приземистому зданию лаборатории. Со стороны без труда можно было догадаться, что мать и дочь по пути о чем-то крепко поспорили, и каждая осталась при своем мнении.

Зияхан был один. Поставив одну ногу на стул, он сидел на столе и листал журнал «Здоровье».

— Привет,— бросила ему Дильбар и, на ходу сорвав с вешалки халат, направилась к своему месту.

Подошел Зияхан и положил перед ней раскрытый журнал.

— Прочли эту статью?

Доставая из сумки зеркальце, платочек, Дильбар отрицательно мотнула головой.

— Любопытный материал. О трансплантации сердца.

Дильбар поблагодарила кивком за информацию и, облокотившись о стол, стала читать. Известный киевский профессор популярно рассказывал о достигнутых успехах и еще нерешенных проблемах, связанных с использованием сердца донора. В статье говорилось и о том, что параллельно ведутся исследования в области вживления искусственного сердца.

Закончив читать, Дильбар откинулась на спинку стула и задумалась.

— Ну как?— спросил Зияхан.

— Интересно. Но только...

— Что?

— Сможет ли человек с искусственным сердцем... скажем, полюбить.

Зияхан расхохотался так, что у него чуть не слетели очки.

— Чувства, Дильбархон, это из сферы идеального,— сказал он, водружая на место очки.— А мы, ученые, имеем дело только с материей. Тем более хирурги! Для них существует только то, что можно осязать.

«А страдания и боль?.. А сочувствие и ненависть?.. Разве это не осязаемо, хотя их и не пощупаешь руками? Их чувствуешь сердцем. И любовь тоже...»

Взглянув на часы, Зияхан проследовал к своему месту, недовольно ворча:

— Опаздывает Шерали! Полно работы, а он...

Дильбар глянула в его сторону, в ее глазах промелькнули холодные злые искры.

— Не сказать, чтобы вы здесь появлялись чаще, чем он!

— Да, я действительно был в бегах, но ведь с позволением вашей матушки.

— Вероятно, теперь тем же самым занимается Шерали. И будьте уверены, справится не хуже вас,— сказала Дильбар, а сама подумала: «А вдруг ему совсем плохо? И некому помочь: ни чаю вскипятить, ни лекарства подать...»

Весь день, за что бы она ни бралась, все у нее валилось из рук. Стоило кому-нибудь открыть дверь, она вздрагивала и оборачивалась. Кто только в течение дня не заходил в лабораторию. Только не он. Ближе к вечеру Дильбар поняла, что Шерали, конечно же, сегодня не придет. «Скрытный он какой, однако... Вчера и словом не обмолвился о том, что написал заявление. Может, я и уговорила бы его забрать заявление обратно...»

Заходили сотрудники, о чем-то разговаривали с Дильбар, что-то спрашивали. Она поддакивала, отвечала, думая совсем о другом, часто невпопад, и при этом улыбалась, а иногда даже смеялась. Она с трудом дождалась конца рабочего дня.

Ровно в шесть Дильбар отправилась к матери. Уже сгустились сумерки, и просторный кабинет был освещен люминесцентными лампами, ослепительные квадраты которых занимали почти треть площади потолка. На зеленом сукне стола сияли хрустальный графин и бокалы, сияли стекла шкафов, плотно заставленных старыми книгами, сияли модные очки Каримы-апы. Сняв их, она вопросительно посмотрела на дочь, пытаясь угадать, чем вызвано ее появление. И, кажется, не сразу поняла, что просто кончился рабочий день и дочь зашла за ней.

— А-а...— рассеянно произнесла она, опять уткнувшись в бумаги.— Поезжай одна. Я немного задержусь, надо закончить кое-какие дела.

Дильбар кивнула и вышла. Впереди у нее был свободный вечер. Что-то напевая, она сбежала, постукивая каблучками, по ступенькам, села в машину и рванула с места так, что колеса, пробуксовав, оставили запах горелой резины.

Вдоль улиц уже зажглись гирлянды огней. Вдали — точно поле в цветущих маках — мерцают красные точки фар. Тротуары полны людей. Одни еще только спешат с работы, другие успели приодеться и с наступлением прохлады вышли прогуляться.

Дильбар включила мигалку левого поворота, пропустила встречный поток машин и повернула на узкую неосвещенную улицу. Пришлось включить фары, чтобы узнать пятиэтажный дом с изображением на торцовой стене юноши и девушки в национальных одеждах, протягивающих на вытянутых руках восходящему солнцу раскрытые коробочки хлопка. Ага, вот он. Дильбар съехала на обочину, выключила зажигание. Приоткрыл дверцу, глянула вверх, стараясь отыскать среди десятков освещенных окон его окно. Горит ли у него свет? Интересно, что он сейчас делает? Небось и в мыслях нет, что она приедет. Может, не стоило? Может, ему это вовсе и не нужно, а она... А вдруг он лежит с высокой температурой и мечется...

Дильбар захлопнула дверцу и вбежала в подъезд. Легко взлетела на четвертый этаж. И только занесла руку, чтобы нажать на кнопку звонка, как вдруг решимость ее покинула. «Что он подумает, увидев меня на своем пороге в столь позднее время?..» Впрочем, не так уж и поздно. Только-только закончился рабочий день. Другие сотрудники еще стоят, наверное, на остановке, дожидаясь троллейбуса или автобуса. А проведать больного никогда не считалось зазорным. Прихожая наполнилась пронзительным звонком. Через минуту щелкнул выключатель. Дверь приоткрылась.

— Дильбар? — удивился Шерали, глаза его радостно блеснули. — Прошу вас! — одной рукой он пошире открыл дверь, другой прижимал к животу полы распахивающегося чапана.

— Зашла узнать, как вы себя чувствуете.

— Спасибо, Дильбар, хорошо. А теперь и вовсе сразу пойду на поправку. Хотя все было задумано иначе.

Он улыбался сухими потрескавшимися губами, глаза у него ввалились и покраснели, шея вроде бы стала тоньше, а голубоватые вены на ней приметнее.

Дильбар сняла в прихожей бежевый плащ. Шерали взял его, повесил на вешалку и пригласил девушку в комнату. Над диваном светилось бра, на придвинутом к нему журнальном столике лежало несколько раскрытых медицинских журналов на английском и немецком

языках и вырезки из газет. На посланном у дивана коврике словари.

— Пытаюсь вот разобраться,— смущенно улынулся Шерали, проследив за взглядом девушки.

— Шерали-ака!

— Да... Чаю поставить?

— Как вы думаете?.. Может, и вправду уже дает себя знать то, что вы в тот раз приняли?..

Шерали пожал плечами:

— Трудно пока сказать. По правде, хотелось бы, чтобы это было именно так,— он грустно улыбнулся.

— Почему же вы тогда, не дожидаясь результата, подали заявление об уходе?

Шерали отвел глаза.

— Давайте лучше пить чай. Мне сегодня друзья принесли свежие лепешки и халву,— он направился в кухню, оттуда донесся шум воды, наливаемой в чайник.

Дильбар подошла к окну, провела ладонью по запотевшим стеклам. На противоположной стороне улицы смутно белела ее машина. Она забыла, оказывается, выключить габаритные огни. Услышав за спиной шаги, обернулась.

— И мне ничего не сказали вчера,— упрекнула она.

— О чем?

— О том, что решили уйти от нас. Как же так?

— Заявление я действительно написал. Но это не значит, что я решил уйти. Просто с некоторых пор я стал ощущать нехватку времени, большая часть его уходила на какую-то ерунду, бесполезную беготню по чужим делам. А сейчас тем более у меня начался такой период, когда я должен всерьез заниматься тем, что задумал.

— Наверное, надо было объяснить все это директору института,— робко заметила Дильбар, опустив глаза.

Шерали нервно ударил кулаком о ладонь.

— Не сердитесь на меня, Дильбар... Но мы с Каримой Музаффаровной никак не можем поладить. Не знаю, может, я излишне мнителен, но у меня создалось впечатление, что она делает все для того, чтобы мне помешать,— запальчиво проговорил Шерали.

— Ну, что вы, вам это кажется, поверьте мне. Она всегда так добра ко всем...

— Конечно же, именно переполняясь добротой ко мне, она решила отправить меня в Бухару!

— В Бухару?

— И, думаю, лишь потому, что не нашлось места подальше! Знаете, у меня постоянно такое ощущение, будто я путаюсь у нее под ногами, а она небрежно этак, носком туфли, старается отбросить меня в сторону, чтобы не мешал!

— Ну, вы это слишком, Шерали-ака!— повысила голос Дильбар.— Если вы не сумели доказать своей правоты, зачем же валить на других!

— Мою правоту могут подтвердить только результаты моего эксперимента!

— Тогда мне еще более непонятен ваш поступок. Не доведя до конца задуманного, писать заявление?

— Ради задуманного! Когда я опишу конкретный случай, трудно будет не заметить его или быть необъективным. Тем более, что есть немало специалистов — скажем, в Москве, Ленинграде, Киеве — которые, в случае спора, расставят точки над *i*.

— Вот какой ход вы придумали. И долго ломали голову?..

Шерали пожал плечами. Из кухни донеслось дребезжание крышки чайника, и он поспешил туда.

— По-моему, как стратег, вы не учли главного,— сказала Дильбар, когда он вернулся с фарфоровым чайником и пиалами.— Вам все же не обойтись без лаборатории.

— Чтобы наблюдать за самим собой, необязательно протирать штаны в лаборатории.

— А анализы?

— Думаю, в этом мне мои коллеги не откажут. И отсюда, из моего дома, мне гораздо ближе до них, чем из Бухары.

Несколько минут они молчали. Словно каждый обдумывал, насколько верны его доводы и позиция. Шерали принес в тарелке халву, они сели за стол, и Дильбар разлила чай. Она задумчиво проговорила:

— А что, если поговорить с Вали-ака? Пусть окажет на директора влияние. Мама его очень уважает.

— Разумеется, он достоин всяческого уважения. Добр, отзывчив и так далее... Но вряд ли из-за меня он захочет портить отношения с директором...

За столько лет работы Шерали, конечно же, привык и к институту и к людям, которые его ежедневно, ежедневно окружали. И еще плохо представлял себе, как будет жить без всего этого, замкнувшись в своей маленькой душной комнате, не будет ли он чувствовать себя

этаким червячком, загнанным в спичечный коробок и всеми позабытым? Да и просто — на что дальше жить?

Дильбар допила свой чай и поднялась.

— Ну, мне пора.

Шерали не стал ее удерживать даже ради приличия и тоже встал. Подал в прихожей пальто. Сейчас он опять останется один на один со своими гнетущими мыслями. Чтобы хоть немного проветриться, Шерали спустился вместе с Дильбар на улицу.

Было свежо. На ветках не шевелился ни единый листок, будто деревья дремали. Небо усыпано звездами. Издалека, с центральной улицы, доносился шум машин.

Перед тем как сесть в машину, Дильбар протянула Шерали руку.

— Дильбар,— произнес он, задержав на секунду ее ладонь, еле приметная дрожь в голосе выдавала его волнение.— Навещайте меня хоть изредка.

Девушка, не ответив, захлопнула дверцу. Шерали смотрел вслед машине, пока вдали не растаяли красные огоньки.

Конечно же, от Каримы-апы не укрылось, что с ее дочерью творится что-то неладное. Работы у нее вроде не ахти сколько, а вид усталый. И пожелтела, как выгоревшая на солнце трава. Хотела было вызвать ее на откровенность — отвечает односложно, и в глаза при этом не глядит. Едут на работу — тоже ни слова.

— Что молчишь? Не в духе?— спросила как-то мать.

— Да нет. Просто, не люблю отвлекаться, когда за рулем.

— Прежде ты об этом не заговаривала.

Дильбар продолжала сосредоточенно смотреть вперед, и только усмешка чуть-чуть кривила ее губы. Машина, обогнув Абрамовский бульвар, выехала на Регистанскую улицу. Впереди сквозь утреннюю золотистую дымку выступили очертания древних построек медресе Улугбека, Шер-Досра. Опушенная с обеих сторон зеленью деревьев улица устремлялась прямо к ним, и они, по мере приближения, росли прямо на глазах, и вот уже подпирают небо, заслоняя белые облака. У площади Регистан поток машин, подчиняясь дорожным знакам, распадался на два рукава и разбежался в разные стороны. Дильбар проскочила на красный свет и круто

повернула вправо. Кариму-апу качнуло в сторону, и она испуганно схватилась за ручку дверцы.

— И все-таки ты что-то от меня скрываешь,— сказала Карима-апа некоторое время спустя.

Ответа не последовало.

— Тебя никто не обидел?

— С чего ты взяла... кто меня может обидеть?

— С Зияханом не поссорилась, м-м?..

— При чем тут Зияхан!— не скрывая раздражения, воскликнула Дильбар.— Уж из-за него-то не стала бы переживать!

— Правильно,— улыбнулась Карима-апа и, протянув левую руку, ласково взъерошила волосы на загылке дочери.— В обиду себя не давай никому. Даже Зияхану. Но и сама его не обижай. А то он как-то говорил мне...

— Мама, можно у тебя о чем-то спросить?..— Дильбар всего мгновение изучающе смотрела на мать, но та успела уловить во взгляде дочери и затаенную тревогу, и настороженность, и даже неприязнь.

— Конечно. Ты с детства тем только и занимаешься, что спрашиваешь у меня о чем-то, а я отвечаю,— засмеялась Карима-апа.

Но Дильбар не настроена была шутить и нахмурила брови. До чего они похожи на материнские — тот же капризный излом и так же сходятся на переносице.

— Скажи откровенно,— Дильбар взглянула на мать,— Шерали-ака действительно сам подал заявление?

Теперь нахмурила брови Карима-апа.

— А какое это имеет значение?

— Ты не ответила.

— Во всяком случае его никто не неволил.

— А я слышала, что дело обстояло совсем не так...

— Зачем тебе вступать в это? У тебя других дел хватает.

— Дел у всех хватает. Все заняты по горло. И этим отлично можно прикрывать равнодушие к чьей-то судьбе, душевную черствость и глухоту...

— Ну, знаешь ли... Что-то прежде я не замечала у тебя склонности к такого рода философии,— сказала Карима-апа голосом, в котором прозвучал металл.

— Ты уверена, что обошлась с ним справедливо?

— Я всегда делаю только то, в чем уверена на сто процентов!— Лицо матери сделалось чужим, холодным,

в ее чуть сузившихся глазах мелькнули злые огоньки, которые, казалось, могли прожечь насквозь.— Любому, кто отказывается выполнять свои прямые обязанности, работу государственной важности, дорога не заказана! Так что пусть твой коллега Халмурадов отработает положенный срок и, как говорится, идет на все четыре стороны. Вот так!

— А что будут говорить в коллективе?

— В коллективе? Ха-ха!.. То, что говорю я! И тебе тоже не советую откалываться от коллектива, да-да!— Карима-апа побледнела, губы ее дрожали.

Она любила свою дочь... Все свое свободное время отдавала только ей, ее воспитанию. И вот пожалуйста—благодарность! Из-за какого-то мэнэса приходится выслушивать от нее упреки. И почему собственно она так уж заступает за него? Карима-апа снова внимательно посмотрела на дочь. Не первый и не последний человек уходит из института. Кому не нравится, пусть уходят. Почему-то ни об одном из них Дильбар и словом не обмолвилась. За этим определенно что-то кроется. Неспроста это. Неужели Зияхан правду говорил? Может, прохвост этот Халмурадов успел-таки заморочить бедной девочке голову?.. Кариме-апе вспомнилось вдруг, что она и сама несколько раз видела свою дочь прогуливающейся с Халмурадовым по аллее институтского сада, но, увы, в свое время она не придавала этому значения. Надо было этого авантюриста погнать еще тогда!.. А однажды она заметила их на улице из окошка машины. Помнится, еще подумала: «Надо бы поговорить с дочерью. Слишком уж вольно себя ведет, совсем не считается с Зияханом». Не поговорила тогда, так нужно сделать это теперь и как можно скорее, чтобы развеять свои сомнения. Машина, плавно подрулив к подъезду института, остановилась. Карима-апа, ни слова не сказав, вышла, медленно поднялась по ступеням, держась прямо, высоко неся голову, как и подобает руководителю солидного учреждения.

В приемной ее дожидалось несколько сотрудников. Они оживленно беседовали, смеялись. Кто-то шутил с секретаршей. По голосу она узнала Зияхана. С ее появлением все смолкли.

Проследовав в кабинет, Карима-апа устроилась в кресле и нажала на кнопку звонка. Тотчас появилась секретарша и положила перед ней целую пачку писем. Карима-апа жестом дала понять, что она свободна, и

когда та уже взялась за ручку двери, чтобы выйти, вслед ей бросила:

— Никого принимать сегодня не буду, у меня уйма дел.

— Хорошо... А... Зияхана-ака?..

— Сказала же, ни-ко-го!

Девушка кивнула и, поспешно выйдя, тихонько закрыла за собой дверь. Но пронзительный звонок снова заставил ее вернуться.

— Заварите, пожалуйста, крепкого зеленого чая!— попросила Карима-апа, едва в проеме показалась ее голова.

Доставая из шкафа фарфоровый чайник и коробку с чаем, секретарша обронила:

— Начальство сегодня не в духе.

Присутствующие тотчас, ступая на цыпочках, покинули приемную.

На самом деле никаких особо важных дел у директора не было. Даже писем распечатывать она не стала. Вдохнув, поднялась с места и подошла к окну. Напротив подъезда стояли белые «Жигули». Она купила их дочери, когда та окончила институт. Поодаль, справа, за серыми стволами деревьев виднелось кирпичное здание барачного типа. Там лаборатории. «Почему Дильбар задала мне этот вопрос?.. Подозревает меня в чем-то? Может, чего доброго, думает, что я завидую этому выскочке?.. Нет-нет, надо взять себя в руки и успокоиться. Иначе ничего не смогу сделать и весь день пойдет насмарку. Поговорить с Дильбар время еще будет. А что, если сделать это прямо сейчас? Вызвать в кабинет и пропесочить как следует. Пусть не думает: если она моя дочь, то ей все позволено!..»

Карима-апа решительно вернулась к столу, чтобы позвонить по внутреннему телефону в лабораторию. Из писем, разбросанных по столу, внимание ее привлекло одно — из Ленинграда. Адрес был надписан знакомым почерком Камала Нурбаева, оппонента ее кандидатской диссертации. Ее всегда очень радовали его письма. Она надела очки и осторожно надорвала конверт.

Вошла секретарша. Принесла чайник с чаем и пиалу. Карима-апа поблагодарила ее кивком, не отрываясь от письма.

«Уважаемая Карима Музаффаровна!

Надеюсь, что Вы в полном здравии и рабочем настроении, хотя, признаться, мне не совсем понятно, поче-

му Вы так затянули работу над своей докторской. Надеюсь, нам еще представится случай подробно поговорить об этом. Не собираетесь ли в Ленинград?..

Уважаемая Каримахон (простите, что величаю Вас так по старой привычке), мы достаточно давно знаем друг друга, и Вам хорошо известно, как отношусь я к тем, кто не может обойтись без палочки-выручалочки и прибегает к связям и знакомствам, просит за своих близких. И пусть вас не удивит та неблагородная роль, в которой я ныне выступаю. Но сначала несколько слов о том, что предвосхитило это мое письмо.

Я прочитал присланную мне на апробацию статью вашего молодого сотрудника Ш. Халмурадова — моего бывшего ученика. Дельную и умную. Но у меня, как у специалиста, возникли некоторые вопросы, с которыми я к нему и обратился. Он подробно рассказал мне о своих дальнейших планах, и я подумал о том, что они вызовут определенные сложности, связанные с основным направлением деятельности Вашего института. Честно говоря, я в первую минуту растерялся. Очевидно, то же самое испытали и Вы. Я очень подробно ознакомился с присланными мне Халмурадовым материалами и вынужден был признать, что мы с Вами чуть-чуть поторопились с выводами. Я имею в виду Вашу кандидатскую диссертацию. В науке всякое случается, ошибки и просчеты неизбежны, и если кто-то берет на себя ответственность исправлять чьи-то ошибки, то это надо только приветствовать. И по возможности помогать...»

Карима-апа нервно рассмеялась и откинулась в кресле. Первым ее желанием было скомкать письмо и швырнуть его в корзину, не дочитав; бумага жалобно зашуршала, Карима-апа расправила листок и положила перед собой.

«...Премного буду Вам обязан, если время от времени Вы будете оповещать меня о результатах эксперимента, который крайне заинтересовал не только меня, но и других сотрудников нашей кафедры...»

Карима-апа резко встала и прошлась из конца в конец по кабинету, похрустывая пальцами. На глаза ей попались белеющие на столе чайник и пиала. Налила в пиалу не успевшего еще остыть чаю и отошла с ней к окну... Перед глазами возник Камал Нурбаев, широкоплечий, высокий и чуть сутуловатый от многолетнего сидения за лабораторным столом. В работе над диссертацией он оказал ей неоценимую помощь, не от-

казывал ей в поддержке и в самые критические моменты в ее жизни, давал мудрые советы, которым она неукоснительно следовала, а то и просто выручал... И ведь не кто иной, как он, Камал Нурбаев, всячески поддерживал в ней уверенность в том, что она на правильном пути. А что же теперь?..

Ах, да, Шерали Халмурадов тоже его ученик! Она совсем упустила это из виду. Ну и пройдоха этот Халмурадов, заручился-таки его поддержкой. Как же ей в этой ситуации поступить? Пренебречь мнением такого именитого ученого вряд ли будет разумно, даже ей, полноправной хозяйке института. Как же выйти достойно из создавшегося положения? Так, чтобы и шашлык поджарился, и вертел не сгорел?.. Пожалуй, сначала надо попытаться убедить Камала Нурбаева, что предприятие Шерали лишь с большой натяжкой можно назвать «экспериментом», это скорее похоже на игру в науку.

Она вернулась к столу, села в кресло, и, поближе придвинув его, достала из выдвижного ящика лист бумаги.

В это время дверь в кабинет приоткрылась, и показалась пышная шевелюра Зияхана.

— Простите, Карима Музаффаровна, я на одну минутку, если позволите...

Карима-апа отложила ручку и сняла очки. Губы ее были плотно сомкнуты, от них разбегалась сеточка морщин. В потемневших глазах проглядывало недовольство. Только тебя сейчас и не хватало — читалось в ее взгляде.

— Карима-апа, единственная просьба...— занскивающе начал Зияхан, медленно приближаясь на пружинящих ногах и странно жестикулируя руками — будто мыл их под краном. Он был чем-то крайне взволнован.

— Я вас слушаю,— сухо сказала Карима Музаффаровна, оглядев Зияхана с головы до ног.

Его трясущаяся нижняя губа, растерянный взгляд чуть раскосых, но довольно симпатичных и, пожалуй, по-детски наивных глаз вызвали в ней сейчас не сочувствие, а раздражение. А ведь всегда питала к этому парню симпатию, считала его одним из самых исполнительных. Наверное, он и с крыши бы прыгнул, если бы она повслела. Дильбар сможет им вертеть, как захочет.

— Мой оппонент Левиев шубу наизнанку выворачивает, чтобы на меня надеть!— сорвался на фальцет Зияхан.— Не знаю, чем я ему не угодил. Или кто-нибудь

насплетничал обо мне. А иначе зачем бы ему на мне зло срывать...

— С чего вы взяли, что он на вас зол?

— Он вернул мне работу. Сказал, сырая. Не может она быть сырой, я ее уже столько лет пеку. Вы и сами это знаете. И все мои эксперименты полностью подтверждают ваши выводы...

Услышав последние слова Карима Музаффаровна поморщилась и хлопнула о край стола ладонью:

— Конкретно! Чего вы хотите, конкретно?

— Скажите Левиеву, чтобы он соблюдал объективность.

Карима-апа вздохнула и после паузы произнесла:

— Сказать-то я могу... Однако, боюсь, чем объективнее он будет, тем труднее придется вам. Лучше посмотрите-ка свою работу еще раз. По-моему, в ней слишком много общих слов. Об этом говорилось еще на прошлом обсуждении.

— Да я бьюсь над своей темой три года! Три года!..

— Не вы один. И я изо дня в день делаю одно и то же, одно и то же!.. И конца этому не видно,— проговорила Карима-апа упавшим голосом и облокотилась о стол, закрыв ладонями лицо и массируя кончиками пальцев виски, в которых упруго пульсировала кровь.

Когда Карима-апа откинулась на спинку кресла и открыла лицо, Зияхана в кабинете уже не было. Она облегченно вздохнула. Что еще могла она сказать молодому аспиранту? Что диссертация его в сущности утратила смысл?.. В своей диссертации он вскользь упоминает об эхинококкозе... Придется посоветовать: пусть развивает именно эту линию. Работу так и можно будет назвать: «Внедрение в практику усовершенствованных методов борьбы с эхинококкозами человека». Увы, ему на это потребуется еще не один год. Хватит ли у него терпения?.. Как любил повторять Камал Нурбаевич: «Дорогу осилит идущий!..»

Снова представила она себе Камала Нурбаева, его улыбчивые зеленые глаза, пыливый взгляд из-под кустистых седых бровей. Вспомнила себя, какой была в то время... Молоденькая, совсем еще девушка, хоть и была замужем и имела школьницу-дочь. Камал-ака помог ей уверовать в свои силы... А когда после защиты диссертации робкая, неуверенная в себе, взволнованная, она пыталась найти слова, с помощью которых могла бы выразить свою благодарность, он задержал ее руку

в своей и сказал: «Помогать своим ученикам — долг каждого ученого, и все мы надеемся, что ученики наши пойдут дальше нас, и если к сделанному нами добавят они хотя бы крупички нового — мы тоже будем испытывать чувство благодарности. И что еще очень важно — это всегда помнить о чувстве долга перед собой, временем и обществом». Хорошо запомнила эти его слова. До сих пор звучит в ушах его спокойный чуть хриловатый голос.

Карима Музаффаровна взяла ручку и стала писать.

«Многоуважаемый Камал Нурбаевич!

Только что получила Ваше письмо. Спешу сообщить, что повода для беспокойства относительно эксперимента Ш. Халмурадова у Вас не должно возникать. Его эксперимент пока в начальной стадии и, видимо, продлится не один месяц. В настоящий момент было бы опрометчиво делать какие-то прогнозы. За экспериментом прослежу сама. Буду держать Вас в курсе. Приятно было узнать, что наши ленинградские коллеги проявляют интерес к работе нашего института...»

Карима Музаффаровна справилась о здоровье своего наставника, полюбопытствовала, над какими проблемами он сейчас работает, попросила кланяться общим знакомым, перечислив их поименно. Надписав на конверте адрес, заклеила и вызвала, нажав кнопку, секретаршу.

— Отправьте это письмо сегодня же,— распорядилась она.

Карима-апа с облегчением вздохнула. Будто гора с плеч. Затем придвинула к себе откидной календарь, на котором было по пунктам записано все, что она должна была успеть сделать сегодня...

К вечеру погода переменилась, на небо набежали тучи, сделалось сумеречно, и в кабинете пришлось рано включить свет. По всему фасаду института из всех окон лились потоки света, не желая уступать зелень раскинувшегося напротив сада темноте. Но вот одно за другим окна стали гаснуть, чаще захлопала дверь парадного входа. Люди в одиночку и группами направлялись по главной аллее к воротам и спешили к автобусной остановке.

Карима-апа, с головой окунувшись в работу, не заметила, как настенные часы пробили шесть. Когда

стрелки переместились на четверть седьмого, на столе заверещал телефон. Она сняла трубку.

— Мама, ты еще посидишь? Или домой?..— раздался голос дочери.

— Ого!— сказала мать, глянув на часы.— Не заметила, как и день прошел! Поедем домой, дочка. Я сейчас спущусь.

Карима-апа позвонила сидящему в фойе вахтеру и велела передать шоферу, что сегодня она не нуждается в его услугах. Быстро привела в порядок стол, надела белое пальто, и, подойдя к овальному зеркалу, поправила на шее кремовый шелковый шарф. Оглядев еще раз кабинет, выключила свет и вышла. Редко у нее выдавались такие дни, как сегодня: никуда не вызывали, никто не нагрянул ни перенимать опыт, ни с какой-либо проверкой. Она успела сделать даже многое из того, до чего вот уже вторую неделю никак не доходили руки.

Дильбар уже сидела в машине и прогревала двигатель. Карима-апа заняла место рядом. Машина плавно тронулась, и они покатали по знакомым улицам, которые вечерами обретали почему-то праздничный вид. Иначе выглядели и бьющие высоко вверх фонтаны, и кроны деревьев, пронизанные светом круглых матовых фонарей, и фасады домов со светящимися окнами, и высокие стены древнего Регистана, ярко освещенные прожекторами.

Карима-апа ласково поглядывала на дочь, по сосредоточенному лицу которой иногда пробегала тень. Ей нравилось, что Дильбар сама водит машину. Любуясь дочерью, Карима-апа видела в ней себя, свое отражение. До семи лет Дильбар жила у бабушки, ее и мамой стала называть. А Карима-апа была поглощена учебой, сначала в институте, потом в аспирантуре. За дочь была спокойна, старики в ней души не чаяли. И Дильбар к ним сердцем прикипела. Потом с трудом привыкла к тому, что «мама»— это бабушка, а настоящая ее мать— молодая красивая женщина, часто привозившая ей подарки из Москвы и Ленинграда. Ее она называла апой — старшей сестрой.

В тот год, когда Дильбар поступила в институт, умер ее отец. Трудно передать, что пережила тогда Карима-апа. За одну неделю сделалась, как тростиночка, от ветра ее шатало. Эх, лучше не вспоминать!..

Дильбар уже двадцать четыре. А давно ли носила ее на руках? Течет время, как река, не остановить. И,

наверное, недалек — кто знает! — тот день, когда Карима-апа останется в большом доме одна. И ничего тут не поделаешь, ничего не изменишь. Недаром в старину говорили, что девушка — это камень пращи...

— Дильбар, — тихо сказала Карима-апа. — Утром ты не ответила на мой вопрос?

— На какой? — удивленно глянула на нее дочь, в самом деле успев позабыть, о чем у нее спрашивала мать утром.

— Не притворяйся. Мне бы хотелось узнать, почему у тебя кое из-за кого сердце болит? Может, ты... гм... влюбилась в него? — спросила она и чуть было — не успея она выставить перед собой руки — не ударилась лбом о переднее стекло.

Дильбар пришлось резко нажать на тормоз, чтобы не наскочить на едущую впереди машину.

— В кого это?

— Прекрасно знаешь, кого я имею в виду. Будь он неладен, этот возмутитель спокойствия...

Дильбар коротко рассмеялась и прибавила газу. Машина стремительно понеслась вперед, лавируя между «Жигулями», «Москвичами», грузовыми автомобилями. Мать умолкла, чтобы не отвлекать внимания дочери от дороги. Опять не получила ответа на свой вопрос. Неспроста это, ой, неспроста...

* * *

«...Тридцать шесть... Тридцать семь... Уф-ф», — вздохнул Шерали, опершись левой рукой о стену, а правой достал из кармана платок и вытер потное лицо.

Зеркально-гладкие купола по-прежнему разбрызгивали во все стороны горячие лучи. Чтобы укрыться от них, как от разлетающихся рикошетом стрел, Шерали спешил к узкому промежутку между стенами, заполненному спасительной тенью. Рельефные узоры на стенах неожиданно опять стали расплываться. Опять поблекло небо, а сам он оказался в облаке густого тумана. Шерали машинально потер глаза.

Сверху донесся голос Дильбар:

— Шерали-ака! Все считаете?

— Да, Дильбар, считаю. Пока вы обойдете все гробницы, я поднимусь. А потом вместе спустимся вниз.

— И еще раз пересчитаем! — засмеялась Дильбар.

— Ни за что!

— Почему?

— Получится другое число.

— А так останется иллюзия, что вы правильно сосчитали, а значит, проникли в тайну этих ступеней?

Конечно, приятнее утешаться такой иллюзией, нежели признавать свое бессилие. А сколько в мире еще неразгаданных тайн!

— И, по-вашему, человечество не скоро еще их разгадает?

— Думаю, что да. И отчасти оттого, что человек расточителен. Обретает знания крохами, а теряет глыбами. Много секретов унесли с собой те, кто строил эти гробницы и соорудил лестницу, ведущую к ним.

— И каждая ступень ее приближает нас к вечности. У вас нет такого ощущения?

Шерали кивнул. И стал медленно подниматься. Вон она тень. Совсем близко. Скорее бы добраться до нее. «...Тридцать восемь... Тридцать девять...»

Наверное, ему все-таки не следовало выходить из дому. Надо было потерпеть еще. Набраться мужества и потерпеть. Сколько же недель он провел в одиночестве? Ко всему, вероятно, может человек привыкнуть, кроме одиночества. Особенно, когда угнетен тягостными, мрачнее мрачного мыслями и болезнью. И не вынести бы Шерали этого испытания, если бы не Дильбар.

Однажды Шерали заночевал с друзьями в горах. Еще до рассвета они поднялись на вершину, усталые, задыхающиеся, и оттуда наблюдали, как восходит солнце. Это было незабываемое зрелище...

Почему-то восход этот, переполнивший их восторгом и ощущением счастья, возникает перед глазами всякий раз, когда Шерали вспоминает тот день, когда в его убогое жилище впервые вошла Дильбар. Но он еще не говорил ей об этом. Может, и не скажет. И это тоже останется тайной. Его личной тайной.

...Оставив заявление об уходе в приемной директора, Шерали не появлялся на работе более недели. В институте с быстротой молнии распространились слухи о том, что Карима-апа вынудила его это сделать, что он безнадежно болен, и вообще дела его крайне плохи. Об этом ему рассказала Дильбар. Он собрался с духом и отправился в институт.

Многие при встрече с ним отводили глаза, некоторые, поздоровавшись, старались не задерживаться — не дай

бог их увидят вместе приближенные Каримы-апы, ведь сразу донесут, еще и от себя добавят с три короба. Лучше не давать директору повода думать, что ты с Шерали заодно, хотя в душе они ему и сочувствовали.

У Шерали, как и у всякого другого, в огромном коллективе института были, конечно, недоброжелатели. Если прежде они прятали свою неприязнь за вполне доброжелательной улыбкой, то сейчас это было излишне, теперь уже незачем было скрывать свое истинное отношение к нему, гораздо выгоднее было сейчас эту неприязнь подчеркивать. Проходя по коридору, Шерали слышал за спиной перешептывания о том, что «уважаемая Карима Музаффаровна прекрасно разбирается в людях, она и прежде не терпела выскочек».

Шерали застал в лаборатории Вали-ака. Встретились они тепло, старик долго тряс его руку, обхватив ее сухонькими узкими ладонями, расспрашивал о здоровье.

— Лучше скажите, как вы себя чувствуете, Вали-ака?— спросил Шерали, тронутый сердечностью заведующего.

— Эх, сынок, старое дерево скрипит да не ломается. А молодое бывает хрупкое. Так что берегите свое здоровье, пока оно у вас есть. Берегите!

И принялся корить Шерали за то, что он с такой поспешностью написал заявление. Мог ведь подождать его, чтобы посоветоваться, незачем было пороть горячку. Да и сейчас, если Шерали хочет, они пойдут вместе к директору, поговорят. Шерали только нужно отказаться от задуманного, вот и все. Всем известно великодушие Каримы-апы, она сама порвет его заявление, и все образуется. Ведь что ни говори, а совсем неплохо работалось им вместе, и ни на кого Вали-ака не мог положиться так, как на Шерали. Поистине Шерали был его правой рукой. А сейчас... Зияхан то и дело берет отгулы. Откуда они у него набрались, один аллах ведает. И устраняется от дел именно тогда, когда в особенности много работы. Вот и сегодня позвонил и уведомил, чтобы его не ждали. С Каримой-апой, видите ли, договорился, она разрешила.

— А Дильбар?— спросил Шерали.

— Она здесь. Я послал ее в рентгенкабинет за снимками. Спасибо ей, хоть она сочувствует мне, старику. Видит, как мне трудно,— Вали-ака отвернулся и, прикрыв ладонями рот, долго кашлял. Затем, утирая плат-

ком выступившие на глазах слезы, проговорил:— Мне бы денек-другой дома посидеть, но вот пришлось выйти. Может, все-таки сходим к директору, а? С руководством лучше все-таки не спорить, а стараться ладить. Иначе всегда рискуешь остаться в дураках. Так было, так будет. И ничего тут не подделаешь. Пойдем, сынок, к Қариме-апе!

Шерали покачал головой.

— Тебе, сынок, у Зияхана бы поучиться, его осторожности.

Видимо, Вали-ака не на шутку рассердился на Зияхана за то, что он то и дело его подводит. Стал в сердцах говорить о том, как третьего дня Зияхан разоткровенничался тут, что не поддался его, Шерали, уговорам вместе работать над новой темой. «Мужчина должен начатое дело доводить до конца!— говорил Зияхан.— Я старался убедить в этом Шерали. Но такой уж он человек; то за одно хватается, то за другое». Было ясно, для чьих ушей эти рассуждения предназначены. Но Дильбар никак не реагировала, делала вид, что поглощена работой и ничего не слышит. И тогда Зияхан обратился прямо к ней: «Представляете, Дильбархон, как разгневалась бы ваша мамаша, поддайся я его уговорам!..» А Дильбар стремительно пересекла помещение и вышла, оглушительно хлопнув дверью. Вали-ака это показалось очень странным. Потому что раньше отношения между Зияханом и девушкой были совсем другие. Он, Вали-ака, прожил долгую жизнь, и на такие вещи глаз у него наметан. А Шерали не замечал ничего такого, когда Вали-ака отсутствовал? При нем они не ссорились?

Нет, Шерали ничего такого не замечал.

Он вынул из ящика своего стола папку с бумагами и, распрощавшись с аксакалом, ушел.

Вали-ака тяжело, чувствуя, что колени не гнутся, опустился на стул, задумался...

Едва пришел Вали-ака позавчера на работу, посыпались на него новости одна хуже другой. Только миновал проходную, встретился ему профессор Махкамов. Остановился. Махкамов страдал одышкой. Ему нелегко было носить свое тучное тело, и он опирался на палку. Он начал рассказывать, делая большие паузы, о том, как разгневанная Қарима-апа указала на порог сотруднику лаборатории Халмурадову. Тут подошел еще кто-то из сотрудников, и Вали-ака поспешил откланяться.

Но не успел сделать и двадцати шагов, его окликнул доцент Эргашев. Пришлось опять остановиться. Тот приближался, заранее протягивая руку, и еще до рукопожатия сообщил: «Пришлось-таки вашему Халмурадову распрощаться с должностью!..»

Почти теми же словами встретил его и Зияхан. Потом уже, спохватясь, стал расспрашивать о здоровье.

И кто бы в этот день ни заговаривал с Вали-ака о Шерали Халмурадове, в их словах ему чудился укор, намек, что именно он привел в институт этого совсем еще зеленого юношу, взял к себе в лабораторию. И Карима-апа, наверное, хорошо это помнит.

Разве мог Вали-ака предполагать, что всегда спокойный и покладистый Халмурадов так его подведет. Если б знал, наверное, не взял бы! Поди теперь объясни это Кариме-апе. Теперь всякий раз при встрече с ней придется краснеть. Не избегать же ему из-за случившегося встреч с нею, хотя чем реже видишься с начальством, тем спокойнее живется. К тому же по возвращении из отпуска или после продолжительной болезни у них в институте принято первым делом заходить к директору, справляться о ее самочувствии, демонстрировать свое, тем самым как бы заверяя ее в том, что ты готов трудиться в полную силу. Вали-ака направился сначала к парадному входу главного здания, но, поразмыслив над своим незавидным положением, постепенно замедлил шаги и повернул к лаборатории. Не хватило решимости предстать перед директором. Наверняка она высказала бы ему свое недовольство. А если бы и нет, то все равно подумала бы... Это он прочел бы в ее взгляде, если бы она даже молчала.

«И Дильбар что-то задерживается со снимками,— с раздражением подумал Вали-ака.— А без них я не могу дать полного заключения. Там подождешь, здесь подождешь, так время и проходит». Он придвинул к себе внутренний телефон и позвонил в рентгенкабинет. Подождал, но трубку никто не взял. Позвонил в отдел эпидемиологии. Опять никого. Куда это они все запропастились? Сказать, что бегают по магазинам — институт вроде бы далеко от центра, где сосредоточены все главные магазины. Одни по часу курят в коридоре, другие просто точат лясы, перебивая косточки знакомым. Поди угадай, где Дильбар сейчас может быть.

Обычно по пути на работу Вали-ака покупал в киоске две-три газеты. В лабораторию он приходил раньше всех, когда большинство сотрудников института, наверное, еще только садилось за завтрак. Поэтому у него было достаточно времени полистать прессу и, если попадется что-нибудь интересное, почитать. Вооружившись очками, он подсаживался поближе к окну и разворачивал свежие, еще пахнувшие типографской краской, листы.

Страницы газет пестрели тревожными заголовками: «Землю от пожара уберечь», «Длинная дубинка» агрессивной политики», «Вопреки оптимистическим прогнозам». Это были сообщения о событиях в «горячих» точках планеты. Странно, однако, устроен мир: кто-то трудится, не щадя себя, над тем, чтобы оберегать людей от болезней, чтобы долголетие стало не исключением из правил, а обычным явлением,— Вали-ака был убежден, что рано или поздно наступит время, когда будет считаться противоестественным, если человек прожил менее ста лет,— а на другом конце планеты кто-то ломает голову над тем, как погубить этот мир.

В «Медицинской газете» с большой статьей выступал известный хирург, активный участник движения «Врачи — за разоружение».

Углубившись в чтение, Вали-ака не замечал, как бежит время. За окном слышались голоса. Солнечные лучи, пронизывая кроны деревьев, обстреливали окна, и в помещении постепенно становилось душно.

Вдруг дверь с шумом распахнулась. В лабораторию влетел Зияхан. Лицо распаренное, глаза выпучены, будто за ним кто-то гнался.

— Видали?— бросил он с порога, забыв даже поздороваться.— На служебной машине пожаловал!..

Вали-ака, наклонив голову, с недоуменном разглядывал его поверх очков, сползших на кончик носа.

— Во-первых, здравствуйте, дорогой коллега!..

— О-о, Вали-ака, сала-а-ам!— вытянув руки, Зияхан, просияв, бросился к нему и затряс маленькую сухую руку заведующего.— Рад вас видеть! Надеюсь, окончательно поправились?..

— Я тоже надеюсь... А кто там пожаловал? Комиссия, что ли, какая?

— Комиссия, ха-ха... Шерали! Представляете, на

директорской «Волге» прикатил. Говорят, сама Қарима-апа за ним своего шофера послала!

— Да что вы говорите?!— удивился Вали-ака, и газеты, соскользнув с его колен, упали на пол.

В то время, как в институте все еще кипели страсти, одни шушукались, другие громко спорили, третьи обвиняли Халмурадова, четвертые защищали его, вдруг произошло нечто странное, попросту невероятное. Никто и предположить не мог, что такое может произойти.

Ранним утром, едва придя на работу, Қарима-апа позвонила в гараж и велела срочно прислать машину. Вскоре шофер уже звонил от вахтера в приемную докладывая секретарю о том, что машина ждет у подъезда.

Всего через минуту те, кто, стоя у окон, уже гадали, куда это собралась Қарима-апа, увидели, что директорская голубая «Волга» стремительно выехала из институтского двора. Но Қаримы Музаффаровны в ней не было. И это, может быть, не показалось бы странным, если бы машина вскоре не вернулась... Кто-то в это время курил у открытой форточки, кто-то продолжал бесцельно смотреть в окно, а кто-то, самый внимательный, рядом с водителем, по правую его сторону увидел... Шерали. Когда он от растерянности тихим голосом сообщил об этом присутствующим, все прилипли к окнам, грозя выдавить стекла.

Из остановившейся напротив парадного подъезда голубой «Волги» в самом деле вышел Шерали. Когда он поднимался по ступенькам, предупредительный шофер обогнал его и открыл перед ним массивную дверь.

Шерали шел по коридору, ломая голову над причиной столь срочного вызова. Может, поступил приказ из министерства относительно его нового назначения?.. Не могут же они силой заставить его поехать.

Войдя в приемную, он машинально одернул пиджак, поправил галстук. Увидев его, секретарша, как всегда, занятая своими ногтями, кивнула на обитую коричневым дерматином дверь:

— Директор вас ждет.

Настроив себя по-боевому, Шерали вошел. Қарима-апа, что-то писавшая до этого, положила ручку. Кабинет ее на этот раз показался Шерали особенно огромным, длинным. Пока он приближался, директор не сводила с него глаз, словно пытаясь отыскать у него на лице какие-либо признаки болезни. И вдруг улыбнулась.

Она была приветлива. Поднялась с места, подала руку. Потом показала на стул.

Редко кому улыбалась Карима-апа в своем кабинете. Когда вела прием, была со всеми строга, ее черные брови почти никогда не разглаживались. Когда возникла необходимость идти к ней, чтобы решить какие-то неотложные вопросы, заведующие отделов оттягивали свой визит или посылали своих заместителей. Видимо, не без оснований поговаривали, что нужно иметь львиное сердце, чтобы войти к ней в кабинет, если ты не относишься к числу тех, к кому она питает личную симпатию. У нее редко когда хватало терпения выслушать посетителя до конца. «Понятно,— перебивала она говорящего.— Мы подумаем. Рассмотрим».

А сегодня Шерали готов был поклясться, что такое о директоре могут говорить только недоброжелатели. Лицо ее сияло, с губ не сходила улыбка. Она прямо излучала доброту. «Ба, да в том ли самом месте взошло сегодня солнце?»— ошеломленный подобным приемом, подумал Шерали, в ответ на ее расспросы о самочувствии машинально кивая и бормоча:

— Благодарю... благодарю...

«Лишь бы благополучно все это кончилось...»

— Я только вчера узнала от Дильбар, что вы себя неважно чувствуете. Как же так? Никого из сослуживцев не оповестили...

— О каких сослуживцах вы говорите, если я ушел с работы?— проговорил Шерали, мысленно усмехаясь.

— Вы подали заявление, да. Но приказа еще не было.

Шерали отвел в сторону взгляд и пожал плечами.

— Нехорошо, нехорошо,— мягко журила его Карима-апа.— Коллектив ценит вас как работника, и вы должны относиться к нему с большим уважением. Да, да. И со мной могли бы быть более откровенным.

— Недавно я был с вами куда как откровенным...

— Ну, ладно, я на вас не сержусь.

Карима Музаффаровна встала, обошла массивный письменный стол и остановилась рядом с ним.

— И все-таки я не могу назвать ваш поступок иначе, чем неосмотрительным. Необходимо, чтобы вас наблюдал врач. Постоянно. Выглядите вы неважно,— Карима Музаффаровна опять заняла свое место.— Однако почему вы не интересуетесь, зачем я вас вызвала?

— Да я уже ломал над этим голову,— усмехнулся Шерали.

— Вы в состоянии принять участие в небольшом совещании? Я думаю, оно продлится час, не более.

— Конечно, Карима Музаффаровна. Если вы меня вызвали, наверное, это нужно.

Карима Музаффаровна нажала на кнопку. В дверях появилась секретарша.

— Пригласите ко мне заведующих лабораториями и отделов.

Та кивнула и вышла.

Не прошло и десяти минут, а в директорском кабинете уже собрались ведущие специалисты института. Входили с улыбками во все лицо, раскланивались с директором. Шерали или вовсе не замечали, или ограничивались коротким кивком. Занимали места за длинным столом, приставленным торцом к директорскому, и каждый стремился оказаться поближе к Кариме-апе. Только Вали-ака подошел и пожал Шерали руку, пробормотав: «Ну, как вы себя чувствуете, братец?..»— и тут же, будто вспомнив, чем это чревато, быстро проследовал в угол кабинета, где оставались еще свободные стулья, и сел поодаль.

Карима Музаффаровна сидела, откинувшись на спинку кресла, и оглядывала присутствующих. Наконец нетерпеливо спросила:

— Ну, что, кажется, все?

Воцарилась тишина. Все уставились на Кариму Музаффаровну, спеша узнать, что же послужило поводом для столь экстренного совещания. И, разумеется, каждый объяснял это по-своему; кто-то в душе уже водружал надгробный камень на чьи-то научные изыскания или карьеру, а другой предполагал, что сегодня кто-нибудь — быть может, он!— будет превознесен до небес. Внимательный взгляд директора скользил по тем лицам, которые всегда оставались спокойными и бесстрастными, заходила ли речь о чьих-то успехах или провалах. Эти солидные мужи, в большинстве своем успевшие поседеть, а то и облысеть, привыкли к тому, что первой высказывала свое отношение к рассматриваемому вопросу сама Карима-апа. Сейчас они ожидали того же.

— Вали Тилласвич! Что вы можете сказать об эксперименте Шерали Халмурадовича?— неожиданно спросила Карима-апа.

Вали-ака вздрогнул, растерялся, он явно не знал, что ему сказать. «Ага, вот и началось!— промелькнуло у него в голове.— Заметила, что я с ним поздоровался. Лучше б я к нему не подходил». Он медленно поднялся и развел руками.

— Как вы относитесь к его инициативе?— повторила свой вопрос Карима Музаффаровна, не сводя с него глаз.

— Я только что после болезни, Карима Музаффаровна. И еще недостаточно осведомлен о том, что тут без меня делалось. Без меня, повторяю!— взволнованно заговорил Вали-ака.

— А разве до вашей болезни Халмурадов не говорил с вами о своих планах?— брови Каримы-апы грозно сдвинулись.

— Э-э, вел какие-то пустые разговоры о каком-то эксперименте. Кто же принимал его высказывания всерьез!..

— Тут что-то не так,— усмехнулась Карима-апа.— Сотрудник вашей лаборатории длительное время готовился к серьезному эксперименту, затем приступил к нему, а вы говорите об этом, как совершенно посторонний человек. Как это понимать?

— Я не раз его предупреждал, просил, наконец...— окончательно растерялся Вали-ака.

— О чем?

— Ну... чтобы не занимался ерундой.

— Это ваша точка зрения?

— Да...

— Подкрепите ее в таком случае какими-либо доводами.

Вали-ака, словно школьник, ждущий подсказки, оглядел присутствующих. Однако на непроницаемых лицах коллег трудно было что-либо прочесть. Одни, уткнувшись в блокнот, что-то писали, другие сидели, уставившись в пол, третьи изучали потолок.

— Не только я так считаю,— промямлил Вали-ака.

— По-вашему, это достаточно веский аргумент?

— По мнению опытных специалистов...

— Любое мнение должно на чем-то основываться,— перебила его Карима-апа.— У вас такие основания имеются?

— Какие тут могут быть основания, когда речь идет, собственно говоря, ни о чем. Утверждения Шерали Халмурадовича противоречат теории, проверенной и

перепроверенной многолетней практикой! И всему тому, о чем вы сами, Карима-апа, в своей работе о...

— Садитесь! С вами все ясно,— резко сказала Карима Музаффаровна и, поблескивая стеклами очков, обвела строгим взглядом собравшихся:— Товарищи! Молодой ученый нашего института стоит, можно сказать, на пороге нового открытия. А вам, умудренным опытом аксакалам, недосуг всерьез поинтересоваться, чем же наш молодой коллега на самом деле занят и не нуждается ли он в какой-то помощи. Если кто-то высказывает неожиданные мысли, непривычные для нашего слуха, это почему-то сразу нас отпугивает...

Ученые мужи заерзали на своих местах. Слова Каримы-апы сразу изменили ход их мыслей — будто на полном ходу карусель вдруг остановилась и давай крутиться в обратную сторону.

Едва Карима Музаффаровна умолкла и размахисто записала что-то на краешке откидного календаря, вскинул руку ее заместитель Саттар Мукимович.

И стал говорить о том, что, конечно же, Шерали Халмурадов, хоть молод, но бесспорно талантлив. А главное — настойчив в достижении своей цели. Не говоря уже о редком самообладании и мужестве.

«Я его привел в институт, я!..» — бормотал себе под нос Вали-ака, ожидая момента, когда Мукимов умолкнет, чтобы самому вставить слово. Он ослабил узел галстука и поглядывал то на сидящих справа, то на сидящих слева, ища их сочувствия, порываясь им что-то объяснить, и беспрестанно повторял: «О аллах, спаси от ее гнева! Не знаешь, что она выкинет через минуту...»

Карима-апа видела, как сидящие вблизи нее аксакалы, наклоняясь друг другу, обмениваются репликами, кивают, как бы подтверждая слова ее заместителя. Но ведь ей прекрасно известно мнение каждого из них об эксперименте Халмурадова. Впрочем, она и сама, руководитель такого крупного научно-исследовательского института, не лучше. Ведь и у нее до последнего момента было резко отрицательное отношение и к Халмурадову, и к затеянному им эксперименту. Имеет ли она теперь моральное право кого-то осуждать?

Взгляд Каримы-апы задержался на Шерали. Вспомнилось тесное помещение лаборатории, куда она заглядывала не слишком часто. В тот день зашла, будто случайно. А на самом деле хотелось поставить на мес-

то, как ей казалось, зарвавшегося молодого человека. Он же, вероятно, в тот момент как никогда нуждался в добрых напутственных словах, которые бы его окрылили. Но она буквально растоптала еще не успевший прорасти росток его надежд...

— Сколько времени прошло с того момента, как Шерали Халмурадович приступил к эксперименту?.. На это не может ответить даже заведующий лабораторией товарищ Тилляев!— продолжал хорошо поставленным голосом Саттар Мукимович.— Спасибо нашей уважаемой Кариме Музаффаровне. Это она, случайно узнав о том, что у Халмурадова появились первые признаки заболевания, срочно послала за ним человека. Ведь Халмурадов сознательно заразил себя аскаридозом, новой его разновидностью, чтобы скрупулезно исследовать течение этой опасной болезни. А всем нам, выходит, и дела нет до этого?

— Это действительно сенсация!— поддакнул кто-то.

Саттар Мукимович повернулся к Кариме Музаффаровне:

— Благодаря вам, Карима-апа, в нашем институте давно установилась традиция — помогать молодым инициативным ученым. Поможем и Халмурадову.

— Вот и давайте не нарушать наших традиций,— сказала Карима Музаффаровна.— Для того я вас и пригласила сегодня, чтобы еще раз напомнить об этом.

Шерали верил и не верил в происходящее... Когда совещание только началось, Шерали сидел ни жив ни мертв, у него было единственное желание — стать маленьким, неприметным и незаметно исчезнуть из кабинета... Потом, затаив дыхание, вслушивался в то, что говорила Карима-апа, и мучился из-за своей неспособности разгадать, что же за ее словами и внешней доброжелательностью кроется, и какой неожиданный оборот примет ее выступление в конце. Однако с каждой минутой становилось яснее, что на сей раз Карима Музаффаровна обойдется, кажется, без разноса. Что же произошло с ней, почему она так неожиданно сменила гнев на милость?.. У Шерали было ощущение, будто внутри у него, постепенно расслабляясь, распрямилась предельно сжатая пружина. Немного успокоившись, он стал рассматривать сидящих вокруг стола и вдоль стен профессоров, доцентов, старших научных сотрудников. На лицах некоторых читал он откровенное недоумение.

И Саттар Мукимович... Кому это он так приветливо улыбается и кивает? Неужели мне?.. Шерали на всякий случай тоже улыбнулся и кивнул в ответ.

Шерали вспомнил своего учителя и наставника Камала Нурбаева, который сравнивал таких людей с облаками. Облака не могут ни двигаться самостоятельно, ни обрести какую-либо форму. Так и эти люди лишены самостоятельности — ни шагу ступить, ни слово свое сказать. Словно бы они чужие тени...

Нурбаев любил повторять, что настоящий ученый, хоть и не может обойтись без дорог, проторенных другими, но в конце концов обязательно выходит на целину, где оставляет собственные следы, а по ним следуют другие, и спустя какой-то срок они тоже выйдут туда, куда еще не ступала ничья нога. Идти по бездорожью всегда трудно. И к этим трудностям надо готовить себя заранее.

Шерали окончательно успокоился. Собравшиеся продолжали переговариваться между собой, и поглядывали в его сторону. Одни с удивлением, другие с сочувствием. В глазах у Шерали временами темнело. Но ему не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, что ему плохо. Издалека доносился голос Саттара Мукимовича, а то и вовсе пропадал. Голова словно свинцом налита. Во рту пересохло. Шерали то и дело утыкался взглядом в хрустальный графин на столе. Рядом бокал. Нестерпимо хотелось пить.

Скорей бы уж кончилось это совещание. Однако хватит ли сил подняться?.. Уж как-нибудь... Лишь бы Карима-апа не попросила его выступить. Он сейчас и двух слов не свяжет.

В кабинете усилился гул голосов, задвигались стулья, все стали подниматься с места. Шерали не заметил, когда Карима Музаффаровна поблагодарила собравшихся и закрыла совещание. Кто-то дружески хлопнул его по плечу. Вали-ака. Лицо у него желтое. Видимо, не совсем еще оправился после болезни. Взгляд виноватый и улыбка тоже виноватая. Что-то говорит, но Шерали плохо понимает. И другие что-то говорят, жмут руку. Шерали улыбается, кивает. Кто-то берет его под руку. Вали-ака. Они вместе выходят из кабинета, идут по коридору, спускаются по широкой мраморной лестнице.

Во дворе прохладный ветерок овеивает лицо, и Шерали становится легче.

— Поздравляю вас, поздравляю. А помните, как вы в первый раз пришли к нам? Помните?

— Конечно, помню. Ведь это было не так давно, чтобы забыть.

— Если бы я не заболел, все было бы иначе! Я бы не дал вас в обиду,— говорил Вали-ака, шагая с ним рядом.— А то, что я хотел вас отговорить, так это... Мне было жалко, что вы столько сил потратили на предыдущую работу, и вдруг решили бросить. И столько времени пропало зря!

— Наверное, не зря все-таки. Иначе я не пришел бы к выводу, что надо начать все сначала.

Шерали открыл дверь и пропустил Вали-ака вперед, а сам остановился на пороге.

В лаборатории Дильбар была одна. Она обернулась и устремила на Шерали беспокойный взгляд.

— Здравствуй, Дильбар,— поздоровался с ней Вали-ака и, посмеиваясь, добавил:— Старого человека можно и не заметить, да?

— Ой, извините,— смутилась Дильбар.— Я забыла, что мы с вами сегодня еще не виделись.

— Ничего, ничего.

— Ну, как— спросила Дильбар, согнав с лица улыбку и опять устремив нетерпеливый взгляд на Шерали. В эту минуту она была удивительно похожа на мать.

— Велено продолжать эксперимент,— улыбнулся Шерали.— А кое-кого обязали не спускать с меня глаз, чуть ли не ежедневно подвергать обследованию. Так что у кого-то хлопот из-за меня прибавится.

Дильбар засмеялась, захлопала в ладоши и радостно спросила:

— У кого же, если не секрет?

— Шерали, наверное, хотелось бы, чтобы это были вы!— вставил Вали-ака, глядя на нее поверх очков.— Однако матушка ваша это дело доверила мне. А вы, если хотите, будете мне помогать. Для начала возьмите у него на анализ кровь.

Едва Дильбар успела справиться с этой процедурой, позвонили из рентгенкабинета:

— Можно Халмурадова?

— Да,— сказала Дильбар и передала ему трубку.

Его попросили срочно зайти и сделать снимки.

Он еще не успел одеться, как в кабинете раздался телефонный звонок. Трубку сняла медсестра.

— Да, у нас,— сказала она.— В кардиологический? Хорошо, передам.

Оказывается, его по всему институту разыскивал кардиолог.

Сделав Шерали кардиограмму, врач сказала, чтобы он зашел в соседний кабинет к терапевту.

Терапевт осматривала его долго и внимательно, постукивая ему твердыми пальцами ребра; выслушивала, прикладывая фонендоскоп к груди и спине, то велела глубоко дышать, то затанть дыхание; потом велела лечь на кушетку, подогнуть колени и стала старательно мять ему живот. Разрешиив, наконец, одеться, несколько секунд она сочувственно смотрела на него серыми, увеличенными стеклами очков, глазами и, вздохнув, предупредила:

— Изрядно намучаетесь! Организму непросто бороться с аскаридозом. Конечно, если хотите, я вам выпишу лекарства...

— Не надо,— сказал Шерали.

Шерали знал, что самое трудное впереди. Состояние его будет день ото дня ухудшаться. Вечерами он будет записывать, скрупулезно припоминая, все свои дневные ощущения, а по утрам — как себя чувствовал ночью, какие мысли приходили в голову... И так, главное для него теперь — это прислушиваться к себе и своему организму, фиксировать малейшие отклонения от нормы, стараясь ничего не упустить.

...Он из последних сил поднимался в гору по крутому склону. Горячий встречный ветер, как кляп, забивал глотку и вызывал спазмы, не давая дышать, норовил столкнуть его назад, опрокинуть. Мокрая трава выскользывала из-под ног. Шерали упал, покатился по камням вниз — и сорвался с обрыва... «А-а-а!» — вырвался глухой сдавленный крик. И он проснулся...

За окном серело утро. Хотелось пить. В холодильнике оставалась бутылка боржома, открытая накануне вечером перед тем, как лечь. Но будто какая-то страшная тяжесть придавила плечи, не давая ему встать. Он с трудом приподнял голову и ощутил в затылке острую боль, от которой потемнело в глазах. Долго лежал, не решаясь пошевелинуться, а когда опять открыл глаза, солнце заливало город горячим светом, прогоняя с улиц синюю прохладу, проникало в комна-

ту между раздвинутых штор и уже успело впечатать в противоположную стену еще одно окно.

Интересно, который час? По пути на работу мог зайти кто-нибудь из сотрудников. В последнее время они зачастили к нему. Шерали не любил, если кто-нибудь застал его в постели. Наверное, у него при этом был чересчур жалкий вид, ибо тут же начинались оханья да аханья.

Он радовался только приходу Дильбар. Он даже чувствовал тот момент, когда ее машина останавливалась у подъезда. Замерев, вслушивался, когда раздадутся на лестничной площадке шаги девушки, и спешил в прихожую открывать дверь...

— Что-нибудь ели?— спрашивала Дильбар с порога.

В считанные минуты она успевала вскипятить и заварить ему чай, приготовить бутерброды. Убедившись в том, что он сыт, уходила.

А он подходил к окну и смотрел, как она садится в машину и отъезжает.

Преодолев слабость и подступившую к горлу тошноту, Шерали медленно поднялся и нашарил ногами войлочные тапки. Облачился в чапан, перепоясался бельбагом и открыл форточку. Прохладным потоком в комнату хлынул свежий воздух. А вместе с ним и уличный шум: погромыханье проехавшего мимо грузовика, шарканье ног и говор торопящихся людей. Шерали прижался горячим лбом к стеклу. Нет, белых «Жигулей» не видно. Он стоял так и наслаждался прохладой, чувствуя, как в него вливается бодрость. Однако очень скоро он озяб и отошел от окна, так и не дождавшись ее машины.

На столе в беспорядке лежали пособия по паразитологии, эпидемиологии, гельминтологии. Он собрал их и поставил в шкаф. Поплелся на кухню. Приоткрыв крышку, заглянул в фарфоровый чайник — на дне темнела высохшая старая заварка. Надо бы заварить свежего чаю... И вдруг его пронзила острая боль под ложечкой — будто кто всадил нож по самую рукоять. Он схватился за живот, переломившись пополам. Чайник грохнулся на пол и разлетелся на куски. Ноги сделали ватными, пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Шерали с трудом добрался до дивана и повалился на него, поджав колени. Его трясла дрожь. «Все!.. Все...— думал он.— Если через секунду не отпустит, то конец...» К его великой радости, боль постепен-

но стала ослабевать. Но даже когда она совсем прошла, он еще долго лежал неподвижно, боясь сделать хоть одно движение, чтобы не спровоцировать новый приступ. И впервые подумал: «Может, все-таки зря я это затеял?.. Наверное, права была Карима-апа, советуя прибегнуть к испытанному способу — экспериментировать на собаках. А я обрек себя на собачью жизнь... Вон в той аптечке целый арсенал всяких средств. Попринимаю три-четыре дня — и буду здоров.— Не отнимая от живота рук, он сел и спустил с дивана ноги.— А что скажет Дильбар? Ничего. Рассмеется только...— В ушах Шерали зазвенел ее смех, он увидел ее глаза, без веселых искорок, вместо них ironия и разочарование.— А Карима-апа? Уж она-то не преминет высказаться со всей откровенностью относительно Халмурадова и его неудавшегося опыта!.. А все остальные?.. Нет, на попятный идти поздно. Как говорится, взялся за гуж... Пока есть хоть капелька сил, надо держаться. Иначе и не стоило ничего затевать. Иначе недолго стать и посмешищем всего института...»

Шерали зашел в ванную. Стоя перед зеркалом, взбил кисточкой в пластмассовом стаканчике мыльную пену и стал бриться. Скулы у него выпирали, кожа сделалась бледной и сухой, как бумага. Он подмигнул своему отражению: «Ну, как, справимся, а?..— и заверил себя:— Справимся!» Затем поставил на плиту чайник и вынул из холодильника завернутую в пергаментную бумагу казы¹. Купленная позавчера на базаре лепешка зачерствела — хоть о колено ломай. С хрустом надкусил ее. Хотелось пить. Аппетита не было, но сосало под ложечкой. Стоило проглотить хоть крошку, боль в животе унималась. Поэтому, уходя куда-нибудь из дому, ему приходилось класть в карман завернутый в бумагу бутерброд (уподобясь сердечникам, которые носят с собой валидол или нитроглицерин), а потом жевать, сидя в троллейбусе.

Сегодня он опять должен сдавать анализы. Скоро одиннадцать, пора выходить. Опять не успел прибрать в комнате. Даже посуду не помыл. Ладно, оставим это до вечера...

Воздух уже раскалился. В пыли купались воробьи. Говорят, это к дождю. Но на небе ни облачка. Дворник полил из ведра тротуар и медленно двигался навстречу

¹ Казы — колбаса из конины.

Шерали, махая вправо-влево длинной метлой. Шерали перешел на другую сторону улицы. Обогнав его, пробежала шумная ватага мальчишек в серой школьной форме с добротными ранцами и портфелями. Проводив их взглядом, Шерали подумал о своем детстве. Как он мечтал...— нет, не о мопедке и даже не о велосипеде!— об обыкновенном портфеле. Настоящем. До пятого класса он ходил в школу с тряпичной желтой, испятнанной чернилами, сумкой, которую ему сшила мать. А тот день, когда она купила ему клеенчатый портфель, с ремешком и крошечной пряжкой вместо металлического замка, запомнился на всю жизнь... Одежду ему мать шила сама. Это обходилось дешевле. Рубашки, брюки он носил до тех пор, пока они не начинали разлезаться. Мать зашивала, латала... Хоть бы что-нибудь сохранилось из тех вещей! Кроме единственной фотографии матери, с которой он сделал портрет и повесил над диваном, ничего не сохранилось.

Дойдя до перекрестка, Шерали подождал, когда загорится зеленый свет, и пересек центральную улицу. Троллейбуса, видимо, не было давно, и на остановке собралось много людей. Две женщины довольно громко обсуждали махаллинские новости: кто-то вернулся из армии и сватает соседскую дочь, а родители ее артачатся, хотя сама девушка вроде бы согласна; хорошо было в старые времена: если любят друг друга, а жених — настоящий джигит, не слюняй,— умыкнул любимую, и дело с концом; пусть тогда родители локти кусают, сами виноваты... Чувствительно задев Шерали, мимо него проследовала толстая старуха и, сняв с головы, опустила на землю огромное ведро, полное винограда.

Возле киоска тоже стояла очередь. Шерали пристроился в конце, купив газету, отошел в сторону и, прислонившись к дереву, стал читать. Никарагуа... Рейган... Ливан...

Толпа на остановке заволновалась, пришла в движение. Подкатил троллейбус. Шерали кинулся в гущу, пришлось изрядно поработать локтями, пока, наконец, ему удалось протиснуться к ступенькам, вот и для ноги отыскалось место. Дверь за спиной со скрежетом сомкнулась. Поехали! В глубине салона громко плакал ребенок, и кто-то с раздражением выговаривал матери, что она не может его унять.

Зажатый со всех сторон, Шерали взмок, пока доехал до института.

В лаборатории Вали-ака был один. Нахохлившись, сидел он на своем обычном месте и что-то записывал в журнал.

— Ну, как?— не меняя позы, спросил он после того, как ответил на приветствие.

— Ничего. Терпимо.

— Терпение — это, конечно, прекрасно, однако вы не из железа, не забывайте.

— Это уж точно.

— Значит, так,— заведующий, взял из стопки бланков чистый листок, что-то размашисто написал и протянул Шерали.— Сейчас сдайте анализы. А потом, коль уж вы явились, прошу изложить подробнейшим образом наиболее важные моменты вашего эксперимента за последнюю неделю.

В отличие от Вали-ака Шерали не любил лишней писанины. А может, для ученого это не такая уж плохая черта — все скрупулезно записывать? Но где взять такую массу времени? И когда Вали-ака успевает этим заниматься? Внешне он производит впечатление человека медлительного, бесстрастного ко всему происходящему. Даже когда среди коллег разгораются горячие споры, он помалкивает и лишь усмехается. А когда страсти поулягутся и спорящие исчерпают весь запас аргументов, вот тогда и он скажет свое слово. И, несмотря на свою трусоватость, нередко попадает в точку. Его любимую поговорку: «Хороший конь лишь перед самым финишем вырывается вперед», в институте знают все.

Шерали было неудобно отказывать старику. Появись, он, однако, сказал:

— Я же об этом дважды рассказывал на Ученых советах, Вали-ака.

Тот медленно обернулся и, наклонив голову набок, несколько секунд внимательно смотрел на него.

— Вы считаете, я обязан помнить каждое ваше слово, сказанное на совете?

— Существует стенографическая запись.

— Ладно. Если вам трудно, так и скажите. Обойдусь,— обиделся Вали-ака и отвернулся.

— Да нет, не трудно. Я каждый день веду записи, как вы учили. Хочу подготовить брошюру. Но все это у меня дома. Я привезу...

— Не утруждайте себя. Отчет я должен сдать сегодня.

Вали-ака выдвинул ящик стола и принялся ворошить

в нем бумаги. Положил какие-то исписанные листки в черную папку, аккуратно завязал тесемочки и, сунув папку под мышку, вышел из лаборатории.

Взгляд Шерали неожиданно уткнулся в новый плакат на стене: на ядовито-желтом фоне извивается, вылезая из яйца, огромный червь, вызывающий аскаридоз. Ну и мерзость! Лицо Шерали исказила болезненная гримаса. Он метнулся к окну, распахнул обе створки. После нескольких глубоких вздохов полегчало.

Наверное, Леонид Михайлович тоже часто стоял у этого окна и смотрел во двор, видел этот сад и убегающую в его глубь дорожку.

Во двор въехали белые «Жигули». Машина плавно проплыла за стволами деревьев, свернула к главному зданию и остановилась под платанами. «Дильбар!..— у Шерали сильно заколотилось сердце.— Сейчас она придет сюда!..» И вдруг он поймал себя на мысли, что ему не столь важно было сдать сегодня анализы (это можно было сделать и завтра), сколько хотелось увидеть Дильбар. Щелкнула, захлопнувшись, дверца автомобиля, и девушка бегом поднялась по ступенькам главного входа.

Шерали вышел из лаборатории и побрел в сад. Его скамьи почти не было видно за одичавшими гранатовыми кустами. С нее облезла вся краска, и только оставшиеся кое-где пятна выдавали, что некогда она была зеленой. Шерали смахнул рукой мусор и сел.

У него остался неприятный осадок из-за того, что, сам того не желая, обидел Вали-ака, тихого, скромного человека. Шерали не помнит, чтобы он когда-нибудь повывсил голос, утратил самообладание.

Вали-ака уже много лет работает над изучением болезней, разносчиками которых являются тараканы, и собрал такой богатый материал, которого хватило бы, наверное, на докторскую диссертацию. Но Вали-ака не торопился.

Однажды Шерали спросил: «Вали-ака, почему бы вам не защитить докторскую?»—«Эх, да разве это в жизни главное?»— ответил тот. «А что же, по-вашему, главное?»—«Главное— это в конце жизни сказать себе: «Я сделал все, на что был способен! А чего не успел— сделают другие...»

Услышав звук шагов, Шерали поднял голову и увидел приближающуюся по тропинке Дильбар. У нее новая прическа. Волнистые черные волосы зачесаны на один бок. На лице улыбка.

— Зашла к вам домой, а вас нет. В лаборатории тоже нет. На всякий случай решила заглянуть сюда.

— А я вас сегодня не дождался,— улыбнулся Шерали.

— У нас гостила мамна близкая знакомая, мне пришлось утром отвезти ее в аэропорт, а рейс задержали на целых два часа,— сказала Дильбар.

Шерали, заметив, что она хочет сесть, расстелил на скамейке платок. Девушка поблагодарила и села. Помолчав, спросила:

— Я вам не помешала?

Шерали вопросительно глянул на нее.

— Вашей беседе с Леонидом Михайловичем,— улыбнулась Дильбар.— Вы говорили, что приходите сюда советоваться с ним.

Шерали кивнул. Ему очень хотелось обнять девушку за плечи и привлечь к себе. Но он тут же отогнал эту мысль.

— Почти год минул с тех пор, как я нашел его тетрадь,— сказал он и вздохнул.— А все еще топчусь на месте.

— Это не так уж и много, если вспомнить слова Вали-ака: «Имена ученых с годами забываются. А их открытия живут вечно!» Помните?

— Но если вспомнить о том, что многим из ученых не хватило месяца, недели, а то и одного дня, чтобы сделать новое открытие, то год — это очень много.

— Шерали-ака, в вашем ли возрасте позволять себе такие мысли?

— Об этом, ей-богу, не грех думать почаще.

Дильбар прислонилась к спинке скамьи и устремила мечтательный взгляд к небу.

— Смотрите... Вон то облако похоже на белого журавля, правда?— сказала она после некоторой паузы; ей хотелось отвлечь Шерали от его невеселых мыслей.

— Который отстал от стаи.

— Он полон сил... И догонит свою стаю.

— Если его не настигнет зима.

— Не настигнет. Он будет лететь и лететь.

— А надолго ли у него хватит сил?..

— Временами он будет садиться и отдыхать.

Облако действительно было похоже на вытянувшегося в полете и распластавшего крылья журавля. Оно постепенно меняло очертания, таяло. «Сейчас и следа от него не останется,— подумал Шерали.— Так и чело-

век... Хотя... Не прав я, наверное, сравнивая жизнь человека с растаявшим облаком. Каждый человек оставляет в жизни след».

Дильбар зябко передернула плечами и поднялась.

— Год, о котором вы так сожалеете, складывается из минут, а мы их тут с вами вон уже сколько потеряли.

— Да, вы правы,— кивнул Шерали, не заметив в ее тоне иронии, и тоже поднялся.

У него закружилась голова, и он схватился за спинку скамьи. Дильбар взяла его под руку и сказала:

— Мужчины всегда подводит самоуверенность. Обопритесь о мою руку.

Тропинка вывела на аллею. Шерали подумал, что их могут увидеть и это сегодня же станет известно Кариме-апе.

В лаборатории никого не было...

Дильбар надела халат, упрятала волосы под высокую белую шапочку. Пока она, привстав на цыпочки, доставала из шкафа колбу с широким горлышком, из которой торчало несколько стеклянных трубочек, Шерали сел возле ее стола и закатал рукав рубашки. Дильбар ветрянула пузырек, смочила вату, и в комнате сразу распространился запах спирта.

Вошел Зияхан и громко поприветствовал их с порога. Коричневая фетровая шляпа слегка придавила его вьющиеся волосы, и они казались еще длиннее, закрывали уши и почти касались плеч. Поставив на пол пузатый желтый портфель и сняв шляпу, он прошел к зеркалу и стал причесываться. Шумно потянув носом, деланно рассмеялся:

— Ого, уж не коньяк ли вы тут распивали? А меня в компанию примете?

— Увы, мы уже кончили пировать!— ответила в тон ему Дильбар, сжимая палец Шерали, чтобы выдавить на стеклышко капельку крови.

Облачившись в халат, Зияхан приблизился к ним.

— Что-то я стал в последнее время кругом опаздывать. А при этом неизбежно возникает ощущение, что ты лишний. Как чувствуете себя, дружище?

— Почти на седьмом небе.

— Bravo! Я бы на вашем месте себя чувствовал точно так же,— сказал Зияхан и окинул Дильбар долгим взглядом.

— Каждый хорош на своем месте.

— Не сомневаюсь. Особенно если над ним уже вьется птица счастья!

— Да-а? Я еще не успел ее заметить.

Зияхан ухмыльнулся и снова задержал на Дильбар взгляд.

— Наверное, со зрением не все в порядке.

Дильбар взглянула на него из-под нахмуренных бровей:

— Что-то вы сегодня чересчур остроумны и веселы. Ухватили за хвост свою птицу счастья?

— Если бы так!— рассмеялся Зияхан, продолжая пронизывать ее взглядом.— Птица, к сожалению, всего одна...

— В таком случае, она наверняка выбирает самых достойных.

— К сожалению, птица счастья тоже может ошибаться,— вздохнул Зияхан и, опустившись на стул, закинул ногу на ногу.

— Может, хватит на сегодня острот!— процедил сквозь зубы Шерали, застегивая на манжете запонку.— Если есть желание, поговорим серьезно. А бросать камешки в чужой огород — занятие не самое достойное.

— Ну, что вы? Какие камешки?— сверкнул Зияхан золотыми зубами.— Я вас прекрасно понимаю, кто в наше время не жаждет славы!..

— Может, и так. Но одни добиваются ее трудом! А другие подбираются с черного входа!

— Вы слышите, Дильбархон?— закричал Зияхан.— Вы понимаете, на что он намекает? Он хочет сказать, что я вхож к Кариме-апе! Да-да! Вхож! Ну и что с того?— вскочил с места Зияхан и гневно засверкал глазами.— Карима-апа — настоящий ученый! И вам за всю вашу жизнь не сделать столько, сколько сделала для науки она! Хоть тонну этих червей съешьте!..

Шерали почувствовал, как снова к горлу подступила тошнота.

— Перестаньте, сейчас же!— крикнула Дильбар.— Как вам не стыдно?

Она сорвала с вешалки пальто и вышла...

* * *

Пасмурные дни, наверное, на всех действуют одинаково — на душе становится тоскливо. Особенно, если ты болен и не в состоянии не только пойти куда-нибудь

разветья, но и прочесть несколько страниц даже из самой интересной книги. Шерали пытался что-то записать, но пальцы были столь слабы, что с трудом выводили буквы.

После полудня позвонил Вали-ака и сказал, что часам к пяти обещал подъехать известный специалист по легочным заболеваниям, которому Шерали обязательно надо показаться. Так что Шерали непременно надо было заехать сегодня в институт.

Пульмонолог задерживался. Шерали прохаживался по усыпанной желтыми листьями аллее и поглядывал время от времени на ворота, в которые с минуты на минуту должен был въехать уже знакомый ему зеленый «Москвич» с красным крестом.

День был уже на исходе. Последние лучи солнца, пронизав затянувшие горизонт тучи, веером рассыпались по небу. В поредевшей кроне чинары, разбросавшей по небу темные зигзаги ветвей, сидела пара майн и грустно переключалась. Обычно в эту пору их сородичи откочевывают далеко на юг, а эти остались. Наверное, зима будет теплой.

Скрипнув пружинами, глухо стукнула дверь главного входа института. Шерали увидел спускающуюся по ступенькам Дильбар. Хотел свернуть в боковую аллею, но она успела его заметить. С тех пор, как она стала свидетельницей их неловкого разговора с Зияханом, он видел ее впервые. И в лабораторию-то не зашел, чтобы избежать с ней встречи.

— Вы домой?— спросила Дильбар, подав руку в белой тонкой перчатке.

— Нет. Жду пульмонолога.

— Да. Вали-ака говорил. А потом?

— Потом...— Шерали пожал плечами.

— Тогда я вас подожду.

— Но я не знаю, скоро ли освобожусь.

— Ничего, я не спешу.

Они прошлись несколько раз по аллее.

Из приземистого здания, где находился рентгенкабинет, выглянула медсестра и крикнула издали, судя по всему, раздосадованная, что ей приходится задерживаться:

— Шерали Халмурадович! Сколько же можно вас ждать?

— Меня?— удивился Шерали и вдруг увидел стоя-

щий неподалеку зеленый «Москвич» с надписью на борту «Медслужба».

Увлечшись разговором с Дильбар, он не заметил, когда машина въехала во двор. Извинившись перед девушкой, поспешил к неказистому зданию.

— Ну, так я вас жду!— крикнула вслед ему Дильбар.

В рентгенкабинете было темно. Сняв рубашку, Шерали втиснулся боком в аппарат.

— Спокойнее, пожалуйста. Спокойнее... Торопитесь куда-нибудь?— сказала рентгенолог, хрипловатым, как у всех курящих, голосом.

— Ваш аппарат может уловить и это?

— Не только. Даже то, что у вас в сердце,— засмеялась рентгенолог, поворачивая его и так и эдак.

— И что же в нем?

— Конечно, любовь. Что же еще?

Шерали тоже рассмеялся.

А рентгенолог все поворачивала его то в одну сторону, то в другую, заставляя глубоко вдыхать и выдыхать.

— Одевайтесь!— буркнула она наконец.

Включили свет. Пульмонолог окинула Шерали сквозь очки внимательным взглядом и, ни слова не сказав, стала записывать что-то в «историю болезни». Затем глянула на него через плечо и, нахмурив брови, обронила:

— Организм ваш — настоящее «Куликово поле».

— И ситуация на моем участке, кажется, неважнецкая?

— Да. Пожалуй, самое время запрашивать подкрепление. Если немедленно не приступить к лечению, последствия трудно предсказать.

— А как обстановка в лагере моего противника? Ведь чем он активнее, тем больше должно быть у меня разведанных.

Врач, сверкнув очками, еще раз окинула его внимательным взглядом.

— Разумеется, немало зависит и от того, долго ли еще продержится в вас этот оптимизм... Я тут подробно все пишу. Потом внимательно изучите. А разведка вам, во всяком случае, может рекомендовать одно: чем раньше вы закончите свой эксперимент, тем лучше будет для вас.

Шерали кивнул. А про себя подумал: «...И тем хуже для науки».

Дильбар дожидалась его в машине. Она сидела, открыв дверцу, и слушала транслируемый по радио концерт Батыра Закирова. Убавив звук, она спросила:

— Ну, как?

— Здоров, как кентавр!— сказал Шерали.— Мой организм выдержит еще не один эксперимент! Я, оказывается, прямо создан для этого.

— По вашему виду этого не скажешь,— проговорила Дильбар, разглядывая Шерали внимательнее, чем обычно.— На вас же лица нет...

— А что такое лицо? Это не главное. Если на вашем автомобиле отколупнулась эмаль, появилась где-то ржавчина, вы же не станете считать его не пригодным к эксплуатации,— заметил он, смеясь, и плюхнулся на заднее сиденье; и сразу же, едва успев прикрыть рот платком, закашлялся.

Машина легко тронулась. Выехав со двора, свернула вправо и помчалась по улице, по обе стороны которой за глинобитными изгородями белели аккуратные частные дома. На голубом фоне неба проглядывали легкими штрихами прозрачные кроны деревьев, похожих на старые метелки. Стекло слева от Дильбар было опущено, встречный ветер врывался в салон, трепал ее волосы. В зеркале заднего вида Шерали мог разглядеть сосредоточенные, чуть прищуренные глаза Дильбар. От девушки не укрылось, что он ее рассматривает, и она улыбнулась.

— А мама спрашивала о вас.

— Обо мне?

— Да.

— Мне кажется, скорее растают ледники на полюсах земного шара...— усмехнулся он.

— Напрасно вы так считаете,— насупила брови Дильбар.

— Неужели и правда спрашивала?

— Она знает, что я иногда помогаю вам. Потому и думает, что я более других осведомлена о ходе вашего эксперимента... Зашли бы сами как-нибудь к ней да рассказали.

— Во-первых, к начальству надо идти с готовыми данными, а у меня пока что ничего определенного...

— Ну, а во-вторых?..— спросила Дильбар, когда пауза затянулась.

— К Кариме Музаффаровне захожу только определенные лица, я же привык заходить в ее кабинет только по вызову...

Дильбар, сделав вид, что последние слова Шерали пропустила мимо ушей, сказала:

— Главное, что вы хотели уяснить для себя, уяснили. Вряд ли кто теперь станет оспаривать ваши доводы относительно того, что яйца аскаридов опасны для человека и по прошествии десяти лет...

— Да, но мне еще не известно,, как при этом протекает болезнь: так же или имеет какие-то особенности.

Их взгляды снова встретились в зеркале заднего вида.

— Как бы все наши старания не пошли прахом,— проговорила Дильбар.

— Почему это?

— Я бы сейчас охотнее отвезла вас не домой, а в больницу.

— Спасибо, Дильбархон, у вас доброе сердце... вы так много для меня делаете...

— По-моему, ровным счетом ничего.

— Вам, наверное, трудно себе представить, что вы для меня значите.

Дильбар мельком взглянула в зеркало. Губы ее дрогнули, словно она хотела о чем-то спросить, но лишь неопределенно повела плечами.

Впереди замелькали огни светофоров, как бы предупреждая, что машина приближается к главной магистрали.

Дильбар поставила ногу на тормоз и, как только вспыхнул зеленый свет, нажала газу, повернула баранку влево, и они влились в несущийся по главной улице поток автомашин.

Шерали, не привыкшему к чужому вниманию, было приятно думать, что Дильбар обеспокоена его здоровьем. После смерти матери он не помнит, чтобы кто-то пожалел его, проявил о нем заботу... Что и говорить, с малых лет не был обласкан жизнью. Отца совсем не помнит. Когда он ушел на войну, ему было всего несколько месяцев. Ушел и не вернулся.. Мать так и не дождалась от него ни единого письма. «Черное письмо» — извещение — пришло от его командира. А в доме не оказалось ни одной фотографии отца. Все хотели родители пойти сфотографироваться вместе, да так и не собрались. Хорошо, хоть мамина фотография осталась. Мама

умерла, когда он учился в шестом классе. Близких родственников у них не было, и Шерали остался в целом свете один. Потом — детдом. Любимым местом Шерали в детдоме была библиотека. Он с ранних лет пристрастился к чтению, а еще его просто тянуло к Марии Ивановне, библиотекарше, которая всегда была с ним ласкова, как мать. Эта пожилая добрая женщина приехала из Ленинграда, после того, как наши прорвали блокаду. Вернее сказать, ее привезли: она была так истощена, обессилена, что не могла двигаться. В блокаду она потеряла дочь и двоих внуков. Может, Шерали напоминал ей одного из них. Когда она гладила его по голове, он часто замечал в ее глазах слезы... Мария Ивановна сама подбирала ему интересные книжки...

Когда Шерали окончил десятый класс, Мария Ивановна уговорила его поступить в медицинский. Учился Шерали хорошо, получал повышенную стипендию. Жил в общежитии. Если выдавалось свободное время, покупал дешевых конфет, печенья и ехал проведать Марию Ивановну. Она всегда очень радовалась его приходу. Тут же принималась что-нибудь стряпать, чтобы его угостить.

На четвертом курсе лекции по эпидемиологии им читал Вали Тиллаевич. Тогда-то и приглянулся ему Шерали Халмурадов. Принимая у него зачет, Вали Тиллаевич сказал: «Сдается мне, молодой человек, вы прирожденный эпидемиолог. Прекрасно разбираетесь в предмете. У вас скоро практика. Проситесь к нам. Буду очень рад видеть вас у себя».

Вали-ака руководил его практикой. А позднее лично обратился к руководству медицинского института с просьбой направить Шерали Халмурадова работать в НИИ.

Вали-ака был человеком откровенным и не скрывал, если был работой Шерали недоволен, а когда подопечный того заслуживал, на похвалы, не скупился. Два года спустя он уговорил Шерали поехать учиться в аспирантуру. Получив его согласие, написал письмо в Ленинград Камалу Нурбаеву, с которым его связывала давняя дружба. По его словам, они «под одним одеялом выросли». Мальчишками жили по соседству — в махалле¹ Кукмачит, учились в одном классе, вместе озорвали...

¹ Махалля — квартал города.

Камал Нурбаев встретил Шерали приветливо. Вечером был накрыт стол, приглашены гости. А весь следующий воскресный день они посвятили осмотру города. Камал Нурбаевич водил Шерали по улицам, по площадям, названия которых он слышал с детства, рассказывал о декабристах, Пушкине, Мечникове, основавшем совместно с Гамалеей первую в России бактериологическую станцию. Когда они ехали в электричке в Петергоф, Камал Нурбаевич показал на полого бугрящиеся вдаль холмы, покрытые лесом, и сказал, что в этом месте проходила линия обороны, дальше которой фашисты не смогли сделать и шагу. Он ткнул в стекло пальцем: «Во-он на том холме и сейчас еще есть следы окопов. Время от времени бываю там. Вокруг цветут одуванчики, воздух напоен ароматом трав, птицы поют. А у меня в ушах грохот от рвущихся снарядов, пулеметных очередей, стоны раненых товарищей, и в горле спазмы от порохового дыма... Эх, не дай вам бог увидеть это даже во сне...»

В семнадцать лет ушел Камал Нурбаевич на фронт добровольцем, защищал Ленинград и был тяжело ранен. С поля боя его, полуживого, истекающего кровью, вынесла, рискуя собственной жизнью, совсем еще девчонка, санитарка Валя... После войны он поехал в Ленинград, разыскал Валу, и они поженились. С тех пор он и живет здесь. Теперь у них трое взрослых детей, два сына и дочь.

Готовясь к экзаменам, Шерали жил в общежитии. Какие бы ни возникали вопросы, он тут же звонил Камалу-домле¹ и получал разъяснения и добрые советы. Когда Шерали узнал о своем зачислении в аспирантуру, первый, кому он сообщил об этом, был его наставник. И Камал-домла обрадовался не меньше его самого. «После шести будьте дома, никуда не уходите»,— сказал он.

Вечером Камал Нурбаевич прислал за Шерали своего старшего сына Сафарали на машине. И, встретив его в прихожей, обнял.

— Ну-ка, Шералиджан, в честь такого дня приготовьте-ка нам плов по-самаркандски! Очень соскучился,— сказал он.

Поистине никто не может приготовить плов по-самаркандски лучше самаркандца. Вся семья помогала Шерали. Кто перебирал рис, кто нарезал морковь и лук,

¹ Домла — обращение к ученому человеку.

кто резал на куски баранину. Валентина не отходила от гостя, старалась запомнить, как и что он делает. «Хочу научиться,— говорила она.— А то, как ни стараюсь, муж говорит: «Это же обыкновенная каша!»»

Даже у настоящего ошпаза¹ плов получается не всегда одинаковый. У Шерали в тот раз вышел на славу.

Все торжественно расселись вокруг стола. Шерали водрузил на середину его керамическое блюдо с янтарной горкой плова, поверх которого лежала нарезанная кружочками казы.

Шерали заставили сесть на самом почетном месте, у торца стола.

— Сегодня у нас такой знаменательный день, что не грех и выпить,— сказал Камал Нурбаевич, доставая из бара бутылку полусухого марочного вина.— Выпьем по глотку за будущего ученого Халмурадова Шерали и за Самарканд!..

Валя улыбнулась и еле приметно кивнула.

Дети ждали, когда отец займет за столом свое место и первым отведаст плова.

— Эх, Валя, Валя!.. Ах, дети, дети! Не знаете вы Самарканд!— приговаривал хозяин, наливая в бокалы искрящееся вино.— Это сказочный город. Из тысячи и одной ночи! Нет на свете другого такого города. Будь у меня крылья, я бы каждую осень улетал туда вместе с птицами, а по весне прилетал обратно. Как же прекрасна там осень. На базарах горы душистых дынь, арбузы такие, что едва прикоснешься ножом — так и лопаются!.. А какой в эту пору виноград, м-м-м!.. А инжир!.. Поистине сказочный край!..

— Взяли бы да хоть раз и свозили нас туда!— заметила жена.

— Увы, там нет моря, без которого отпуск для вас не отпуск. Вот и приходится каждое лето уступать вас Крыму! Ну что ж! За Шерали из Самарканда! За Шерали из Самарканда! За его успехи!

— За вас, домла! Успехами своими я обязан вам!

— Нет, нет, за вас! А потом — за Самарканд!

Горка плова на блюде быстро таяла.

После второго бокала Камалу-домле взгрустнулось. Он подпер рукой щеку и хриловатым голосом затянул старинную узбекскую песню.

¹ Ошпаз — повар, готовящий национальные блюда.

Жена направилась в кухню заваривать зеленый чай, особенно приятный после плова. Сыновья и дочь тоже тихо встали из-за стола и разошлись по своим комнатам.

Камал-домла и Шерали, оставшись наедине, несколько минут сидели молча. Потом домла вздохнул и сказал:

— Знаете, чем старше становлюсь, тем сильнее тянет в родные места... Если я все-таки решу вернуться в Самарканд, найдется ли там для меня работа?

— Вы шутите, домла,— смутился Шерали.— Если не для вас, то для кого же?..

Но домла не шутил. Хотя и улыбался краешками губ, в глубине его глаз пряталась тоска.

— Ведь это моя родина... Человек не птица, он не должен покидать тех мест, где родился... Не знаю, поймете ли... я очень люблю Ленинград, но сейчас мне кажется, что нет на свете места лучше, чем махалля Кукмачит в Самарканде. Разве забудешь старые глинобитные дувалы, над которыми нависают ветки огромных урючин, яблонь, орешен, кривые узкие улочки, усыпанные по осени падающими с деревьев абрикосами, яблоками, грецкими орехами... Когда я вижу вас, Шералиджан, то вспоминаю свою молодость. Приходите к нам почаще...

Шерали видел, что домла говорил это не из вежливости и приличия. И действительно старался бывать почаще в доме у Камала Нурбаевича.

За три года учебы он так привязался к нему, что, вернувшись по окончании аспирантуры в Самарканд, очень скучал по домле.словно с родным отцом расстался... В первое время он часто писал письма, делился своими радостями, сообщал о неудачах, поверял ему свои дальнейшие планы. Позже писал ему все реже и реже...

«Сегодня же напишу домле письмо»,— подумал Шерали.

Машина съехала на обочину и остановилась. Дильбар обернулась к Шерали. Он сидел с закрытыми глазами и чему-то улыбался.

— Вы уснули?— спросила Дильбар, коснувшись его руки.

Он вздрогнул.

— Извините, задумался. Может, зайдем, выпьем чаю?

— Спасибо, Шерали-ака. Сегодня мы с мамой идем в театр.

Шерали вышел, осторожно закрыл дверцу и помахал Дильбар рукой. Она кивнула с улыбкой, машина фыркнула и, выбросив из-под колес щебенку, рванулась вперед, понеслась, не давая себя обогнать стремительно промчавшейся мимо Шерали «Волге». Он улыбнулся, подумав, что Дильбар из упрямства ни за что не уступит лихачу, считающему, как видно, унизительным ехать вслед за машиной, в которой за рулем женщина...

* * *

Услышав голоса девушек, их переливчатый смех, Шерали поднял голову. Дильбар и Галина вышли на небольшую площадку и, отступив на несколько шагов, разглядывали фасад гробницы, с которого осыпалась почти вся цветная плитка и теперь лишь с трудом можно было вообразить, какими узорами некогда были украшены эти стены.

— Вот я вас почти и настиг.

— Возвращайтесь потихоньку. Зря вы вообще поднимались. Нам осталось осмотреть еще две-три гробницы и — обратно. Подождите нас внизу.

Девчата взяли за руки и, направившись по узкому проходу, исчезли за углом.

«Возвращаться?.. Когда осталось всего несколько ступеней до самой верхней площадки?.. Тридцать восемь... Тридцать девять...— Шерали устремил взор вверх, стараясь не думать про боль под ложечкой и в груди — будто кто-то стиснул его мертвой хваткой, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. И ноги не повинуются, словно это протезы, а не ноги.— Тридцать девять...» Надо идти, пока не подогнутся колени, пока глаза различают ступени. Еще чуть-чуть отдохнет и снова пойдет. Ему казалось, что он поднимается очень быстро. Но вот его обогнали парень и девушка. И не сказать, чтобы они спешили. Парень оглянулся. Потом и девушка.

— Вам помочь?— спросил парень.

— Нет, нет, спасибо,— улыбнулся Шерали.— Я просто не спешу.

Парень с девушкой вступили под своды гробницы, откуда только что вышли Дильбар с Галиной. Может, отдохнуть, пока их не видно? А то как-то неловко выглядеть таким немощным, хотя Дильбар не раз уже ви-

дела его обессилевшим. За время его болезни они очень сблизились, без нее он вряд ли пошел бы на поправку так быстро.

Чувствует он себя гораздо лучше, но в институте показывается все же редко, раз или два в неделю. Зато, когда появляется в лаборатории, он по лицу Дильбар видит, как она ему рада. Выдают ее глаза. В первые секунды он читает в них беспокойство. Если он выглядит хуже, на лицо ее набегают тень; если лучше, она, просясь, принимается докладывать ему о результатах предыдущих анализов.

Нередко Шерали заставлял девушку в лаборатории одну.

Они усаживались рядом на диван, и Шерали рассказывал, как жил последние несколько дней, что сделал, что прочитал.

Случалось, заглянув в лабораторию, их заставлял за беседой Зняхан. Пробурчав себе под нос что-то относительно того, что в то время, как совестливые люди трудятся в поте лица, некоторые пребывают в праздности, и, взяв какие-то бумаги из своего стола, он поспешно уходил.

— Опять маме наябедничает, — замечала со вздохом Дильбар, а глаза у самой смеялись.

Какое-то время спустя и вправду появлялась Карима Музаффаровна. Вид у нее был неприступный. Она была строга в обращении даже с дочерью. Выразительно глянув на нее, роняла, что Дильбар работа в лаборатории, кажется, наскучила, и придется, видимо, перевести ее в другой отдел. Затем принималась расспрашивать у Шерали о его самочувствии, будто за тем только и пришла.

Он нехотя рассказывал. Она слушала и отмечала про себя, что Шерали выглядит все хуже, глаза ввалились еще больше, движения вялы, хотя парень изо всех сил старается казаться бодрым, а сам то и дело кашляет.

Карима-апа задавала еще несколько вопросов, в который уже раз советовала не забывать фиксировать в своем дневнике даже мелочи, ничего не скрывать от врачей, под наблюдением которых он находится и, опять окинув внимательным взглядом, удалялась.

Карима-апа в последнее время все чаще думала о будущем дочери. Еще недавно ей казалось, что счастье улыбается Дильбар. В лице Зняхана она видела достой-

ного жениха. Конечно, не все в нем было ей по нраву, но он обладал поразительным умением устроиваться в жизни. А для мужчины, главы семьи — это качество едва ли не главное.

Дильбар же — ах, глупая девчонка! — своими руками сгоняет с плеча птицу счастья. Неужели она всерьез увлечена этим Халмурадовым?.. Не может того быть! Просто Зияхан настолько влюблен в нее, что любое ее слово, улыбка, взгляд, обращение к другому, вызывают в нем ревность. Кто не ревнует, когда любит! Дильбар, наверное, нарочно старается вызвать его ревность, из озорства. Как бы не переборщила: ведь нить, связывающая два сердца, чем наэлектризованнее, тем легче рвется...

А если Зияхан неспроста бьет тревогу? «Тоже мне мужчина: чуть что — бежит звонить, жаловаться на Дильбар. Какой же ты жених, если невеста совсем власти твоей не чувствует?!. Похоже, этот Халмурадов и впрямь одержит победу. В последнее время его имя просто не сходит с языка дочери. За ужином: «А Шерали-ака сегодня говорил, что...» За завтраком опять! «А Шерали-ака считает, что...» И при этом прямо расцветает на глазах. Веселая, разговорчивая. Но стоит матери сказать что-нибудь о нем нелестное и напомнить о Зияхане, таком элегантном, воспитанном, сыне обеспеченных и влиятельных родителей, что по нынешним временам имеет не последнее значение, как дочь тотчас умолкает, и в глазах ее гаснут искры. Потом за весь день из нее и слова не вытянешь. Может, бросит только: «Ты, мама, не права», — встанет из-за стола и уединится в своей комнате.

Карима-апа старалась гнать от себя беспокойные мысли, но это ей плохо удавалось, уже не одну долгую ночь провела она без сна, вздыхая и ворочаясь. Случалось, и плакала втихомолку. Воскрешала в памяти покойного мужа, советовалась с ним. Спрашивала: «Что же мне делать? Как помочь нашей девочке?» Но муж молчал. Он и при жизни-то всегда молчал. Предоставлял ей самой решать сложные житейские вопросы. Впрочем, если он даже что-то и советовал, она все равно поступала по-своему. И он всегда с ней соглашался. Но тогда она знала, как решается та или иная задача, а сейчас не знает. Нет, не знает...

Как-то попробовала поговорить с Дильбар откровенно.

— Что ты нашла в Халмурадове?

— Он — ученый, мама.

— А Зияхан, по-твоему, кто?

— Он такой, как большинство. А таких, как Шерали-ака, очень мало.

— А себя ты к какой категории относишь?— спросила Карима-апа, не скрывая досады.

Дильбар задумалась и, прежде чем ответить, долго молчала.

— Ты же знаешь, мама, что я занимаюсь научной работой, лишь благодаря тебе. Может, я и достигну в жизни чего-то, но опять же с твоей помощью. Но ученым мне никогда не стать. И ты сама это прекрасно понимаешь. Но коль скоро ты привела меня в науку, должна же я принести какую-то пользу. И мне думается, если я смогу хоть в чем-то помочь настоящему ученому, это и будет моей отдачей, помочь ближнему — разве это так уж плохо?— усмехнулась Дильбар.

— Да этот Халмурадов... Он просто заморочил тебе голову! Ты ему просто нужна в корыстных целях, он не остановится ни перед чем!..

— Нет,— грустно улыбнулась дочь.— Просто он ко мне хорошо относится. А я ему помогаю.

Ну, как объяснить ей, что Зияхан будет носить ее на руках, пылинки с нее сдувать! А Халмурадов этот упрямый, капризный, к тому же теперь еще и... больной. Ученый! А какая тебе от этого польза, если в голове у него только работа, работа и работа. Таким, как он, лучше оставаться холостыми! Поймет ли он тебя, заметит ли, какое у тебя нежное и ранимое сердце? Ведь такие упрямцы ни с кем не считаются, навязывают окружающим свои мысли, желания. Работа, идея у них всегда на первом плане. Для чувств, для любви у них просто нет в сердце места... Как ей это объяснить? Ведь она и слушать не хочет!

Недавно, за ужином, заметив, что дочь углубилась в какие-то свои мысли, Карима-апа спросила:

— О чем это ты?

Дильбар вздрогнула и, слегка смутившись, сказала.

— Сегодня спрашиваю у Шерали-ака: «Вы не согласны с нашими предками, которые оставили нам поговорку о том, что здоровье — главное богатство?»— «Согласен!»— отвечает. «А почему же ни в грош не ставите свое здоровье?»— «Именно потому, что согласен с предками! И во имя того, чтобы люди были здоровы!»—

отрезал он. В последнее время Шерали-ака стал такой раздражительный...

Кариме-апе так и хотелось закричать: «Глупая!.. Тебе не нужен Зияхан, который преклоняется перед тобой? Зато ты помнишь каждое слово этого выскочки. Неужто и вправду влюблена? Недаром же говорят: любовь слепа!..»

Несколько раз пыталась послать ее вместе с Зияханом с поручением — то в санэпидстанцию, то в мединститут — и намекала при этом: обратно можете не спешить. В кино бы пошли или в кафе-мороженое. Так нет. «Зияхан и сам с этим справится», — отвечала дочь. Так и не поехала. А с Халмурадовым готова торчать в лаборатории целыми днями, лишь бы слышать его голос, видеть его...

* * *

Зияхан глянул на часы и объявил, что время обедать. Вали-ака с шумом отодвинулся от стола и встал.

— В нашем буфете самое вкусное достается тем, кто приходит первым! — сказал он.

Шерали и Дильбар попросили занять для них очередь, сказав, что им надо задержаться минут на пятнадцать, чтобы закончить начатый еще утром опыт, с помощью которого хотели определить степень воздействия теабендазола и карбонона на яйца аскарид. Настроение у обоих было прекрасное. Они весело болтали, смеялись.

Наконец, все было закончено, и Шерали мог поблагодарить Дильбар. Он приблизился к ней и взял ее за руку.

Не успел Шерали и слова сказать, как дверь резко отворилась, и в лабораторию вошла Карима-апа. Дильбар выдернула руку и, залившись краской, подняла глаза на мать.

Карима-апа побледнела, однако благоразумно сделал вид, что ничего не заметила.

По взгляду дочери поняла, что та не позволит ей и слова сказать этому Халмурадову. А ссориться с Дильбар ей совсем не хотелось. Ей хотелось понять собственную дочь.

— Мне нужен Вали Тиллаевич, — сказала Карима-апа тихо, однако еле приметная дрожь в голосе выдавала ее волнение.

— Обедать ушел, — сказал Шерали, подумав о том,

что в таких случаях обычно пользуются внутренним телефоном.

— А-а...— протянула Карима Музаффаровна и направилась к выходу, но, словно о чем-то вспомнив, обернулась:— Как вы себя чувствуете, Шерали Халмурадович?

— Неплохо, благодарю вас.

— А если серьезно?

Шерали развел руками.

Карима Музаффаровна подошла к его столу и из стопки исписанных бумаг взяла верхний листок. Читая про себя, она шевелила губами.

«...На главный вопрос можно дать однозначный ответ: яйца аскарид, пролежавшие в земле и на открытом воздухе в течение десяти лет, продолжают оставаться для человека опасными.

Предложения Леонида Михайловича Исаева полностью подтвердились...

Яйца аскарид, попав в организм человека или животного, в кратчайший срок перемещаются из желудка в кишечник. Их жизнедеятельности в желудке мешают кислоты.

Далее в кишечнике откладываются личинки, которые в свою очередь очень скоро проникают в кровь.

С потоком крови личинки попадают в легкие и очень скоро вызывают воспаление плевры. Отсюда и сильный кашель. На флюорографических снимках четко просматриваются темные пятна.

Температура: тридцать восемь и семь — тридцать восемь и девять...»

Карима-апа положила листок и пристально посмотрела на Шерали.

— Я хочу, чтобы вы правильно поняли, Шерали Халмурадович... Не подорвет ли ваш эксперимент самым серьезным образом ваше здоровье? Ведь последствия трудно предсказать. Может быть, пора уже и черту подвести? Тем более, что...— она кивнула на кипу исписанных бумаг,— на главный вопрос вы уже ответили.

— Согласен с вами. Но у меня родилась еще одна идея.

— Еще идея?— нахмурилась Карима-апа.

— Хочу продолжить дневники Леонида Михайловича, если уж взялся довести до конца то, что он не успел.

Карима-апа в задумчивости покивала головой, про-

изнесла неопределенное: «Ну-ну...» — и вышла из лаборатории.

Дильбар и Шерали успели в буфет перед самым его закрытием. Но им еще кое-что досталось, чтобы заморить червячка...

Когда они допивали компот, Дильбар сказала, что сейчас она должна что-то есть духу мчаться в СамГУ и выполнить сразу несколько поручений матери. Открыв сумочку, покопалась в ней, проверяя, не забыла ли ключи от зажигания в лаборатории.

День сегодня был пасмурный. Набежавшие облака напоминали разложенную для пошива стеганого одеяла вату. И там, где слой потоньше, временами проглядывало белое солнце.

Шерали решил немного проводить Дильбар, и они медленно шагали по аллее, в конце которой стояли белые «Жигули».

Из глубины сада влажный ветер приносил аромат базилика и прелой листвы. У институтского подъезда стояли несколько молодых сотрудников в белых халатах и курили. Дильбар кивнула в их сторону:

— Для них, наверное, все времена года — и весна, и лето, и осень, и зима — пахнут одинаково: табачным дымом.

— Повальная болезнь, которой пока не придают серьезного значения. А зря...

— И против которой мы пока бессильны, — засмеялась Дильбар.

— Слишком серьезный у нас соперник — реклама. Мы-то людей предупреждаем: «Курить вредно!.. Пить вредно!..» А посмотрите, в каких ярких упаковках предлагаются нам сигареты! А какие красочные этикетки на бутылках!

— Если с этим недугом бороться всерьез, то начинать надо с того, чтобы внешний вид и того и другого был самым непривлекательным.

— Вот-вот, я бы на этикетках рисовал череп и кости, — подхватил Шерали и рассмеялся.

— Зря вы смеетесь.

— У меня сегодня хорошее настроение, какого давно не было.

— Да? Наверное, есть и причина для этого?

— Конечно, — Шерали, подавшись слегка вперед, заглянул девушке в глаза. — Ваша матушка заметила,

что я держал вас за руку, и все еще не уволила меня с работы. Даже Бухарой не пригрозила...

— Ну, вот еще! Просто она знает...— проговорила девушка и осеклась.

— Что же она знает?

— Что в таком случае уйду и я!

Шерали опустил голову. Он проникся к ней благодарностью, нет, огромной нежностью, но проявить это в данную минуту никак не мог. Этого никто не должен видеть.

Но молчание Шерали сказало девушке гораздо больше, чем он смог бы выразить словами.

Дильбар открыла дверцу машины и обернулась.

— Завтра я проведу вас,— сказала она.

Шерали проснулся с ощущением сладостного волнения. Видимо, оно не покидало его и во сне. Сегодня придет Дильбар.

За окном едва начало светать, а уже доносятся шаги прохожих, их негромкий говор. Шурша шинами и скрипящая, проехал автобус.

Шерали включил свет и перво-наперво привел в порядок комнату. Подмел пол, накрыл свежей скатертью стол, собрал валявшиеся где попало книги, журналы и положил на полку, вымыл на кухне плиту и раковину.

Затем заварил крепкого зеленого чая, налил в пиалу и вынул из целлофанового мешочка лепешку, присыпанную коноплей, разломил ее на куски.

Во время завтрака решил перечитать свои старые записи и вынул из ящика тумбочки общую тетрадь в коленкоровой обложке, исписанную до половины. На первой странице крупным шрифтом была выведена дата и в скобках: «Спустя девять лет, четыре месяца и семь дней с момента последней записи Леонида Михайловича Исаева».

Он намазал хлеб маслом и, прихлебывая чай, перелистывал страницы. Кое-где делал пометки, что-то вписывал, что-то вычеркивал. На краешке чистой страницы шариковой ручкой вывел сегодняшнее число, месяц, год, и задумался, припоминая подробности минувшего дня. Затем стал медленно писать.

«...По словам пульмонолога, в легких опасно увеличиваются темные пятна — он настаивает на немедленном лечении. Гораздо более серьезно заключение гене-

тика. По его мнению, в случае продления эксперимента у меня могут возникнуть изменения в генетическом коде. Черт возьми, не слишком ли дорогая цена? Если иметь в виду, что появится возможность искоренить аскаридоз полностью...

В организме больного происходит стремительный круговой процесс: в кишечнике из яиц вылупляются личинки: личинки превращаются в червей, они быстро растут и тоже откладывают множество яиц. Только что отложенные яйца выделяют токсин, который, попадая в кровь, отравляет весь организм. Прежде всего страдают печень, сердце, легкие, центральная нервная система...

Наличие в кишечнике десяти-пятнадцати аскарид можно считать чрезвычайно опасным для человека...

Яйца аскарид в организм животных попадают вместе с травой. В организм же человека — чаще всего с овощами.

Больные животные заражают места выпаса. И процесс этот может продолжаться беспрерывно, если в кратчайший срок не будут приняты самые решительные меры. А именно: на зараженные участки должен быть объявлен карантин не на пять-шесть лет, как было ранее, а не менее, чем на двенадцать лет. Только тогда мы избавимся от этой болезни...»

Шерали откинулся на спинку стула, потирая переносицу. Задумался. «Двенадцать и более лет плодородной земле не приносить пользу? Да выдержит ли это дехканин? Тем более, что земли эти, как правило, располагаются в непосредственной близости от его жилья. Да и в эти пять-шесть лет карантина вряд ли соблюдаются необходимые меры предосторожности. А подчас многим и неизвестно, что где-то нельзя пасти скот, а где-то сажать огурцы, помидоры. Потому и трудно бороться с этой болезнью, потому и затянулась война с нею... с древнейших времен приносившей человеку и земле страдания. Землю тоже надо лечить. Вот только как? Чтобы это выяснить, не один год и не одному ученому придется покорпеть...»

В прихожей раздался звонок.

Шерали ждал его и все же вздрогнул. Вскочил и кинулся к двери.

От свежего утреннего воздуха Дильбар разругнулась.

Шерали помог ей раздеться, повесил на вешалку пальто.

Пол комнаты ярко высветил солнечный луч.

Дильбар кивнула на горящую люстру и, смеясь, заметила:

— Вам, кажется, солнца мало?

— Решил немного поработать... и не заметил, как рассвело,— сказал Шерали и щелкнул выключателем.

— О-е, если уже такое рвение к работе, наверное, излишне справляться у вас о здоровье?

— Благодарю. До сегодняшнего дня я считал: чем хуже — тем лучше. А теперь... Наверное, очень скоро смогу сказать: «На здоровье не жалуюсь!»

Глаза Дильбар радостно блеснули.

— Ну вот и слава богу. А то все-таки было очень тревожно за вас,— девушка почему-то смутилась.

— А как вы?.. Хорошо ли себя чувствует Карима Музаффаровна?

— Вполне... Только вот...— Дильбар прищелкнула пальцами, подошла к дивану, села, положив ногу за ногу.— Если честно, то ваш эксперимент свел на нет добрую половину ее диссертации. И она очень переживает...

— Я же не преднамеренно, видит бог,— теперь смутился Шерали.— Пусть она на меня...

— Нет-нет, она на вас не сердится,— перебила его Дильбар.— Но согласитесь, есть из-за чего переживать.

— Да, не всегда сразу уяснишь, по правильному ли пути идешь. Главное, чтобы хватило мужества вернуться назад, если избрал ложный путь.

— И начать все сначала. Счастье ваше, что вы так молоды,— проговорила Дильбар, потупясь и перебирая пальцами складки платья; Шерали догадался, что она повторила слова матери; как бы подтверждая его мысли, Дильбар продолжила:— Маме придется пересмотреть некоторые положения своей диссертации.

Шерали прошелся взад-вперед по комнате, придерживая запахнутые полы легкого чапана. Потом спросил:

— Она велела передать мне это?

Дильбар отрицательно покачала головой.

— Велеть не велела, но знает, что скажу.

— Почему она в этом так уверена?

Дильбар подняла голову. В ее глазах он прочел: «Она знает, что я бываю у вас!..» Но произнесла другое:

— Мы очень дружны с мамой. Всегда во всем советуемся... У нас друг от друга нет секретов... Самое главное, пересматривая некоторые свои тезисы, она хочет сделать ссылку на вас. И ее беспокоит, дадите ли вы на это свое согласие...

— Для меня это большая честь!.. Ведь в обработке материалов принимает участие целый коллектив. Поэтому будет справедливее, если она сошлется не на меня, а на коллектив.

— Но основная работа все же проделана вами.

— Ну и что же?

— Согласны поделить славу со всеми?

Шерали сдвинул брови, делая вид, что озадачен вопросом, а в глазах у самого сверкали веселые смешливые искры.

— А мне вполне достаточно выглядеть героем в ваших глазах. Если это, конечно, возможно. Но об одном вас прошу — о славе не заводить никаких разговоров. И так уже кое-кто об этом только и твердит...

— Зияхана имеете в виду? Да он вам просто завидует.

— Не только это!

— А что еще? — насторожилась Дильбар.

— То, что он еще и ревнует кое-кого, — улыбнулся Шерали.

— Да ну вас, — отмахнулась Дильбар.

Шерали подумал о том, что сам, уже задним числом, ревнует Дильбар. В ушах то и дело звучал голос Зияхана, когда он не без гордости рассказывал о том, где они накануне побывали с Дильбар: посетили ли театр, ездили ли на пикник, побывали ли в гостях у кого-то из знаменитостей. Зияхан считал совершенно необходимым доводить это до сведения коллег, дабы те мотали себе на ус, как покровительствует ему Карима-апа, если он чуть ли не каждый вечер проводит с ее дочерью. Некоторые в институте заискивали перед Зияханом именно по этой причине. А Шерали так и подмывало иногда оборвать Зияхана, сказав ему какую-нибудь гадость. Молчал из-за Дильбар.

— Однако вы не пропускали ни одного нового фильма, — не удержался все-таки Шерали от упрека.

— Да что вы! Всего-то раза два или три были!

— А я не помню, когда в последний раз выбирался в кино.

— В общем-то и я тоже.

— А вы-то почему?

— Не получалось как-то,— Дильбар опустила голову и тихо, сдавленным голосом, прошептала:— Не хотела без вас...

Шерали боролся с желанием подойти к ней, обнять за плечи и крепко прижать к себе. С трудом сдержался. Но не в силах был отвести от нее глаз.

Почувствовав его взгляд, Дильбар медленно подняла голову. С минуту они смотрели друг на друга.

Поддавшись его зову, она медленно встала, приблизилась к нему почти вплотную и закрыла глаза, чувствуя на горящем своем лице его дыхание. Ее рот чуть приоткрыт.

У Шерали закружилась голова. В висках стучала кровь: «Люблю!.. Люблю!.. Люблю!..» И сердце билось так, что пришлось вздохнуть полной грудью. «Люблю!.. Люблю!..» А до сознания дошел собственный голос... Совсем недавно Шерали, выступая на ученом совете, говорил: «...А спустя два-три дня личинки по пищеводу поднимаются в полость рта, проникают в бронхи и легкие. Наблюдается обильное слюноотделение. Посредством слюны болезнь может легко передаваться другому...»

Руки Шерали непроизвольно коснулись плеч девушки. И тут же он резко отступил назад...

Дильбар открыла глаза и увидела, что Шерали, выскочив на кухню, ставит на конфорку полный чайник, расплескав воду, и чиркает спичками, ломая одну за другой.

Первым желанием девушки было кинуться в прихожую, одеться и броситься бегом из этого дома, чтобы больше никогда-никогда здесь не появляться. Но сделай она хоть шаг, у нее, наверное, подкосились бы ноги.

Неожиданно она ощутила в себе такую слабость, что подуи на нее ветерок, не устояла бы. Вернулась к дивану и, закрыв ладонями лицо, уткнулась в колени. Ее объял стыд. «О боже, что это со мной?!» Очнувшись, почувствовав прикосновение к плечу. Вздрогнула и выпрямилась.

— Не прикасайтесь ко мне!— Дильбар резко сбросила с плеча руку Шерали.

— Дильбар,— произнес он спокойно, но голос его вдруг сорвался, будто кто-то сдавил ему горло, и она поняла, как трудно далось ему это спокойствие.— Простите меня... Вы мне очень дороги. Поэтому... Поэтому...

Она усмехнулась краешком рта и передернула плечом, точь-в-точь, как это делала ее мать, выражая относительно чего-то сомнение или недоверие.

— И даже больше...— продолжал Шерали.— Я не представляю, как в дальнейшем смогу жить без вас...

Дильбар отвернула лицо в сторону. А он мялся, искал незатертых слов, которые запали бы ей в душу, но все, что он мог сказать, не могло передать и малой толики того, что он сейчас испытывал. И Шерали замолчал.

Дильбар поднялась. Щеки ее еще горели.

— Зачем я, собственно, пришла?.. Ах, да, хотела приготовить вам поесть. Хотите, сварю что-нибудь?

— А вот для «что-нибудь» ничего и нет,

Дильбар засмеялась и прошла на кухню. Скрипнула дверца навесного шкафа. Задрезбезджал, включаясь, холодильник.

— Картошка есть!..— донесся голос Дильбар.— И немного колбасы... Вот если найду еще лук и масло — тогда держитесь!..

Перед глазами Шерали замелькали разноцветные майские шары, то раздуваясь до необъятных размеров, то уменьшаясь и исчезая, будто из них выпустили воздух. К горлу подступила тошнота. Он шагнул к дивану и сел, скрючившись, прижал к животу локти, стараясь дышать спокойно и глубоко. Иногда это помогало.

Хоть бы Дильбар не заметила! Хоть бы не заметила... А то опять в глазах ее появится жалость. Жалеют слабых, а ему надоело быть слабым. На жалости любовь не может держаться...

С кухни доносился звонкий голос Дильбар. О чем это она? Что-то говорит. И все мимо его ушей. Сколько времени просидел он так, пока отдышался?.. Все, теперь уже полегче. Можно даже улыбнуться.

Шерали подошел к окну, открыл форточку. Постоял, жадно вдыхая свежий воздух, пропитанный запахом древесной коры и палых листьев.

Дильбар внесла в комнату большое фарфоровое

блюдо с красными цветочками по краям. На нем красовалась подрумяненная картошка с кусочками жареной колбасы.

— Пожалуйста, жаркое!

Шерали ел через силу, чтобы не обидеть Дильбар. Жареная картошка буквально раздирала стенки воспаленного пищевода.

Немного погодя, спросил:

— А вы?

— Я завтракала,— Дильбар сидела напротив и, подперев ладонью щеку, смотрела, как он ест, и улыбалась, довольная, что ему понравилась приготовленная ею еда.

— Оказывается, и из ничего можно приготовить что-то вкусное. Представляю, какой вы делаете вкуснейший плов...

— Плов это плов. Как его ни приготовь, все одно вкусно.

— Не-ет, многое зависит от того, кто готовит. Два человека, стоя рядом, могут делать все совершенно одинаково, а вкус у плова разный... Талант нужен.

— Говорят, плов — монополия мужчин. У нас плов всегда готовил папа. Вот это был плов так плов!.. У нас с мамой такого не получается,— грустно вздохнула Дильбар.

— Один мой товарищ, когда учился в университете, слушал лекции вашего отца. Он всегда вспоминает о нем с уважением...

— Да, папа все силы отдавал работе. Врачи предупреждали... И внезапно... Инфаркт.

Шерали положил вилку на пустую тарелку. Вздохнув, сказал:

— Кто-то из ученых остроумно заметил, что инфаркт — это пуля, нацеленная в сердце двадцатого века. Кто знает, скоро ли родится гений, который сработает против этой пули щит...

— Увы,— усмехнулась Дильбар, и две горькие складки пролегли по углам ее рта.— В то же время немало «гениев» ломает головы над тем, чтобы создать еще более смертоносные пули, направленные опять же в сердце двадцатого века.

— Да... Если даже исключить войны, все равно настала пора подумать о том, как спасти человечество... Скажем, уровень гемоглобина, эритроцитов у нашего современника в три-четыре раза ниже, чем у тех, кто

жил полтора-два века назад. Сейчас это считается нормой! А дальше как?..

— Помню, папа сравнивал человеческую жизнь со вспышкой падающей звезды. Вспыхнула и растворилась в темной бездне вселенной.

— Именно так. Он был прав, ваш отец.

— Значит, вы тоже так считаете?

— Время летит, пожалуй, даже быстрее, чем звезда. Его ничем не восполнить.

— Да, не восполнить,— грустно повторила Дильбар, не сводя с него пронизывающих черных глаз.— Почему же вы тогда обрекли себя на эти мучения, вместо того, чтобы украсить чем-то свою жизнь, приумножить радости?

— А разве это не радость, когда достигаешь того, к чему стремился?..

— Шерали-ака! А вы способны думать о чем-нибудь другом, кроме своей работы?— спросила Дильбар, все так же не сводя с него глаз.

И он отвел взгляд, словно ослепленный черными, бьющими в упор лучами.

— Конечно,— пробормотал он.— Сейчас я как раз меньше всего думаю о своей работе.

— Ого, это уже интересно. Чем же заняты ваши мысли?

— Вами. Да-да, вами.

Дильбар вдруг стала похожа на растерянного ребенка. Ресницы затрепетали, губы задрожали, будто противясь набегающей на них улыбке.

Она не сводила с Шерали глаз, в них почему-то стояли слезы.

* * *

Едва Шерали, войдя в лабораторию, успел бросить: «Добрый день», как Вали Тиллаевич живо вскочил с места.

— Идемте скорее к Кариме Музаффаровне! Велено, как только вы явитесь, немедленно доставить вас к ней!

Секретарша встретила их с улыбкой. Сказала, что Карима-апа ждет.

Карима-апа, держа чайник белой салфеткой, наливала в пналу чай. Покончив с этим, поздоровалась за руку с Вали-ака, с Шерали, затем велела секретарше принести еще две пналы.

— Ну, как самочувствие?— спросила она.— Стало полегче после того, как начали лечение?

— Благодарю. Действительно полегче.

— Рада за вас. Присаживайтесь. У нас сейчас гости из Ташкентского института паразитологии. Я решила провести с ними небольшую беседу. С вашим участием. Не возражаете?— Она взяла у секретарши пиалы, налила чаю, подала Вали-ака и Шерали; стоявшей в ожидании распоряжений секретарше сказала:— Пригласите товарищей.

Та кивнула и, почти неслышно ступая по ковровой дорожке, вышла.

Через несколько минут в приемной послышались голоса, тут же открылась высокая белая дверь кабинета, предупредительно предлагая друг другу переступить порог первым, вошли человек десять-двенадцать. Среди них было и несколько коллег Шерали, причастных в какой-то мере к его опыту. Двоих он встречал в Ташкенте, когда ездил туда. Остальные были незнакомы. Вошедшие раскланивались и занимали места.

Карима Музаффаровна представила Шерали гостям из Ташкента.

— Слышали о вашем эксперименте, очень интересно,— сказал один из них, подойдя к Шерали и пожимая ему руку.— Хотелось бы что-нибудь узнать о нем от вас самого.

Пока приглашенные рассаживались, обмениваясь негромкими фразами, Карима-апа сидела с равнодушным, ничего не выражающим лицом и перебирала на столе какие-то бумаги. По ее виду гости могли подумать, что подобные эксперименты проводятся в институте сплошь и рядом и давно перестали кого бы то ни было удивлять. Наконец Карима-апа нашла среди бумаг то, что искала, и сказала:

— Итак, уважаемые товарищи, все вы достаточно подробно знаете о том эксперименте, который провел на себе наш уважаемый Шерали Халмурадович. Сейчас этот эксперимент на стадии завершения. Сделаны необходимые наблюдения, определенные выводы. Пожалуйста, Шерали Халмурадович, поделитесь с присутствующими результатами эксперимента.

Шерали подробно рассказал о том, как протекала болезнь, обратив внимание коллег на самые серьезные, с его точки зрения, моменты.

Ученые внимательно слушали его и что-то записывали в блокнотах.

Шерали закончил выступление и сел. Никто из присутствующих не спешил высказаться.

Первой подала голос Карима Музаффаровна:

— Я рада за вас, Шерали Халмурадович,— сказала она бесцветным голосом.— Не забудьте написать заявление об отпуске. Путевкой в санаторий мы вас обеспечим. Вам необходимо отдохнуть.

— Спасибо,— сказал Шерали,— но в ближайшее время у меня вряд ли будет возможность для отдыха. По завершении этого опыта предстоит провести ряд других.

Кабинет наполнился гулом голосов, раздались смехи.

— Ваш оптимизм, Шерали Халмурадович, достоин восхищения,— с улыбкой сказала Карима Музаффаровна, постукиванием карандаша призывая присутствующих к тишине.— И что же это будут за опыты, надеюсь, вы не делаете из этого секрета?

— Не делаю. В чем заключался смысл проведенного эксперимента?— спросил Шерали, вставая с места, и сам ответил:— Выявить дееспособность находящихся в земле возбудителей болезни. Теперь мы должны в возможно более короткие сроки научиться обрабатывать зараженные участки земли, чтобы потом можно было пользоваться ими без страха.

— Что же вы предлагаете?— поинтересовалась Карима Музаффаровна, в глазах ее засветилось искреннее любопытство.

— По этому вопросу некоторые соображения оставил Леонид Михайлович. Зараженные участки он предлагает обрабатывать препаратами теабендазола и карбонона. Прежде всего нам необходимо проверить, сколь эффективно это средство. Если оно окажется малоэффективным, искать какие-то новые...

— Что ж, согласна. Но сначала вылечитесь,— сказала Карима-апа.— Работы впереди, действительно, непочатый край. А это требует хорошего здоровья.

— Да, Шерали Халмурадович провел чрезвычайно важное и сложное исследование,— негромко заметил заместитель директора Саттар Мукумович и посмотрел на Кариму Музаффаровну, чтобы по выражению ее лица определить, то ли он говорит, что надо, продолжать или нет; та сидела, уставившись на лист белой бумаги, во-

дила по нему карандашом. И он не решился развивать свою мысль.

А Вали Тиллаевич взял да и подхватил ее, кивая растерявшемуся заместителю Каримы-апы:

— Вы совершенно правы, Саттар Мукумович, этот смелый эксперимент молодого ученого поднимает авторитет нашего института.

— Ничего не скажешь, молодец, джигит!— сказал кто-то из ташкентцев.

— Вполне разделяю ваше мнение,— проговорила Карима-апа.— Мы им гордимся.

Шерали ответил на несколько заданных ему вопросов.

После чего Карима-апа объявила, что все могут быть свободны. Шерали она попросила задержаться. Когда они остались одни, она попросила его подсесть поближе и сказала:

— Обработка почвы препаратом теабендазола и карбонона... это обойдется нам в копейку, слишком дорого!

— Вы правы, Карима-апа. Пока у нас нет дешевых средств, придется использовать эти.

— Но у нас просто не хватит препарата для обработки больших площадей.

— Сейчас я еще только ищу, чем можно уничтожить эту заразу, не меняя структуры самой почвы, не нанося вреда другим живущим в ней организмам, траве. Что же касается того, чтобы препараты были не только действенными, но и дешевыми — это уже другой вопрос, и над этим тоже предстоит подумать.

— Да, Шерали Халмурадович... Работы у вас и впрямь непочатый край. Что ж, желаю вам не устать!— она поднялась и подала ему руку.

Шерали тоже встал. Рука у Каримы-апы была женственная и в то же время по-мужски сильная. Когда он взялся за медную, начищенную до блеска ручку двери, его настиг голос Каримы-апы:

— А заявление относительно путевки все-таки напишите!

Он кивнул и вышел.

* * *

«...Сорок!.. Сорок одна... Уф-ф!.. Вот я и поднялся почти до самой верхней площадки! Дильбар, видишь?»

Я поднялся! Благодаря тебе, Дильбар! Это твое присутствие вливает в меня силы. Как хорошо сознавать, что ты рядом. Окликну — и тотчас появишься. А покинут меня силы — подставишь плечо, пусть хрупкое и слабое, но ведь мне не опереться надо, а только почувствовать твое плечо, плечо друга...»

Он услышал звонкий смех Дильбар. Почудилось? Нет, в самом деле. Девушки стояли в тени небольшого навеса, и Галина рассказывала подруге что-то занятное.

Шерали заразившись их весельем, тоже улыбнулся и подумал, что давно уже не смеялся так, чтобы ни о чем не думать, только смеяться. Почти разучился... А смех Дильбар, как искра, которой ничего не стоит воспламенить его окаменевшую душу, вернуть ей способность радоваться...

Скоро, скоро силы вернутся к нему, и закипит в жилах кровь. Только бы всегда была рядом Дильбар! Шерали представил себе, как, крепко держа за руку Дильбар, он взбирается с ней в гору по крутому зеленому откосу. Они то и дело спотыкаются, падают в траву, и лепестки тюльпанов разлетаются в разные стороны. Девушка покраснелась, глаза излучают свет, вместили в себя и небо с плывущими по нему облаками, и ослепительно сверкающие вершины гор.

Шерали не заметил, как вновь зашагал вверх по ступенькам.

— Ну, сколько, Шерали-ака?— спросила Дильбар, когда он ступил на верхнюю площадку.

— Сорок две!— выдохнул он.

— А я насчитала сорок одну!

— А я сорок три!— сказала Галина, отбрасывая со лба светлую прядь.

— Теперь обратно,— спросила Дильбар.

— Коли я все-таки одолел лестницу, то должен пойти поклониться духам предков и, попросить у них по старой традиции покровительства,— улыбнулся Шерали.

Посетителей уже было не так много. В узком, устланном квадратным жженным кирпичом проходе, сжатом с обеих сторон большими и малыми мавзолеями, тесными худжрами, шаги отдавались глухим эхом. Под сводами, полными мрака и прохлады, слышались негромкие голоса и шепот. Стены были сплошь покрыты разноцветной плиткой с замысловатыми узорами. В них

преобладал голубой цвет, который как-то успокаивал, помогал привести в порядок мысли. В какое бы ни вошел помещение, можно часами стоять и удивляться творению рук человеческих, ощущая в сердце музыку. Время здесь словно останавливалось.

Подошла Дильбар, взяла его под руку и, прижавшись к плечу щекой, тихо напомнила:

— Галя опоздает на поезд.

Самарканд купался в лучах вечернего солнца. Макушки деревьев, крыши домов впитывали цвет заката.

Вдали виднелись горы. Холодная синева, быстро сгущаясь, от подножий поднималась к вершинам, которые постепенно тонули в вечерних сумерках. Когда погас луч на самой высокой вершине, над городом вспыхнули гирлянды электрических огней...